АВТОБИОГРАФИИ НЕКРАСОВА

Г. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАМЕТКИ НЕКРА-СОВА.— АВТОБИОГРАФИЯ НЕКРАСОВА, ЗАПИСАННАЯ ДЛЯ М.И.СЕМЕВ-СКОГО.— ИЗ ДНЕВНИКОВ НЕКРАСОВА.

II. ИЗ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ А. А. БУТКЕВИЧ. ПРИЛОЖЕНИЯ. А. А. БУТКЕВИЧ, НАБРОСКИ БИОГРАФИИ НЕКРАСОВА.— Н. В. ГЕРБЕЛЬ, Н. А. НЕКРАСОВ.— М. М. СТАСЮЛЕВИЧ, Н. А. НЕКРАСОВ.

III. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ А. Н. ПЫПИНА.— В. А. ПАНАЕВ, ВОСПОМИНА-НИЯ.— А. С. СУВОРИН, НЕДЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИИ КАРТИНКИ. С. Н. КРИ-ВЕНКО, ИЗ РАССКАЗОВН. А. НЕКРАСОВА.

Публикация В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера

Творчество Некрасова богато автобиографическими элементами. Они имеются в значительном количестве уже в прозе Некрасова, т. е. в произведениях, относящихся к первому периоду его литературной деятельности. Для многих страниц таких произведений, как «Жизнь и похождения Тихона Тросникова», «Без вести пропавший циита», «Тонкий человек» и «Каменное сердце», исследователями давно уже установлен ряд бесспорных и порою очень точных соответствий художественного текста с реальными биографическими фактами. Еще характернее в этом смысле стихи Некрасова. Исследователь никогда не решился бы безоговорочно интерпретировать биографически стихи поэта. Однако оказывается, что сам Некрасов часто прибегал к биографической интерпретации своих лирических стихов.

Рассказывая о судьбе грешневской усадьбы и о своем отце, он дважды вводит в текст автобнографии цитаты из «Родины» (1846); так же использованы строки из стихотворения 1855 г.—«На родине», из стихотворения 1860 г.— «Деревенские новости». Собственное развитие поэта им же иллюстрируется его детскими стихотворениями и общирными цитатами из стихотворения «Сыны народного бича...» (1870).

Нет надобности, однако, ограничиваться биографической интерпретацией стихов и прозы Некрасова, когда в распоряжении исследователей есть подлинная автобиография поэта. Первые ее замыслы относятся к 1855 г., когда, тяжело заболев, 34 лет отроду, Некрасов, в ожидании близкой смерти, задумал писать свою автобиографию, уже не в виде рассказа и не в стихах, а в откровенной форме мемуаров.

Об этом читаем в письме к Тургеневу от 30 июня: «Стихи, впрочем. слишком расшатывают мои нервы, и я теперь придумал для себя работу полегче, и хочу, по этому поводу, спросить твоего совета. Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою автобиографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — довольно обширном размере. Скажи: не слишком ли это, так сказать, самолюбиво. Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно: главное в том, что эта работа для меня легка...»¹

Тургенев горячо одобрил мысль Некрасова. 10 июля 1855 г. он отвечал: «Вполне одобряю твое намерение написать свою автобиографию: твоя жизнь именно из тех, которые, отложа всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется»².

Осуществить этот план Некрасову не пришлось. «Начало», о котором он писал Тургеневу, послано ему не было и, вероятно, не было и написано. Однако мысль об автобиографии не оставляла Некрасова и в следующие годы. Он охотно согласился на просьбу М. И. Семевского в 1872 г. сообщить рассказ о своей жизни и продиктовал его присланной Семевским сотруднице. Приблизительно в это же время Некрасов просматривает свою биографию, составленную Н. В. Гербелем для своей хрестоматии.

Незадолго до смерти Некрасов рассказывает отдельные эпизоды своей жизни С. Н. Кривенко,— записаны они были последним по памяти вскоре после смерти

Некрасова.

Наконец, в феврале или в начале марта 1877 г. поэт соглашается, по просьбе М. М. Стасюлевича, авторизовать подготовляемую для «Русской Библиотеки» свою биографию.

По этому поводу Щедрин в свойственной ему ворчливой манере писал П. В. Анненкову: «А он-то (Некрасов), в предвидении смерти, все хлопочет, как бы себя обелить в некоторых поступках. Я же говорю: вот шесть томов, которые будут перед потомством свидетельствовать лучше всяких обличений "Русской Старины"»³.

В напряженном желании облегчить свою душу и сказать правду о себе чувствовалось постоянное ощущение неисполненного долга, вины — мнимой или действительной. Эту черту имеет в виду В. И. Ленин, говоря о том, что Некрасов «сам же горько оплакивал свои грехи и п у б л и ч н о к а я л с я в них» 4.

Своеобразной формой автобнографии являются для Некрасова и его многочисленные рассказы о своей прошлой жизни, которые в таком обилии зарегистрированы мемуаристами. Даже с людьми, мало ему знакомыми, Некрасов легко начинал рассказы о себе.

Так, например, впервые посетив (вероятно, в 1861 г.) П. В. Быкова, Некрасов «кратко начал передавать (ему) эпизоды тех лет, когда он приехал в Петербург, работал за гроши, очутился в роли чернорабочего строчилы на все руки и маялся изо дня в день».

Тот же Быков рассказывает о том, как «Некрасов несколько раз обещал» редактору журнала «Северный Цветок», Ф. А. Зиновьеву, «начать повествование о своих элоключениях в юношеские годы, начинал и не кончал, срываясь с места и отзываясь недосугом. А когда, наконец, исполнил обещание, то разошелся, делал отступления. впивался взглядом в лицо собеседника, точно хотел узнать, какое впечатление произвел на него этот печальный рассказ, и уснащал его возгласами: «Так-то, отец... Трудно поверить!» А в заключение закрыл лицо руками и долго оставался в этом положении» с

Воспоминания А. Н. Пыпина, В. А. Панаева, А. С. Суворина, Е. Я. Колбасина, Н. В. Успенского и др. полны такого рода рассказов. Из них в настоящей публикации воспроизводятся записи трех первых из названных авторов. Эти записи передают в прямой или косвенной форме автобиографические рассказы поэта. Достоверность этих записей подтверждается рядом сопоставлений и справок (см. примечания). Этот материал существенно пополняет рассказы самого Некрасова. Сюда же примыкают и публикуемые впервые страницы рассказов Некрасова, записанные С. Н. Кривенко. Не включены, вследствие их недостоверности, рассказы Н. В. Успенского в его книге «Из прошлого» (М., 1889) и в «Иллистрированной Газете» (1878, № 6, от 5 февраля, 46— 47: «Воспоминание о Н. А. Некрасове. Письмо в редакцию»). Не заслуживает доверия и рассказ Е. Я. Колбасина («Тени старого «Современника». - «Современник» 1911, № 8), представляющий собою вольную контаминацию беллетристической прозы Некрасова с ходившими о нем многочисленными сплетнями. Биографический очерк А. Михайдова, напечатанный во 2-м выпуске издания Баумана «Русские современные деятели», (СПб., 1877), является, как это было в свое время показано Стасюлевичем, по преимуществу плагиатом текста «Русской Библиотеки» 7.

С особенной силой желание составить свою автобиографию проявилось у Некрасова во время предсмертной болезни. С. Н. Кривенко рассказывает, как незадолго до смерти Некрасов обратился к нему и Н. К. Михайловскому со следующим предложением: «...Приходите ко мне и записывайте, что я буду говорить; много интересного... Только вот 'беда: кричу я иногда от боли по целым дням, так что часов определенных никак нельзя назначить. Трудно это вам, пожалуй, покажется: придете, а я как раз в эту самую менуту огу на весь дом так, что, может быть, несколько раз придется приходить, пока выберется часок-другой свободный...». Далее Кривенко сообщает, что план Некрасова не осуществился: «Переглянулись мы с Н. К. «Михайловским», да тем все и кончилось» ⁸. Кое-что из рассказов Некрасова Кривенко записал уже впоследствии.

Ни Кривенко, ни Михайловский не были особенно близки к Некрасову, и не знали о том, что свое желание он отчасти осуществил. Несколько заметок Некрасов написал сам — они оформлены в виде дневника; ему удалось самому набросать для памяти и дватри плана, конспекты дальнейших рассказов и один небольшой отрывок; однако огромное большинство публикуемых набросков было продиктовано Некрасовым его близким, ухаживавшим за ним во время болезни. Некрасов имел в виду продиктованные отрывки просматривать и исправлять, но и это намерение ему удалось осуществить лишь для первого наброска, в дальнейшем же следует невыправленный диктант,— этим и объясняются (как и ослаблением памяти больного) отмеченные в примечаниях различные неточности или ошибки. Все публикуемые отрывки уже внешним видом своим свидетельствуют о том, что перед нами неперебеленный диктант. Переписка набело, очевидно, должна была производиться после соответствующей правки Некрасовым набросков, но до этой стадии обработки он дойти не успел, торопясь продиктовать побольше. Очень точно описывает работу Некрасова над автобиографией почти ежедневно посещавший его приятель и врач Н. А. Белоголовый.

В своей статье «Болезнь Н.А. Некрасова» он сообщает, что приблизительно в январе — феврале 1877 г. поэт «под влиянием наплыва... воспоминаний... остановчлся на мысли составить свою биографию и лихорадочно приступил к этому таким образом: частью он диктовал сам, пользуясь всяким свободным от боли часом, то брату Константину Алексеевичу, то сестре Анне Алексеевне, иногда даже ночью будил их и заставляя писать под свою диктовку...» ⁹. Это свидетельство Белоголового позволяет достаточно уверенно датировать издаваемые наброски первыми месяцами 1877 г.; более точная датировка отдельных частей затруднительна.

Этими соображениями определяется и установленный порядок расположения набросков. Они расположены таким образом, чтобы, по возможности, составить связный и последовательный рассказ. Из написанных ранее частей сюда же для полноты введены заново проверенные и дополненные) относящиеся к 1869 г. четыре черновых наброска письма Некрасова к Салтыкову по поводу появившихся в том году в «Вестнике Европы мемуаров Тургенева о Белинском. Эти наброски являются воспоминаниями Некрасов о начальном периоде его литературной деятельности и органически входят в состав автобиографии. Наконец, в текст автобиографии введены и те наброски, автографы которых ныне утрачены или неизвестны, но были в свое время в распоряжении исследователей (А. М. Скабичевского, А. Ф. Кони, В. Е. Евгеньева-Максимова) 10.

К материалам собственно автобиографии Некрасова тесно примыкают составившие вторую часть публикации дневники и воспоминания его сестры А. А. Буткевич, самсотверженно ухаживавшей за братом в 1876—1877 гг. Эти материалы, с одной стороны, пополняют сведения о юношеских годах Некрасова (отношения с крестьянами, с отцом охота и т. д.), с другой — сообщают ряд важных и интересных подробностей о последних месяцах жизни поэта: о борьбе за «Пир на весь мир», за «Последние песни», о посещении Ф. М. Достоевского, помешанного студента Будде и т. д. Рассказы Буткевич о ее визите к председателю С.-Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову, о его визите к Некрасову, о посещении Салтыковым поэта и т. д. являются почти единственным источником биографии Некрасова в последние месяцы его жизни и ярко характеризуют предсмертную борьбу поэта с царской цензурой.

Гораздо меньшую ценность представляют наброски биографии Некрасова, составлявшиеся А. А. Буткевич, вероятно, в начале 1878 г., сразу же после смерти Некрасов. В примечаниях показан своеобразный метод ее работы: подлинные рассказы поэта Буткевич нередко пересказывала в третьем лице от своего имени, лишь иногда сопровождая их словами, вроде «брат рассказывал...» и т. д. При этом она «редактировала» текст брата, смягчая и сглаживая его или иногда вводя от себя те или иные подробности. Именно этим текстом пользовался Скабичевский, а вслед за ним и другие биографы Некрасова до самого последнего времени, и лишь теперь возможно точно воспроизвести текст самого поэта.

Неожиданную и большую трудность составили биографические справки о мест и времени первой публикации того или другого отрывка. Разыскания осложнялись тем обстоятельством, что в печати сплошь и рядом появлялись отдельные отрывки фразы и даже слова в составе различных статей и без каких-либо ссылок. Возможно поэтому, что некоторые из библиографических справок о первой публикации текста неточны и будут впоследствии исправлены; здесь дан итог библиографических разысканий, так сказать, в его первом приближении 11.

* *

Автобиографические записи, или заметки, Некрасова, известные до сих пор лишь в неполных и недостоверных по тексту публикациях и впервые появляющиеся ныне в полном и реконструированном, по мере возможности, виде*, представляют источник большой важности и интереса. Такое значение источника определяется прежде всего обилием содержащихся в нем фактических материалов для биографии поэта. Но содержание записей шире и глубже их фактографической ценности, как низначительна она сама по себе. Заметки писались, точнее диктовались, Некрасовым тогда, когда он умирал и знал, что умирает. Предсмертные, глубоко искренние и правдивые высказывания поэта о своей жизни дают возможность глубже заглянуть в нее и отчетливо увидеть основные черты духовного облика Некрасова.

Первое, что обращает внимание читателя заметок,— это отношение Некрасова к народу — отношение, которое заставляет видеть в демократизме Некрасова не только и даже не столько систему взглядов, выработанных чисто интеллектуальным путем, сколько глубокое, органически возникшее и органически развившееся общественно-политическое настроение. С этой точки зрения особенно интересна первая группа отрывков.

Шестидесятые годы. Некрасов — в Грешневе. Перед ним — пожарище его родного гнезда. Из беседы с местными крестьянами выясняется, что дом загорелся «в ясную погоду при тихом ветре». Пожар легко было потушить, но из местных жителей никто не хотел этого сделать. Можно предположить, что пожар возник в результате поджога, и уже совершенно несомненно, что нежелание грешневцев тушить огонь свидетельствовало о том, что пожар дома, где жило несколько поколений помещиков, скорее должен был обрадовать их, чем опечалить. Каково же отношение Некрасова к гибели родового гнезда и к обстоятельствам, сопровождавшим эту гибель?

Он рассказывает об этом событии в эпически бесстрастном тоне, не проявляя по этому поводу никакого огорчения. Ни слова упрека ни тем, кто поджигал, ни тем, кто не хотел тушить. Наоборот, чувствуется, что Некрасов в известной мере солидарен с грешневцами в том, что иной участи «гнездо» и не заслуживало. А чтобы искренне проникнуться таким настроением, нужно было не только до конца изжить в себе дворянина, помещика, но и нужно было выработать в себе такие взгляды, которые позволили бы взглянуть на происшествие не со стороны и не господскими, а мужицкими глазами, глазами «мужицкого демократа» (Ленин).

Необыкновенной теплотой проникнуто обращение Некрасова к грешневским детям. «беловолосым ребятишкам» (в первом отрывке), заставляющее вспомнить такие стихотворения, как «Крестьянские дети».

Глубина и органичность демократизма Некрасова, искренность его ненависти к крепостничеству, как к вековой кабале русской народной жизни, сказываются и в том отрывке, где он с чувством гордости и удовлетворения заявляет: «Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до шестнадцати лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но будучи наследником своих отцов, имевших родовое поместье, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли».

Наравне с глубокой и искренней любовью Некрасова к народу автобиографические заметки позволяют судить еще об одной важной черте его духовного облика. Некрасов был человек суровой моральной требовательности к себе, человек на-редкость чуткой

^{*} В нашей публикации использованы все сколько-нибудь существенные варианты рукописей, опущены лишь мелочи, не имеющие никакого значения для понимания текста.

совести. Эта требовательность заставляла его иногда предъявлять себе упреки и в такого рода поступках, которые объективно не содержали в себе никакой моральной вины.

В одной из заметок Некрасов кается, например, в якобы несправедливых стикотворных обличениях по адресу своего отца-крепостника, деснота и самодура («Я должен снять с души моей грех...» и т. д.). Смысл сказанного здесь Некрасовым сводится к тому, что он, имея нравственное право обличать отца за его «личные черты, характер, семейные отношения», не должен был обличать его как «крепостника» на том основании, что крепостничество Алексея Сергеевича Некрасова всецело объясняется условиями эпохи, в которую он жил. «Чем же другим мог быть тогда мой отец?»— спрашивает Некрасов и добавляет: «Я побивал не крепостное право, а его лично».

Но в этом именно утверждении и коренилась опибка. Ставя вопрос таким образом, Некрасов упускал из виду, что обличения отца-крепостника в его творчестве, данные в образах широкого, тинического значения, художественно обобщавшие наиболее мрачные стороны крепостничества вообще, полностью выводили эти обличения за пределы биографических реалий и «побивали» именно крепостное право.

Последующие отрывки дают большой и ценный фактический материал для изучения первых лет жизни Некрасова в Петербурге, по приезде из Ягославля, и первых этапов его творческого пути. К сожалению, эта часть записей носит конспективный характер.

Эта конспективность помешала Некрасову сколько-нибудь подробно рассказать о той исключительной роли, которую сыграл в его жизни и творчестве В. Г. Белинский. Однако имя Белинского все же фигурирует в записях. Так, Некрасов приводит адресованные ему и полные глубокого смысла слова Белинского: «Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов: нужна одна правда».

«Поворот к правде», т. е. к реализму. о чем упоминает дальше Некрасов, говоря о своем творчестве, и восходит, как к одному из своих источников, к этому завету Белинского.

Последние отрывки носят совершенно особый характер. Это не что иное, как дневник, дневник человека, знающего, что дни его сочтены. Мы знаем и другой, быть может, еще более потрясающий предсмертный «дневник» Некрасова — его «Последние песни». Но входящий в состав записей дневник, несомненно, писался позднее, чем большинство стихотворений, составляющих сборник «Последние песни». Недаром в самом начале дневника содержится прямое указание, что после создания стихотворения «Баюшки-баю» муза перестала посещать поэта и ему пришлось «приниматься за прозу». Однако и «проза» уже была непосильна для умиравшего в жестоких страданиях поэта. Его краткие дневниковые записи вскоре оборвались.

Примечательно, что дневник открывается словами «Худо, читатель». Это обращение не случайно в устах Некрасова. Слово «читатель» имело для него особый смысл — читателем он называл не просто читателя своих стихов, а читателя-единомышленника, «читателя-друга», по выражению Щедрина. Такого именно читателя имел в виду Некрасов в элегии «Уныние», когда говорил

Но мой судья — читатель-гражданин. Лишь в суд его храню слепую веру.

Но читатель-граждании, к которому обращался Некрасов, не мог еще создать в тех исторических условиях той прочной организованной опоры для передовой литературы, о чем мечтал поэт. Этот читатель еще не был и не мог быть самостоятельной общественно-политической силой. И котя Некрасов не мог пожаловаться на отсутствие внимания и любви к себе со стороны современного ему русского читателя, особенно радикально-демократической, революционно настроенной молодежи, и котя как раз в последние дни своей жизни умиравший поэт получил особенно много глубоко тронувших его своей искренностью и теплотой приветствий (среди них: от Н. Г. Чернышевского, студентов Хирургической Академии, сибиряков

и др.), -- все же он понимал, что счастья полного и активного единения с «читателем-гражданином», к чему он так мучительно стремился, он не знал.

Но Некрасов глубоко верил в будущее своего родного народа, для которого он жил и творил. К суду этого будущего он и апеллировал с надеждой и уверенностью, что дело его жизни останется в «памяти народной», что грядущий свободный «читатель-граждании» его родины не забудет его. Этой оптимистической вере в будущее Некрасов остался верен до конца, и не случайно в первой же Записи своего предсмертного дневника он процитировал только что сложенные им

> Но ты воспрянешь за чертой Неотразимого забвенья...

И далее, обращенные к нему слова ободрения и утешения его «музы»:

Не бойся, песенку твою Над Волгой, над Окой, над Камой Еще народу я спою...

Свыше 70 лет прошло со дня смерти Некрасова. И теперь весь советский народ является тем «читателем-гражданином», к которому обращался умиравший Некра. сов. Вера в будущее не обманула поэта. То единение с «читателем-другом», к которому он так стремился, могло осуществиться и осуществилось лишь в современных нам исторических условиях, которые были созданы русским пролетариатом в его революционной борьбе за власть и после захвата власти в России в борьбе за осуществление социализма.

примечания

¹ Н. Некрасов, Письма, 205.

² «Голос Минувшего» 1915, № 5-6, 32—34.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, Л., 1939,

XIX, 91.

⁴ В. Ленин, Сочинения, XII, 132.— Подчеркнуто в подлиннике.

⁵ П. Быков, Скорбные дни поэта-печальника.— «Новый журнал для всех» 1913, № 1, 60.

• П. Быков, Силуэты далекого прошлого, М. — Л., 1930, 71.

* П. Б В К О В, Силуэты далекого прошлого, м.— л., 1900, гл.

* «Вестник Европы» 1878, М. 2, 911—912.

* С. К р и в е и к о, Собрание соумнений, СПб., 1911, І, стр. XLVI.

* Н. Б е л о г о л о в ы й, Воспоминания и другие статьи, изд. 3-е, М., 1898, 391.

10 Первую попытку собрать некоторые записи Некрасова сделал К. И. Чуковский в «Некрасовском сборнике» 1922 г., в публикации «Из записной книжки Некрасова».

11 Какие-то строки автобиографии Некрасова были опубликованы в газете «Эхо» («Петроградское Эхо») 27 декабря 1917 г. (М. 4). Найти этот номер в ленинградския при предпинати в предпинати были в предпинати в предпинати были в предпинати в пред

книго хранилищах мне не удалось. Несколько отрывков настоящей публикации были за время подготовки этого тома к печати опубликованы в журнале «Звезда» 1945, No. 1, 138—143.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ К ПУБЛИКУЕМЫМ ТЕКСТАМ

(Автор примечаний С. А. Рейсер)

Евгеньев-Максимов — В. Е. Евгеньев (Максимов), Николай Алек-

Евгеньев максимов, каксимов — Б. Е. Евгеньев максимов, пиколай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов, М., 1914.
Скабичевский. Николай Алексеевич Некрасов. Его жизнь и поэзия. «Отечественные Записки» 1878, № 5, 93—116; № 6, 365—406.
Скабичевский II — А. М. Скабичевский, Николай Алексеевич Некрасов. Биографические сведения. В изд.: Н. А. Некрасов, Стихотворения. Посмертное издание, СПб., 1879, I, стр. XIII—XXXI.
Письма — Некрасов, Собрание сочинений, V. Письма 1840—1877. Под редактиров В Е Берримова Миниска 1930

цией В. Е. Евгеньева-Максимова, М.-Л., Госиздат, 1930.

I

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАМЕТКИ НЕКРАСОВА

<1>

Я родился в 1821 г. 22 ноября в Подольской губернии в Винницком уезде в каком-то жидовском местечке 1, где отец мой стоял тогда с своим полком. Большую часть своей службы отец мой состоял в адъютантских должностях при каком-нибудь генерале 2. Все время службы находился в разъездах. При рассказах бывало то и дело слышишь — «я был тогда в Киеве на контрактах, в Одессе, в Варшаве». Бывая особенно часто в Варшаве [и иногда квартируя поблизости] он влюбился в дочь Закревского — о согласии родителей игравших там видную роль нечего было и думать: армейский офицер едва грамотный и дочь [богатого пана] богача — красавица, образованная [певица с удивительным голосом (о ней речь впереди)]. Отец увез ее прямо с бала — обвенчался по дороге в свой полк — и судьба ее была решена 3. Он подал в отставку дослужившись до капитанского чина, вышел в отставку майором 4 и поселился в родовом своем имении Ярославской губернии и уезда в сельце Грешневе, [лежащем на трактовой [столбовой, почтовой] дороге между Ярославлем и Костромой], куда привез, конечно, и [(1 сл. нрзб.) весе(лую) польку и], молодую жену и нас двух сыновей своих — Андрея и Николая 5. Последнему было тогда три года. Я помню как экипаж остановился, как взяли меня на руки (кто <то> светил идя впереди) и внесли в комнату в которой был наполовину разобран пол и виднелись земля и поперечины. В следующей комнате я увидал двух старушек сидевших перед нагоревшей свечей друг против друга за небольшим столом: они вязали чулки и обе были в очках. Впоследствии я спрашивал у нашей матери действительно ли было что нибудь подобное при первом [прибытии] вступлении нашем в [дом отца] наследственный отцовский приют. Она удостоверила, что всё было точь в точь так, и не мало подивилась моей памяти ^в. Хорошая память всю жизнь составляла одно из главных моих качеств [которые не изменяют мне и до сей минуты; более ста тысяч стихов, написанных мною в течение всей моей жизни, я мог бы прочитать наизусты [и никогда не изменяла мне. Еще недавно я мог на пари прочесть наизусть более сорока тысяч стихов написанных мною в течение всей моей жизни]. Я сказал ей, что помню еще что-то про пастуха и медные деньги. [Это было еще раньше]. «И это было дорогой» — сказала она. «Дорогой, на одной станции я держала тебя на руках и говорила с маленьким пастухом, которому дала несколько грошей [с тех пор я все помню, что ни видал, что ни]. Не помнишь ли еще что было в руке у пастуха?» Я не помнил. «В руке у пастуха был кнут» [и рожок], - слово, которое я услыхал тогда в первый раз.

Старушки были — бабушка и тетка моего отца 7.

Сельцо Грешнево стоит на [трактовой] низовой Ярославско-Костромской дороге; она же тогда называлась Сибиркою и Владимиркой: барский дом выходит на самую дорогу и все что по ней шло и ехало и было ведомо начиная с почтовых троек и кончая арестантами закованными в цепи в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства.

Во всем остальном Грешневская усадьба ничем не отличалась от обыкновенного типа тогдашних помещичьих усадеб; местность ровная и плоская, извилистая река (Самарка), за нею [бесконечный дремучий лес, предшествуемый просторным лугом, пастбищем. Во все другие стороны ровная гладь ржаных и овсяных посевов], перед бесконечным дремучим лесом — пастбище, луга, нивы. Невдалеке р. Волга. В самой усадьбе

более всего замечателен — старый обширный сад остатки которого сохранились доныне; ничего остального нет и следа. Где стоял обширный дом, недавно сгоревший, там в третьем году мимоездом увидал я [очень маленькое] скромное здание с надписью «Распивочно и на вынос». И ничего больше!

Самый дом последние 20 лет стоявший в развалинах

Ни женщин, ни псарей, ни конюхов, ни слуг... в

недавно сгорел, говорят в ясную погоду при [самом] тихом ветре, так что лины посаженные моей матерью, в 6-ти шагах от балкона только закоптились, среди белого дня. «Ведра воды не было вылито» сказала мне одна баба! «Воля божия» сказал на вопрос мой кр<естьянин> не без добродушной усмешки.

Может быть тут простор(?) для созер(цания?) (нрзб. одно слово) и для всяких(?) слухов.

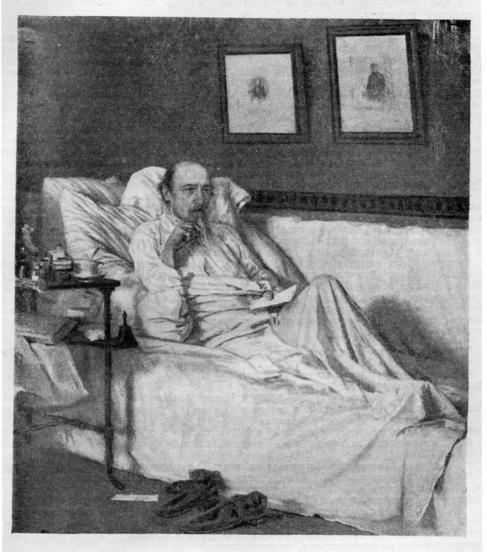
Самый тракт по случаю сильных весенних разливов давно упразднен: почтовая гоньба [переведена на другой высокий берег Волги называвшийся тогда верховым] идет теперь по другому высокому берегу Волги трактом, к которому в старину прибегали толькой весной по случаю бездорожья.

Куда как глухо там теперь стало, не верится, что в 20-ти верстах губернский город Ярославль и в 40-ка Кострома.

Зато Грешневцы теперь сравнительно процветают, пользуясь даже яблоками покинутого сада, которых обыкновенно в начале августа уже нет и следа. Кушайте их на здоровье, беловолосые ребятишки, бегайте в нем сколько душе угодно и, когда вырастеге, поставьте в нем икону, а то теперешняя при сельском приходе слишком далека.

Обширное сельцо Грешнево, начинавшееся и оканчивавшееся столбами с надписью: «столько то душ принадлежащих г.г. Некрасовым», составляло только ничтожную часть родовых наших поместий, находившихся кроме Ярославской, еще в Рязанской, Орловской и Симбирской губернии. В одно время, довольно отдаленное, все имение представляло в целом более десяти тысяч душ, из них прадед мой (воевода) проиграл в карты семь, дед мой штык-юнкер в отставке слишком три 9. Отцу моему проигрывать было нечего, а в карточки играть он таки любил. К выходу его в отставку, по случаю раздела имения с братьями, на всех семерых братьев и двух сестер оставалось четыреста душ, так что им досталось душ по сорока и еще меньше пришлось бы если бы уцелели в живых старшие братья, но трое убиты под Бородиным в один день. Наследство моего (отца) не ограничилось сорока душами; по жребию на часть его досталось крестьянское семейство, которое владело временно само тысячу душами, наследованными от сестры, бывшей за дворянином Чирковым; разумеется они должны были продать его в шестимесячный срок.

Эта история очень интересна, но я не имею времени ее рассказать, упоминаю о ней потому, что она имела большое влияние на судьбу нашего семейства, а может быть и на мою 10. Крестьяне продали свое наследство незаконным образом еще до раздела имения и отец мой решился дело поднять; вся жизнь его посвящена была этому процессу. Когда хлопоты увенчались успехом, он был уже сед, но получил тысячу, расстроенных до исступления временными владельцами душ. Думаю, что если б он посвятил свою энергию хотя той же военной службе, которую начал довольно счастливо (товарищи его, между прочим, были Киселев и Лидерс 11, о чем он не без гордости часто упоминал)... Однажды, перед нашей усадьбой остановился великолепный дормез. Прочитав на столбе фамилию Не-

НЕКРАСОВ В ПЕРИОД «ПОСЛЕДНИХ ДЕСЕН» Картина маслом И. Н. Крамского, 1877 г. Третьяковская галлерея, Москва

красов, Киселев зебежал к нам на минутку уже будучи министром, а с Лидерсом в поручичьем чине отец мойжил на одной квартире; он крестил одного из нас (б\(\)рата\(\) Константина). Это были любимые воспоминания нашего отда до последних его дней. Он сошел в могилу 74-х лет, не выдержав освобождения, захворав через несколько дней после подписания уставной грамоты.

Печатается впервые по автографу из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Рукопись — диктант руки К. А. Некрасова (брата) на 7 листах бумаги большого формата. Листы перенумерованы: «1—7». Листы 1—3 испещрены карандашными поправками Некрасова. Не все эти поправки согласованы и доведены до конца; в нескольких случаях не исправлены падежи, оставлены недозачеркнутыми отдельные места, встречаются неоконченные фразы и т. д. Все эти слова введены в текст в исправленной форме и особо не оговариваются. Место написанного на полях абзаца: «Самый дом... и для всяких слухов» определено предположительно.

На листе 3 зачеркнуты карандашом слова, написанные поперек на полях: «Одним концом по барину» и «ты, творящая бесстрастно». Автобиография записывалась на старом листе, на котором был первоначально записан стих (1865) из «Кому на Руси жить хорошо». Слова: «ты, творящая бесстрастно» — в стихах Некрасова неизвестны. Рукопись написана Константином Алексеевичем Некрасовым, который был в Петер-

бурге возле брата в период его предсмертной болезни в 1877 г.

Сравнение настоящего отрывка с биографическим очерком А. М. Скабичевского позволяет установить, что несколько мест его работы являются почти буквальными цитатами из рукописи, лишь несколько отредактированными. Таковы отрывки, начинающиеся словами: «Большую часть своей службы он провел в адъютантских должностях...» (в «Отечественных Записках» исправленная впоследствии опечатка: «в гражданских») и «О согласии родителей... по дороге в свой полк...»

Четыре других отрывка: «Сельцо Грешнево, начинавшееся и оканчивавшееся столбами...», «Сельцо Грешнево стоит на низовой Ярославско-Костромской дороге...», «В самой усадьбе...» и «Я помню, как мы подъехали к дому...», изложенные в работе Скабичевского в кавычках как рассказ Некрасова матери (?) (последний отрывок), и три первые — как сообщения А. А. Буткевич — цитаты из того же источника (ср. Скабичевский I, 96—98); тексты эти соответствуют позднейшим копиям А. А. Буткевич (ср. ниже стр. 180—181).

¹ Ср. в настоящем томе с сообщением А.В. Попова «Когда и где родился Некрасов?»

2 Ср. в автобиографическом наброске для М. И. Семевского <16>, где отец назван

адъютантом князя П. Х. Витгенштейна.

³ Брак А. С. Некрасова (1788—1862) и Елены Андреевны Закревской (ум. 1841) был совершен 11 ноября 1817 г. в местечке Юзвине (К. Оберучев, К биографии Н. А. Некрасова.—«Киевская Старина» 1903, № 1, 180).

⁴ А. С. Некрасов вышел в отставку в 1823 г. См. сводку биографических сведений о А. С. Некрасове: Н. Ашукин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова,

1935, 19—20.

5 Об Андрее Алексеевиче Некрасове см. прим. 2-е к отрывку (5).

6 Ср. в воспоминаниях П. М. Ковалевского: «Память у него была удивительная...»— Ковалевский, Воспоминания; в прилож. к изд. Д. Григорович,

Литературные воспоминания, Л., 1928, 428.

⁷ Бабушка, т. е. жена Сергея Алексеевича Некрасова (ум. 1800); о ней в литературе никаких сведений нет, неизвестно даже ее имя. У прадеда Некрасова, Алексея Яковлевича Некрасова (ум. 1760), было три дочери — тетки А. С. Некрасова; их имена неизвестны, и о ком из них идет речь, не установлено.

⁸ Неточная цитата из стихотворения «Родина» (1846). В печатном тексте:

. пуст и глух: Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг...

9 Сводку данных о семейном положении предков Некрасова — прадеда Алексея Яковлевича (ум. 1760) и деда Сергея Алексеевича (ум. 1800) — см. в назв. книге Ашукина, 19.

10 Подробный рассказ см. в отрывке <4>.

11 Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872) — видный государственный деятель эпохи Николая I, член секрегного комитета по крестьянскому делу, сторонник освобождения крестьян в целях укрепления крупного дворянского землевладения, по словам Пушкина (1834), «может, самый замечательный из наших государственных людей»; с 1837 г. по 1856 г. — министр государственных имуществ.

Александр Николаевич Лидерс (1790—1874)— видный военный деятель, ге-пладъютант, в 1855 г.— главнокомандующий Крымской армией, в 1861 нерал-адъютант, в 1855 г. - главнокомандующий

1862 гг.— наместник в Царстве Польском и главнокомандующий 1-й армией.

⟨2⟩

Если переехать в Ярославле Волгу и пройти прямо через Тверицы, то очутимся на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 верст по песчаному грунту, где справа и слева лесок(?), песок(?), мелкий кустарник и вереск (зайцев и куропаток там несть числа), то увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: «Сельцо Грешнево, душ столько-то господ Некрасов(ых)». Проехав длинную бревенчатую деревню, увидишь садовый деревянный забор, начинающийся от последней деревенской избы, и из-за которого выглядывают высокие деревья; это барский сад. Тотчас за садом большой серый неуклюжий дом.

Об отношениях ко мне Грешнева и грешневцев, мне придется говорить дальше, о своих скажу несколько слов теперь-же, чтобы уже к этому не возвращаться. Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли ¹.

Дело моих братьев сказать со временем как это так вышло. Я когда-то

написал:

Хлеб полей, возделанных рабами, Нейдет мне впрок...².

Написав этот стих еще почти в детстве, может быть я желал оправдать его на деле.

Итак отношения мои к грешневцам были такие:

Благодарение Богу, я совершил еще раз Милую эту дорогу, Вот уж запасный амбар, Вот уж и риги... как сладок Теплого колоса пар! — Останови же лошадок! Видишь: из каждых ворот Спешно идет обыватель. Все то знакомый народ, Что ни мужик, то приятель з.

Я постоянно играл с деревенскими детьми и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость.

[Здесь я должен сказать несколько слов, как бы они ни были поняты: это дело моей совести. Я должен, по народному выражению, снять с души моей грех. В произведениях моей ранней молодости встречаются стихи, в которых я желчно и резко отзывался о моем отце. Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что отец мой крепостник, а я либеральный поэт. Но чем же другим мог быть тогда мой отец? — я побивал не крепостное право, а его лично, тогда как разница между нами была собственно во времени.] Иное дело, личные черты моего отца, его характер, его семейные отношения, тут я очень рано сознал свое право и не отказываюсь ни от чего, что мною напечатано в этом отношении. Разница, повторяю, была между нами во времени, он пользовался своим правом, которое признавал священным

Один... Свободно и дышал и действовал и жил⁴.

Время вывело меня на широкую дорогу:

Сыны народного бича, С тех пор как мы себя сознали, Жизнь как изгнанники влача По свету долго мы блуждали ⁵. Не могу не сознаться, что даже в последние мои годы, когда я бывал в Грешневе, я чувствовал какую-то неловкость:

Смутясь (потупили мы взор — «Нет. Час не пробил примиренья!» И снова бродим мы с тех пор Без родины и без прощенья!...) •

Полностью печатается впервые по автографу (диктант?) А. А. Буткевич из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Автограф — четыре листа почтовой бумаги большого формата. Отрывок: «В произведениях моей ранней молодости... действовал и жил» — впервые опубликован: Евгеньев-Максимов, 23.

¹ Вскоре после смерти своего отца Н. А. подарил брату Федору следовавшую ему часть отцовского наследства.

² Из стихотворения: «На родине». Стихотворение датируется обычно 1855 г.

3 Из стихотворения «Деревенские новости» (1860). В рукописи: «выписать из пьесы "Дерев, новости" от стиха "Благодарение богу" до стиха "Что ни мужик, то приятель"».
 4 Из стихотворения «Родина» (1846). Полный текст этих двух строк следующий:

И только тот один, кто всех собой давил, Свободно и дышал, и действовал, и жил..

Возможно, что конец первой строки сознательно продиктован Некрасовым в усеченном виде: предыдущие строки об отце, кажется, дают основание для такого предположения, поэтому сохраняют в тексте цитату в том виде, как она дана в диктанте.

5 Первые строки стихотворения (без заглавия) 1870 г.

6 Последние четыре строки того же стихотворения. В рукописи оно записано следующим образом:

1 Смутясь 2 3 4

<3>

мой отец

Я никогда не имел времени, да и терпенья перечитать кипу родословных бумаг, которые хранились в старом доме. Перебирая их, я прочел только несколько строк. На небольшом синеватом листе было написано:

«Имение у Салтыковых отнять и Некрасовым отдать, Салтыкова в Сибирь сослать. Павел. Год 179...».

Я пошел к отцу с вопросом: «что это за документ?» Отец сказал: «это подлинное благодаря котор ому мы не умерли с голоду и нам что нибудь осталось.

Предки наши были богаты, прапрапрадед ващ проиграл семь тысяч душ, прапрадед две, дед (мой отец) одну, я ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже любил» (то же должен сказать и о себе).

— Как же у нас что нибудь осталось?

— А вот как. Перед смертию ваш дед, а мой отец, живший последнее время в Москве (штык-юнкер в отставке) проиграл последнее свое имение в Рязанской и Ярослав ской губ (ерниях) и умер должно быть не успев совершить законных бумаг. Мы были тогда малы, а старшие братья находились на службе, тем не менее в один прекрасный день имение перешло к Салтыкову. Бабка ваша урожденная Неронова (Костылева) забрав нас всех (стар (шему) 9 л.) поскакала в Петерб (ург). В Петерб урге мать часто уезжала из дому, возвращалась с заплаканными глазами; однажды она сказала нам: «дети, завтра я повезу вас в один дом; когда мы приедем, стойте смирно и ждите и лишь только выйдет дама, упадите на колени и плачьте». На другой день нас привезли в большой дом. Мать оставила нас одних в огромной комнате и сама куда-то ушла. Через несколько времени в дверях показалась красивая женщина; помня прика-

Tab u 6 killing warmpiers of , 1 0% las of viernoss Phrosolición lytiquis bathunayans gant incomes mo intervien Feler bloken · the freme enguera nederates to parameter that with the Ego omigs vicos consiels callomas polismus. Boutunger raint chast Agrach acres moi cojourth anyably focus to We Againmanitage lotopresoyay for i Majured, were to docky viewlesseet to tenures after eye why my in metho Tura berules thanpubly design - It wollke & raphele is partner cours Despel. a gord cares a come yes andrew depopulation lydepress U Yasto It Peclys Exemple the Industrial us representan Lournes . hopeson whereasy aposto & leinth Il Krisnipainai though spelet has pool with anoth cont-itudes after K nack! were sails more inger ear Mould every гова. Япомно жаль Яхиногра Demanstatic Kon Schla quenes napythan a boldo be romenary Cum cloques, us bregeda/ Whomaso The mensurfacy Herend & stor garance parospance note & luquedud ary aluce verdo barren, Pil chappenged Koureps Trope mary Tulus Cheto achergence or yladelk Plyer Compyulas wentered to dages aparaute day in same cloub one herrow rylan a ain outer shoulasts, hencely on his is corpountall y name in meen quien comobretto sal lo

СТРАНИЦА ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАБРОСКА (1) Автограф К. А. Некрасова (диктант) с карандашными поправками поэта (л. 1) Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

зание матери, мы упали на колени и стали громко плакать. Красивая женщина подошла к нам и, лаская нас, сказала матери, что просьба ее будет исполнена. Вот ей-то мы и обязаны возвращением нам имения от Салтыкова ¹.

Печатается по автографу А. А. Буткевич (диктант?) из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Автограф — два листа почтовой бумаги большого формата. Впервые опубликовано: Евгеньев - Максимов, 9—10.

¹ В воспоминаниях тетки поэта* приводится рассказ, в общем совпадающий с рассказом Некрасова и кое в чем его уточняющий: «Живши в Москве, отец наш ⟨С. А. Некрасов⟩ любил играть в карты и много проигрывал. Последний проигрыш был в 8 т⟨ысяч⟩ ассигнациями. На расплату заложил Ярославскую деревню Салтыкову, которому обязался платить проценты рубль на рубль и на срок. В скором времени сравнялись проценты с суммою. Салтыков подал закладную, и имение все от отца отобра-

nant. Apmeloni och myg ege your for and med, attraged of the seed of the seed

ОТРЫВОК ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАБРОСКА (1) Собственноручная вставка поэта в рукопись-диктант К. А. Некрасова (л. 1 об.) Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

ли. Владел уже им Салтыков, — жить стало нечем, имевши семейство в 9 человек. Завелось дело, что Салтыков брал лихоимственные проценты с Некрасова. Мать наша была очень умная, она отправилась в Петербург, жила там два года, хлопотала по делу. В это время государь Павел Петрович воцарился, и назначена была коронация в Москве, то мать наша переехала в Москву, где имела хороших знакомых. Во время коронации весь двор и царская фамилия приехали в Москву. Тогда знакомый отцу полицеймейстер разводил квартиры для придворных, и просили его, чтобы дом отца назначили для генерала (Г. Г.) Кушелева, который был близок к государю. Когда Кушелев стал в доме отца, то он и мать наша пришли к нему и привели детей 9 человек и со слезами ему объяснили все дело, как Салтыков за лихоимственные проценты все имение у них отнял. Кушелев сжалился над таким семейством, доложил государю. Государь приказал рассмотреть све дело Некрасова с Салтыковым, и нашли, что Некрасова дело правое, что Салтыков за проценты все имение отнял и владел уже им два года, пользовался доходами. Сейчас приказано было от Салтыкова имение отобрать и отдать Некрасову, а Салтыкова в Сибирь сослать за лихоимственные проценты. Тем дело и кончилось» (Евгеньев - Максимов, 6—7).

(4)

Имение деда разделено было между его сыновьями на четыре части, из которых одна досталась по жребию моему отцу. В состав ее входила де-

^{*} У Евгеньева-Максимова, опубликовавшего ее воспоминания, фамилия не названа. У А. С. Некрасова были три сестры: Варвара, умершая 5-ти лет, Елена, упоминаемая в воспоминаниях, и Татьяна (по мужу Алтуфьева), которая единственно и может быть автором мемуаров.

ревня Грешнево. Мне живо представляется эпизод, характеризующий наши помещичьи нравы. В летний праздничный день проезжал через деревню запыленный тарантас.

Разодетые бабы и девки плясали в хороводе. Тарантас остановился, и в нем зашевелилась меж перин и подушек заспанная, необыкновенно тол-

стая фигура.

Впоследствии оказалось, что это был помещик Владимирской губернии Чирков. Пока переменяли лошадей, он засмотрелся на хоровод, и особен-

но на отличавшуюся в нем румяную здоровую девку Федору.

«А не дурно было бы купить и увезти ее», — мелькнуло в голове Чиркова. «Кто же здесь помещик, и где он?» Оказалось, что помещик и все его братья на войне, — это происходило в 1812 году, — а в деревне остались только их сестры. Чирков к ним; но старые девы не сговорчивы, да и не смеют распоряжаться в отсутствие брата. Но любезность, ухаживание и, наконец, просто деньги располагают девические сердца. Чирков познает Федору, увозит ее и немедленно женится на ней. Спустя короткое время Чирков умирает, и Федора по смерти его получает в наследство тысячу душ крестьян. Вслед за ним умирает Федора, и оставляет их в наследство ввоим родственникам в дер. Грешнево. Крестьяне, превратившиеся было в помещиков, не имея права владеть населенными землями, должны были продать своих собратий в 6-месячный срок. В это время, еще в отсутствие отца, появился в деревне какой-то покупщик из «благородных» и, воспользовавшись неопытностью крестьян и краткостью обязательного для них срока, купил у них за бесценок эту тысячу душ с землею. Отец мой узнал об этой проделке лишь за несколько дней до исполнения 10-летней давности. Разумеется началась тяжба, заботам о которой были посвящены несколько лет, и хотя процесс был выигран, но отец раззорился и бедствовал всю остальную жизнь.

Печатается по автографу (диктант?) А. А. Буткевич из собрания К. И. Чуковского. Автограф — два листа бумаги большого формата. Впервые опубликовано: Евгеньев-Максимов, 11—12. (Ср. также «Отклики», 1914, № 18, приложение к № 103 газеты «День»).

<5>

Я помню себя с трех лет. Писать стихи начал с семи, помню я что-то посвятил матери в день ее именин:

Любезна маменька примите Сей слабый труд И рассмотрите Годится ли куда нибудь ¹.

Одиннадцати лет я написал сатиру на брата Андрея, который любил франтить:

Намазав брови салом И сделавшись чудаком, Набелил лицо крахмалом, Моет зубы табаком².

У нас в библиотеке нашел я два стихотворения: произведение Байрона «Корсар», перевод Олина, и оду «Свобода» Пушкина.

Когда на мрачную Неву Звезда полуночи сверкает И беззаботную главу Спокойный сон отягощает и т. д.³

В гимназии я ударился в фразерство, начал почитывать журналы, в то же время писал сатиры на товарищей. Один из них Златоустовский сильно отдул меня за следующее:

Хоть все кричи ты луку, луку, Таскай корзину и кряхти, Продажи нет и только руку Так жмет, что силы нег нести⁴.

А главное, что ни прочту, тому и подражаю. Так к 15-ти годам составилась целая тетрадь, которая сильно подмывала меня ехать в Петербург. Надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк ⁵, я туда поехал. Это было в 1838 году.

Пушкин в журналах почти не попадался, за Бенедиктовым там шли Печенеговы и т. п. Фразерскому направлению в юности обязан этим поэтам, впоследствии я их вспоминал добрым словом. В «Современнике» в какой то рецензии должны быть сл<едующие> стихи.

На днях я их вспомню.

хатеоп о рацп

Мне жаль, что нет теперь поэтов, Какие были в оны дни. Нет Тимофеевых, Бернетов Ах, отчего молчат они! С толпой забвенных старожилов Скорблю на склоне дней моих, что умер господин Стромилов, что Печенегов приутих, что нету госпожи Падерной, У коей был талант примерный. И Розена барона нет. Что нет Туманских и Трилунных, не пишет больше Бороздна И нам от лир их сладкострунных Осталась памить лишь одна 6.

Я готовился в Университет, голодал, приготовлял в военноучебные заведения девять мальчиков по всем русским предметам. Это место доставил мне Григорий Францевич Бенецкий, он тогда был наставник и наблюдатель в Пажеском корпусе и чем-то в Дворянском полку 7. Это был отличный человек. Однажды он мне сказал: «напечатайте ваши стихи, я вам продам по билетам рублей на 500». Я стал печатать книгу «Мечты и Звуки» 8. Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Бенецкий уже продал до сотни билетов кадетам и деньги я прожил. Как тут быть! Да Полевой напечатал несколько моих пьес в «Библиотеке для Чтения». В раздумьи я пошел с своей книгой к Жуковскому. Принял меня седенький, согнутый старичек, взял книгу и велел притти через несколько дней. Я пришел, он какую-то мою пьесу похвалил, но сказал: «вы потом пожалеете если выдадите эту книгу» 9.

Но я могу не выдать (и объяснил почему). Жуковский дал мне совет: снимите с книги ваше имя.

«Мечты и Звуки» вышли под двумя буквами N. N.

Меня обругали в какой-то газете, я написал ответ, это был е д и нс т в е н н ы й случай в моей жизни, что я заступился за себя и свое произведение.

Ответ разумеется был глупый, глупее самой книги 10.

Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал мою книгу. Я роздал на комиссию экземпляры, ни одного не продалось, это был лучший урок, я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические 11.

Феоклист Онуфрич Боб первый мой псевдоним, Перепельский — вто-

рой для прозы и водевилей.

С этим псевдонимом случилось вот что: приятель мой офицер Н.Ф. Фермор помогал мне в работе ¹². Уезжая в Севастополь, он оставил мне

кипу своих бумаг, я пользовался ими для моих повестей, но там был списан отрывок из печатного. Думая, что это собственная заметка Фермора, я вклеил эти страницы в одну свою повесть.

Жаль, что никто из моих доброжелателей не доконался до этого факта,

вот бы случай обозвать меня литературным вором.

С Полевым познакомил меня профессор духовной а «кадемии Д. И. Успенский за у него печатал стихи и что-то маленькое с усилием перевел 14.

Господи! сколько я работал.

А. С. НЕКРАСОВ, ОТЕЦ ПОЭТА Фотография 1850-х гг. Институт литературы АН СССР, Ленинград

Уму непостижимо сколько я работал, полагаю не преувеличу если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. В «Инвалиде», в литературных прибавлениях к «Инвалиду», в «Литературной Газете», в «Пантеоне» и т. д. 15. Был я поставщиком у тогдашнего Полякова, писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавие сказки: «Баба Яга, костяная нога» он прибавил: «ж<...>жиленая», я замарал в корректуре. Увидав меня он изъявил удивление и просил выставить первые буквы ж..... ж... Не знаю пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать по какому-то неведомому мне праву выпустил эту книгу г. Печаткин. Жи-

леной ж(...) там не было, но зато было мое имя, чего не было в поляковских изданиях 16.

До меня доходили слухи, что Белинский обращает внимание на некоторые мои статейки. Случалось так: обругаю Загоскина в «Еженедельной Газете», потом читаю в «Ежемесячном Журнале» о том же. Позднее мне Белинский сказал: «Вы верно смотрите, (но) зачем вы похвалили Ольгу?» — «Нельзя ругать все сплошь, говорят»: — «Надо ругать все, чт• нехорошо. Некрасов, нужна одна правда» 17.

Полностью печатается впервые по автографу (диктант) неизвестной руки (К. А. Некрасова?) из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Автограф — четыре листа почтовой бумаги большого формата. В автографе слова: «Господи! Сколько я работал» и «чего не было в поляковских изданиях» вписаны рукой Некрасова — вторая вставка на оставленное свободным место. В несколько отличной редакции отрывок: «Меня принял седенький, согнутый старичок... ваше имя, — посоветовал Жуковский», — впервые у С к а б и ч е в с к о г о I, 114. Привожу редакцию Скабичевского: «Меня принял седенький, согнутый старичок, взял книгу и велел придти через несколько дней. Когда я пришел, он похвалил одно из этих стихотворений, сказал, что у меня есть талант, но к этому прибавил:

- Вы потом пожалеете, если выпустите эту книгу.

Я сказал ему на это, что теперь уже поздно, и объяснил почему. Тогда снимите с книги ваше имя,— посоветовал Жуковский».

Отрывки: «У нас в библиотеке... сатиры на товарищей», «Меня обругали... стал писать эгоистические», «Уму непостижимо сколько я работал. Господи, сколько я работал» «Приятель мой, офицер Н. Ф. Фермор... литературным вором», «Был я поставщиком... «причень мой, офицер п. О. Фермор... литературным вором», челых и поставщиком...

в поляковских изданиях» — внервые (с мелкими неточностями) у Евгеньева—
Максимова, 84 и 91—92. (До того в его же статье: Гимназические годы
Н. А. Некрасова».—«Речь» 1913, 29 августа, № 235, 2). Последний абзац в отрывнах (с мелкими неточностями) впервые использован в книге В. Евгеньева—
Максимова, Некрасов и его современники. Очерки, М., 1930, 49, 57, 59. Отрывок: «Что ни прочту...» и до конца абзаца неточно процитирован и отчасти изложен у С к а-б и ч е в с к о г о I, 105.

¹ В «Литературной Газете» (1845, № 5, 95, «Дагерротип») в «Записках Пружинина» Некрасов вложил в уста мальчика Кондрашеньки эти стихи в следующем варианте:

> Любезна маменька! Примите] Сей слабый и ничтожный труд И благосклонно рассмотрите Годится ль он куда нибудь.

К. И. Чуковский предполагает, что «возможно, что эти стишки не принадлежали Некрасову, а были вообще ходячими поздравительными стихами той эпохи, чего Буткевич могла и не знать» (Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений, изд. 9-е, Л., 1935, 561). Это предположение едва ли верно: слова «...я что-то посвятил

матери в день ее именин», определенно указывают на творчество юного Некрасова.

² Андрей Некрасов — старший брат Н. А., преждевременно умерший (1820—1838). По словам А. А. Буткевич,—«эта потеря произвела сильный нравственный переворот в юноше: он словно очнулся от той распущенности, в какой провел свои гимназвические годы, впервые серьезно задумался о своей участи» (Скабичевский II, стр. XXIII).

Полное заглавие этой книги следующее: «Корсер. Романтическая трагедия в трех действиях, с хором, романсами и двумя песнями, турейкою и аравийскою, заимствованная из английской поэмы Лорда Байрона под заглавием: «The Corsair», СПб., 1827; «Свобода» — ода Пушкина «Вольность».

4 Включается в собрание стихотворений Некрасова в качестве отдельного отрывка. 6 Дворянский полк — военно-учебное заведение, существовавшее в 1807—1855 гг.; впоследствии Константиновский кадетский корпус.

 Стихи вписаны на оставленное свободным место. Некрасов неточно цитирует строки 1—8 и 12—18 своего стихотворения, включенного в рецензию на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии» (изд. 2-е, СПб., 1854), напечатанную в январской книге «Современника» 1854 г. Стихи были написаны от имени посредственного поэта того времени, «когда на поэзию еще не было поднято неумолимого гонения», и были обращены в защиту маленьких поэтов, некогда блиставших в журналах и альманахах. Именно в 1849—1854 гг. наступил неожиданный кризис поэзии, и журналы почти совершенно не печатали стихов.

Стихотворение впервые было приписано Некрасову в книге А. Н. Пыпина, Н. А. Некрасов, СПб., 1905, 233—234; настоящие строки автобиографии окончательно утверждают его авторство. Заглавие «Плач о поэтах» в «Современнике» отсутствует.

Or Reputations normationed went resopurage D. A. al hread nepetite your unsermorpour excussed part made noualow runpey brokury celo crawy mis by persente during unidente to 2000 come numero white humans desperations parambe reprosentes for uce normer is replaced yteres upulbering to themen Typis the Untalupe at Lumme panypracts henings Ks Unbaduly bl dumpanypres wasto Rouskeln nucals astyku chaska now james 61 Landabie exager bado Era Kommencas New talus auona openeuas or jamapant as Rapper mypis yaugasi meno our upos buces y) a buen ce apoculs bumalum neplace byxlse Il. .. Ith ... negrous aponypowhat a cury yearsype dams of report Mpidyamb no xaxouy no rechagourary dues upal Chenymula dany konny 2. Merannana, Alalieni opena no game Theto were were, cere fee the to the tholowed ulgaria Do wens gogogudu cuyun rmo browner ofra ugueno Euonianie na muxomophe man imomenta cugadant maks: applease according as lucionarismas expense namous runner he succurristances spagenale nogreme wires because the chaster de Expus consenperment for result the no shade his Octory Немоза выминять ругать вы списив говораток

> СТРАНИЦА ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАБРОСКА <5> Автограф неизвестной руки (диктант)

Слова «Господи! Сколько я работал» (вверху) и «чего не было в поляковских паданиях» (внизу) вписаны рукой Некрасова

Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

Разъяснение упомянутых в стихотворении имен см. в примечаниях К. И. Чуковского к однотомнику Некрасова. Чуковским же подмечено влияние стихотворения С. Стромилова «Море» (1839) на «Непонятную песню» Некрасова из сборника «Мечты и Звуки». Вообще несомненно, что поэты, имена которых называет Некрасов, учитывались им в ранний период его поэтической учебы. Ср. характерную рецензию на «Стихотворения Старожила» в «Литературной Газете» 1843, № 38, 686—689. Старожил — Ник. Диом. Оранский (1786—1847); ср. «Литературный Критик» 1936, № 2, 94.

⁷ Штабс-капитан Григорий Францевич Бенейкий в эти годы, т. е. приблизительно в 1838—1840 гг., состоял «учителем разных наук» Дворянского полка и Павловского (а не Пажеского) кадетского корпуса. Сведений о содержавшемся им пансионе

в литературе нет.

⁸ Историю этой книги см:. В. Евгеньев-Максимов, Некрасов и его

современники, М., 1930, 45-46.

• В Институте литературы Академии Наук СССР, в библиотеке М. Н. Лонгинова, хранится экземиляр сборника «Мечты и Звуки», в котором на стр. 81 под заглавием стихотворения «Рукоять» рукой Лонгинова сделана пометка: «Жуковский одобрил» (ЛО. 16. 1. 28: III б. 964).

10 Вероятно, Некрасов имеет в виду резкую рецензию на «Мечты и Звуки» в «Литературной Газете» (1840, № 16, 373—379), но ответ его неизвестен: вероятно, он напе-

11 Другое возможное чтение: «и стал писать эгоистически». В. Евгеньев-Максимов разъясняет эти слова следующим образом: «Некрасов, без сомнения, хотел сказать, что после решительного провала его сборника, провала не только у авторитетного критика, но и у публики, он стал смотреть на свой литературный труд исключительно с точки зрения столь необходимого ему заработка» (Евгейьев-Мак-

симов, 91).

18 Николай Федорович Фермо р — офицер, преподаватель Главного инженерного училища, один из первых друзей Некрасова в Петербурге, принимавший участие в издании сборника «Мечты и Звуки». Некрасов был близок со всей семьей Ферморов. Более подробную справку об этой семье см. в настоящем же томе, в комментарии Н. С. Ашукина к публикации стихотворения Некрасова «На скользком море жизни бурной», записанного поэтом в 1838 или 1839 г. в альбом Марии Фермор, сестры

Николая Федоровича.

18 Сведения Некрасова неточны: Дмитрий Иванович Успенский был не профессором, а учителем финского, греческого и латинского языков и катехизического учения в низшем отделении С.-Петербургской духовной семинарии. В 1842 г. Успенский уволился в светское звание в чине титулярного советника: повидимому, некоторое время, уже не будучи духовным лицом, он продолжал еще преподавать в семинарии, но в 1844 г., как сообщает историк академии А. Родосский, он «совсем уволился от учительских должностей и поступил на службу чиновником в штат корпуса путей сообщения» (А. Родосский, Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814—1869.СПб., 1907, 504). Никаких ученых трудов у Успенского нет: есть лишь указание на то, что он занимался составлением финского словаря, но в печати эта работа неизвестна (А. Надеждин, История С.-Петербургской православной духовной семинарии. СПб., 1885, 40 и 320).

14 Переводы Некрасова, о которых он упоминает, неизвестны.

15 Известно одно стихотворение, возможно, принадлежащее Некрасову и напечатанное им в «Литературных приложениях» к «Русскому Инвалиду» («Облака» 1839, № 14). Сотрудничество Некрасова в «Литературной Газете» и «Пантеоне» общеизвестно, жотя до сих пор обнаружено далеко не все напечатанное им в этих изданиях.

16 «Баба-Яга костяная нога» вышла в издании В. П. Полякова в 1841 г., а второе

издание (контрафакция) В. П. Печаткина — в 1871 г.

17 «Еженедельная Газета»— это, конечно, «Литературная Газета», а «Ежемесячный Журнал»— «Отечественные Зациски». Рецензия Белинского на «Кузьму Мирошева» М. Н. Загоскина напечатана в «Отечественных Записках» 1842, № 3, а очень сходная

рецензия Некрасова на то же произведение — на несколько дней раньше в «Литературной Газете» 1842, № 9, от 1 марта, 181—184. Ольга — может быть, роман Д. Н. Бегичева «Ольга». Быт русских дворян в начале нынешнего столетия. Соч. автора «Семейства Холмских», СПб., 1840. В «Литературной Газете» 1840, № 74, от 14 сентября, 1680—1682, напечатана рецензия на этот роман, возможно, принадлежащая Некрасову. В рецензии, написанной, впрочем, в довольно сдержанных тонах, нет особых похвал, а, наоборот, отмечаются «слог вялый и устаревший», растянутость и т. д. Рецензия Белинского на это издание напечатана в «Отеч. Зап.», 1840, № 10.

В. Евгеньев-Максимов с оговоркой высказал предположение о том, что речь идет об Ольге — героине рассказа Веревкина «Любовь петербургской барышни» («Сто русских литераторов», т. II) и о рецензиях, положительной — Некрасова («Литературная Газета» 1841, № 84) и отрицательной — Белинского («Отечественные Записки» 1841, № 7) на этот рассказ (см. «Некрасов и его современники. Очерки», М., 1930, 59). Однако из контекста записи вероятнее, что Ольга — не персонаж рассказа, а заглавие. (6)

О МОИХ СТИХАХ

Начал писать с 6-ти лет. Первые опыты — сумбур, вторые подражательность бездумная. NB (о стихах «М \langle ечты \rangle и З \langle вуки \rangle , анекдот о «М \langle ечтах \rangle и З \langle вуках \rangle », Бенецкий, Жук \langle овский \rangle , Белинский, казенные урок \langle и \rangle , юмор \langle истические \rangle стих \langle отворения \rangle с признаком толку.

Поворот к правде явившийся отчасти от писанья прозой, крит (ических) ст (атей) Белинского, Боткина, Анненкова и др (угих). Тургенев,

Кр (аевский), Панаев, (Панае)ва.

«Ќор<сар> в пер<есказе> Олина «Свобода» Пушкина

«Свооода» Пушкина «Онегин» — сестра ¹

«Библиот (ека) для (Чтения» в гим (назии).

«Телеграф», «Телескоп» от уч(ителя) Топорского.

Полностью печатается впервые по автографу (карандашом), ИЛИ (Фонд 203, № 46). Отрывок от слов «Кор<сар>» в переводе Олина» до конца изложен у В. Евгеньева-Максимова, 84. Набросок представляет собою конспект, в большей своей части реализованный в дальнейших отрывках.

¹ Повидимому, это место следует понимать в том смысле, что с «Евгением Онегиным» Некрасова познакомила сестра Елизавета (в замужестве Звягина, 1821—1842) или Анна (в замужестве Буткевич, 1823—1882).

(7)

Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из (за) хлеба много дряни, особенно повести мои, даже поздние очень плохи — просто глупы; возобновления их не желаю исключая «Петербургские углы» (в «Физиологии Петербурга») и разве «Тонкий человек» (начало романа в «Современнике») 1.

Редензий моих много в «Литературной газете», в «Отеч. Зап.» (до 1846 года) и в «Современнике» (начиная $\langle c \rangle$ 1847 года). В последнем, может быть, найду способ указать некоторые, если мне будут делать запросы. Когда Белинский уехал за границу, я писал много рецензий (1847—48) ².

Я писал одно время заметки о журналах (в 1855 или в 1854 и (18)56 год(ах)). Эти статейки можно отличить, потому что я их, для отличия от других, начинал словами: Ч и т а т е л ь. Антонов(ич) принял одну за статью Чернышевского — и наделал оттуда выписок, хваля Чернышевского косвенно. Я ему сказал что статья моя, он свою так и оставил,— не оговорил 3.

«Свисток» придумал собственно я, а душу ему конечно дал Добролюбов — заглавие произошло так. В 1856 году, я жил в Риме и сам видел газету «Diritto» (это значит «Свисток»), кое что из нее даже сам почитывал 4.

Самую суть как возникла статья о братьях (Милеантах), кажется,

я рассказал Михайловскому ⁵.

Из «Свистка» многое я перепечатал, иное не стоит, но там есть «Переписка Москвы с Петербургом», текст — стихи мои, примечания Добролюбова. Эту пьесу я не хотел зачесть своею при жизни (Гербель просто это пустил, в своей хрестоматии, без моего позволения). Теперь ею можно воспользоваться для статейки обо мне, и ввести ее в приложение, когда будет издание моих сочинений 6.

Полностью печатается впервые по копии А. А. Буткевич, ИЛИ (Ф. 203, № 46). Судя по внешнему виду рукописи, копия Буткевич — позднейшего происхождения, перебеленная с иного, неизвестного ныне автографа (диктанта или рукописи Некрасова). Первый абзац см. впервые у К. И. Ч у к о в с к о г о во вступительном очерке к повести «Тонкий человек» («Федерация», М., 1928, 13). Абзац: «Свисток» придумал собственно я...» впервые см. Скабичевский І, 98. Последний абзац от слова:

«Эту пьесу...» и до конца впервые опубликован К. И. Чуковским в примечаниях к однотомнику (изд. 2-е, Л., 1928, 470).

В тексте исправлены описки: «Антоновский» вместо «Антонович» и «Милестеких»

вместо «Милеантах».

¹ Часть первая сборника «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов» под ред. Н. Некрасова, в которой помещены «Петербургские углы»; вышла в свет в ноябре 1844 г. Начало рассказа «Тонкий человек» напечатано в № 1 «Современника» за 1855 г.; окончание опубликовал К. И. Чуковский в отд. изд. 1928 г.

² См. прим. 2-е к наброску <16>.

³ Некрасов имеет в виду заметки, печатавшиеся в «Современнике» с августа 1855 г. до июня 1856 г. (см. в этом томе публикацию А. Максимовича, «Заметки о

журналах» — несобранный литературно-критический цикл Некрасова).

⁴ Некрасов ошибается в названии газеты — вероятно, он имеет в виду выходивший в 1848—1910 гг. в Италии сатирический журнал «Fischietto» кавуровской ориентации; «Fischietto» по-итальянски значит «свисток». Газету эту упоминает и Добролюбов в написанной в Италии в 1861 г. статье «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» («Современник» 1861, июнь, июль); «Diritto» же по-итальянски значит «право».
⁵ Вероятно, Некрасов имеет в виду «Письмо из провинции» Добролюбова в № 1 «Свистка» («Современник» 1859, январь), в котором были, между прочим, осмеяны незначительные журналисты 50—60-х годов, братья В. и Е. Милеанты, воспользовавшьет протесте прочим принять унастие в протесте прочим колфобских выходом водемента в протесте прочим колфобских выходом водемента в протесте прочим колфобских выходом водемента в протесте прочим колфобских выходом в протесте прочим в прочим в протесте прочим в проце прочим в протесте прочи

⁵ Вероятно, Некрасов имеет в виду «Письмо из провинции» Добролюбова в № 1 «Свистка» («Современник» 1859, январь), в котором были, между прочим, осмеяны незначительные журналисты 50—60-х годов, братья В. и Е. Милеанты, воспользовавшиеся случаем принять участие в протесте против юдофобских выходок редактора «Иллюстрации» В. Р. Зотова и тем создать себе популярность и славу. «Протесты против Зотова» были шумными событиями в петербургской и московской литературной жизни 1859—1860 гг. (подробно см. мои примечания в изд. Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. М., 1939 г., т. VI, 703 и сл. и по указателю). В напечатанных воспоминаниях Н. К. Михайловского о Некрасове никаких панных об истории этой статьи нет.

хайловского о Некрасове никаких данных об истории этой статьи нет.

В письме от 4 июня 1859 г. к своему другу И. И. Бордюгову Добролюбов процитировал с некоторыми вариантами 3—5 строфы «Петербургского послания», а в позднейшем письме к нему же пояснял: «Изображение Москвы, столько тебя устрашившее, принадлежит мне менее чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи его» («Материалы для биографии Н. А. Доброльбова...», М., 1890, 1, 513 и 522). Таким образом, Добролюбов, кроме примечаний, претендовал и на авторство в некоторой части текста, но в окончательный текст «Переписки» стихи эти, ве-

роятно, не вошли.

«НАБРОСКИ»[ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВУ»

(8)

Мне" попался здесь 4 № «В «естника» Евр «опы» и я прочел намеки Тургенева и выдержки из писем Б (елинского) 1. Прямо беру эти выдержки на себя, ибо они для меня не новость, — все это, даже в более прямом и резком виде слышал я от самого Белинского; он был не такой человек, чтобы молчать. Подувшись на меня несколько дней, он сам высказал мне свои неудовольствия и свое сожаление о последовавшем в нем внутреннем разрыве со мною. Последовали объяснения не со мною одним, но и с Панаевым. Не надо думать, чтоб я имел тогда то влияние на Панаева, какое приобрел впоследствии. Он был десятью годами старше меня [он был известный литератор и находился в эту эпоху на верху своей известности. Я его, как и он меня — тогда знал мало; он был для меня авторитет; притом деньги на журнал были его (моих было только 5 том сяч) ас (сигнациями), которые незадолго до того дала мне взаймы на неопределенный срок Наталья Александровна Герц (ен)). Даже контракт с Плетневым был заключен на имя одного Панаева. [Я же не имел с ним никаких условий]. Значит, в сущности, он один был хозяином дела. Только впоследствии, спустя несколько лет, при перемене контракта с Плетневым [встав (лено)] прибавлено было в контракте мое имя, чем права (нрэб) мои уравнивались с правами Панаева. Не хочу этим сказать, что Панаев помешал мне сделать желаемое Белинским, но я не мог бы этого сделать помимо его. И мнение [его] Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставление [ему] Белинскому доли [ввиду] было бы бесплодно для него и [непр (авильно)] опасно для дела, в виду неминуемо близкой смерти Белинского, которая была решена врачами, что не было тайной

ни для кого из друзей его: пришлось бы связать себя в будущем, имея дело не с ним, а с его наследниками, именно с его женой, которую все мы не любили, не исключая и Тургенева, который между прочим сочинил на нее злые стихи *. И вот с ней то нам пришлось бы иметь дело. Это особенно пугало Панаева.

(9)

Мне попался здесь «В (естник) Е (вропы)» и я прочел выдержки из писем Бел(инского). Прямо беру их на себя, ибо они для меня — не новость. Не такой был человек Бел(инский), чтоб долго молчать. Помолчав несколько дней он высказал мне горячо и более резко, чем в этих письмах, свое неудовольствие и свое сожаление о внутреннем разрыве со мною. Последовали объяснения сначала со мною, потом со мною и с Панаевым. Может быть, плодом этих объяснений и было второе письмо к Тургеневу, в значительной доле уничтожающее первое. Сопоставив эти два письма, останется, что «Н<екрасов> действовал добросовестно, но не переходя той черты, где начиналась его невыгода из-за принципа, до которого он не [доразвился] дорос». Кажется, так? Я останавливаюсь на этом. Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся я с нищетою, видел лицом к лицу голодную смерть; в 24 года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба. Не до того мне было, чтобы жертвовать своими интересами чужим. Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же [самом] первом обвиняющем меня письме, что он «и теперь меня высоко ценит». А во втором письме он говорит, что почти переменил свое мнение и насчет и с т о ч н и к а моих поступков. С меня этого довольно. Я не знаю, исчезло ли в его воззрении на меня впоследствии это почти, но отношения наши до самой его смерти были короткие и хорошие. Я не был точно и д е а л и с т (иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий [как коммерческое предприятие рассчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане] практических качеств), еще менее был я ровня ему по развитию; ему могло быть скучно со мною, но помню, что он всегда был рад моему приходу. Отношения его ко мне до самой смерти сохраняли тот характер, какой имели в начале. Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались его беседы со мною [он ловил меня часто на словах — и это одно слово давало ему повод высказать мне многое, что было для меня и ново и полезно], имевшие для меня значение поучения. Несмотря на сильный по тому времени успех «Современника» в первом году мы понесли от первого 10 т/ысяч> убытка **; денежные заботы, необходимость много работать, вся, так сказать, черновая работа по журналу: чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснение с ценсорами, восстановление смысла и связи в статьях (что приходилось иногда делать с одной статьей по нескольку раз — лежала на мне] после их карандашей лежали на мне, да я еще писал рецензии и фельетоны, все это, а также и последовавшие с февраля 1848 г. ценсурные гонения, сопровождавшиеся крайней шаткостью почвы под ногами каждого причастного тогда к литературе — довело мое здоровье до такого расстройства, что Б(елинский) часто говаривал, что я немногим лучше его. Белинский вообще знал мою тогдашнюю жизнь [мои отношения] до мельчайшей точности и строго говаривал мне: «Что вы с собой делаете, Н(екрасов) —

^{*} По манере Тургенева со мною я должен был бы напечатать эти стихи и отпереться было бы ему трудно ибо их слишком многие знают, привожу, конечно — не для печати и даже не для распространения под рукою, — собст венно для Вас три куплета ... ** В 1-м году «Совр еменник» имел 2000 подписчиков.

смотрите берегитесь, иначе с вами тоже будет, что со мною». При этом в его умирающих глазах я [читал именно ту] уловил однажды выражение, которое я не умею иначе истолковать, как тою любовью, о которой [он говорил] упоминается в письме к Тургеневу, как о потерянной мною. В этом взгляде была еще глубокая скорбь. Впоследствии я узнал от общих наших друзей, что в близкой моей смерти он был убежден положительно. Припоминая и тысячу раз передумывая, я прихожу к убеждению, что главная моя вина в том [что не случилось, как иногда думал Белинский, т. е.] что я действительно не умер вскоре за ним, но за эту вину я готов выносить не только клеветы г. Антоновича 3, но и тонкие намеки г. Тургенева, которые он хитро старается скрепить авторитетом Белинского.

<10>

Я приехал в Париж, когда уже первая часть романа Гюго вышла и думаю, что Вы были в этом своевременно извещены ⁴.

4 № «Отеч. Зап». велите послать мне в Париж, по тому же адресу, какой

я Вам дал.

Поэму Жемчужникова я получил. Я думаю, что ее печатать в «Отечественных» Зап \langle исках \rangle » не следует — по причине ее полемического характера 5 .

В этом смысле я ему написал.

Я прочел № 4 «Вестн (ика) Европы». Тургенев, имеющий свои причины пакостить мне, является на помощь Антоновичу. Два приведенные им отрывка из писем Бел (инского), будучи сопоставлены один с другим, в значительной степени уничтожают друг друга, но все-таки тут разгуляться можно. Я же скажу, что по моей роли в журналистике мне постоянно приходилось, так сказать, торговаться, и я думаю, найдется еще не один человек из людей порядочных, который выражал в письме к приятелю свое неудовольствие на меня по этому поводу. Следует ли, однако, из этого, что я должен был или мог действовать иначе? Бел(инский) покинул «От (ечественные) Зап (иски)» вовсе не для того, чтоб основать журнал новый, да и мы тогда об этом не думали, - доказательство в том, между прочим, что затевался сборник 6. Мысль о журнале пришла нам в голову летом 1846 года, когда Белинский ездил со Щепкиным в Малороссию. Об этом и об условиях, на коих он может вступить в дело было ему написано, он отвечал согласием. В начале 1847 года он предложил мне чтоб я ему дал в доходах журнала 3-ью долю. Я на это не согласился, как мне ни было тяжело ему отказывать, не согласился потому, что было трудно уладить дело: у нас еще были Панаев, я, Плетнев, Никитенко, которому тоже, как редактору, кроме жалования принуждены мы были дать долю из будущих барышей (в 1848 году он вышел и от всякого участия как в убылях, так и в барышах отказался). К чему повела бы доля? С первого года барышей мы не ждали (да их и не было, а был убыток), между тем и для нас и для всех друзей Белинского было не тайна, что дни его, как

<11>

Что-то у Вас делается, многоуважаемый Михаил Евграфович? Я Вам написал наскоро, и думал на другой день писать дальше, да дело затянулось; жизнь в трактире идет так, что коли утром что нибудь помешало написать письмо, то день и пропал, и так далее. Живу не то чтобы весело. Я уже живал в Париже — все одна история — шляние по гульбищам и ресторанам, но хорошо то, что нервы отдыхают, а мне это было нужно.

Засыпать и просыпаться под впечатлением этих стишков недурно. В Париже мне надоело, в Киссинген еще рано, на днях уеду куда нибудь и пришлю вам адрес, а покуда пишите по старому. Я здесь читал 4 № «В (естника > Е (вропы ». Напишу Вам об этом подробно со временем, а теперь лень. Скажу только, что я не исполнил желание Бел(инского) потому, что не мог, зная что для него из этого ничего не выйдет (ибо он уже дышал на ладан), а себя свяжу. Сколько получил Белинский денег за свое участие в «Соврем (еннике)», на это есть документы. Из статей, перешедших в «Современник» из предполагавшегося сборника⁶, кроме двух все оплачены были деньгами журнала. Затем, никто кроме Белинского не был хозяином содержания журнала, пока он мог заниматься, а хозяином кассы он сам не хотел бы быть. Я имею убеждение и некоторые доказательства, что Бел(инский) сам очень скоро увидел, что его положение как дольщика (при необходимости брать немедленно довольно большую сумму на прожиток и неимении гарантии за свою долю в случае неудачи дела) было бы фальшиво. Это он мне сам высказал. Наконец, если б даже Вы остановились на мысли, что я отказал ему по корыстным соображениям, то пусть и так: я вовсе не находился тогда в таком положении, чтобы интересы свои приносить в жертву чьим бы то ни было чужим. Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же письме, что все-таки меня высоко ценит. Непременно напишу об этом деле на досуге Вам подробно, а Вы напишите, что Вы об этом думаете. По моему, эти два отрывка из писем уничтожают друг друга в значительной степени, но все-таки для Антон(овича) тут пожива хорошая! Да чорт с ним! В конце концов, я думаю так: суть вовсе не в копейках, которые я себе отделял, даже не в средствах, при помощи которых делал известное дело — а в самом деле.

Вот если будет доказано, что дело это исполнял я совсем дурно, что привлекал к нему нечестных и неспособных, обходя способных и честных —

тогда я кругом виноват, но тогда только.

Роман Гюго (все 4 части) вышел, что Вы вероятно знаете.

ОСТАТКИ УСАДЬБЫ В ГРЕШНЕВЕ

Нижний этаж дома — единственное строение (помещение для музыкантов), сохранившееся от усадьбы отца Некрасова

Фотография 1910-х гг.

«В» Впервые — с пропусками: Скабичевский II, стр. LV—LVI. Полностью в статье Е. Базилевской, Мнимая эпиграмма Некрасова.—«Звенья» 1932, вып. I, 187—188. Автограф, находившийся в собрании А. Ф. Кони, мне неизвестен.

(9) Впервые: Скабичевский I, 385—387. Сверено с автографом ИЛИ

(Φ. 203, № 63).

(Ф. 203, № 63).

(10) Впервые: В. Евгеньев-Максимов, Некрасовиего современники, М., 1930, 79—80. Автограф мне неизвестен.
(11) Впервые — там же, 77—79. Сверено с автографом ИЛИ (Ф. 203, № 63). Все четыре наброска написаны в Париже, в котором Некрасов пробыл в 1869 г. с начала апреля до начала мая по ст. ст. (Щедрин. Полн. собр. соч., 1937, XVIII, 212 и Н. Ашукия, Летопись..., 365 и 366).

В самих набросках находим очень немногие данные для уточнения их датировки. В наброске (10) Некрасов сообщает о посланном письме к А. М. Жемчужникову это, конечно, письмо от 22 апреля (4 мая) 1869 г. (Письма..., 452). Набросок (11) (а может быть, и (10)) — ответы на письмо Салтыкова к Некрасову от 18 (30) апреля с вопросами о времени выхода в Париже романа В. Гюго: «L'homme qui rit» (Щ е дри н, XVIII, 213). Это письмо могло быть получено в Париже не раньше 24 апреля (6 мая). Таким образом, письма были написаны не раньше 22—24 апреля 1869 г.

В письме к А. М. Жемчужникову от 2 (14) мая (начало которого почти совершенно точно совпадает с началом наброска <11> и, вероятно, одновременно и писалось) Некрасов сообщат: «Уеду я в понедельник» (Письма, 454), т. е. 5 (17) мая*. Следующее по времени известное письмо, тоже к А. М. Жемчужникову, датировано 17 (29) мая. (Письма, 461 и Н. Ашукин, Летопись..., 366). Значит, письма набрасывались

не позже 5 мая, вернее же всего — в период 25 апреля — 2 мая 1869 г.**.

Все наброски относятся, разумеется, к одному, очень небольшому периоду времени; последовательность написания всех четырех набросков может быть установлена лишь предположительно: наиболее короткий и оформленный в виде письма (обращение к

Салтыкову) набросок, — вероятно, последний.

Некрасов, судя по сохранившимся четырем наброскам, долго и тщательно обдумывал свое письмо Салтыкову: ответ на выпады Тургенева, опубликовавшего в своих воспоминаниях в «Вестнике Европы» (1869, № 4) якобы компрометирующий Некрасова в его отношениях к Белинскому материал — отрывки из писем Белинского к Тургеневу. Подробный анализобвинений Тургенева см. у В. Евгеньева-Максимова, Некрасовиего современники, М., 1930, 70—92 и вего же книге «"Современники в 40-50 гг. от Белинского до Чернышевского», Л., 1934, 79-92. Письмо, повидимому, осталось неотправленным (все четыре наброска восходят к архиву Некрасова), хотя утверждать это категорически нельзя. В письмах Салтыкова к Некрасову и в их последующей переписке не сохранилось никаких следов этого письма, несомненно, важного и значительного для обоих адресатов, однако следует иметь в виду, что их переписка сохранилась далеко не полностью.

19 февраля 1847 г. Белинский писал Тургеневу о Некрасове: «При объяснении со мною он был не корош: кашлял, заикался, говорил, что на то, чего я желаю, он, кажется, для моей же пользы согласиться никак не может, по причинам, которые сейчас же объяснит и по причинам, которых мне не может сказать... Я любил его, так любил, что мне и теперь иногда то жалко его, то досадно на него за него, а не за себя. Но мне трудно переболеть внутренним разрывом с человеком, а потом ничего... Я и теперь высоко ценю Некрасова за его богатую натуру и даровитость; но тем не менее он в моих глазах — человек, у которого будет капитал, который будет богат, а я знаю, как это делается. Вот уж начал с меня».

1 марта Белинский писал Тургеневу же: «Я почти переменил мое мнение насчет источника известных поступков Некрасова... Мне теперь кажется, что он действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем, он еще не дорос, а приобрести его не мог по причине того, что возрос в грязной положительности, и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер» (В. Белинский, Письма, СПб., 1914, III, 177 и 188). Тургенев опубликовал соответствующие места из писем Белинского, заменив имя Некрасова звездочкой — подстановка эта ни для кого не составляла секрета — и с некоторыми купюрами, так что в целом контекст оказывался еще более резко направленным против Некрасова.

² Приводимые стихи, которые мы опускаем, были в свое время опибочно приписаны Некрасову В. Е. Евгеньевым-Максимовым и К. И. Чуковским («Заветы» 1913, № 6, 35—36 и Полное собрание стихотворений Некрасова, Л., 1927, 361). Авторство Тургенева подробно обосновано Е. В. Базилевской в названной в начале примечаний

учтено, что письмо к Жемчужникову датировано по новому стилю.

** Части 2—4 романа В. Гюго: «L'homme qui rit», вышли в свет в первых числах мая. Известие об их выходе напечатано в «Bibliographie de la France», 1869, № 19. от

8 мая (№ 3828); эти данные подтверждают предлагаемую мною датировку.

^{*} У Н. С. Ашукина («Летопись...», 366) ошибочная дата — 14 (26) мая. Расчет Е. В. Базилевской в назв. выше статье в «Звеньях» (I, 187) ошибочен, так как ею не

ОСТАТКИ САДА В УСАДЬБЕ ГРЕШНЕВО Фотография А. В. Попова, 1935 г.

статье, в которой стихи и опубликованы. Ср. скрытую цитату из этого стихотворения в письме Герцена Тургеневу от 11 (23) марта 1869 г. (А. Герцен, Полн. собр. соч. и писем. П., 1923, XXI, 331).

³ Некрасов имеет в виду выпады М. А. Антоновича в его известной броппо ре (написанной совместно с Ю. Г. Жуковским) «Материалы для характеристики сов ременной

литературы», СПб., 1869.

4 Роман Виктора Гюго «L'homme qui rit». Русский перевод напечатан в № 4—7

«Отечественных Записок» за 1869 г.

⁵ Речь идет о поэме-сатире на М. Н. Каткова «Пророк и я», напечата нной Жемчужниковым в отрывке в 1870 г. в «С.-Петербургских Ведомостях» (№ 38) под заглавием: «О времени недавно прошедшем и частью о настоящем. (Опыт фельетона в стихах)». Ср. Отзыв Некрасова в письме к Жемчужникову от 26 февраля 1870 г. (П и с ь м а, 472).

6 Сборник «Левиафан», задуманный Некрасовым в 1845 г. в пользу Белинского. Сборник не осуществился. Собранный материал был в 1847 г. в большей своей части исполь-

зован в «Современнике».

(12)

Письмо к Солдат (енкову).
Винокур (енный) завод. (Турген (ев)).
Отец мой.
Белинский и Тургенев (нрэб).
Я не владел крепостными.

Печатается впервые по автографу из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Публикуемые строки набросаны Некрасовым карандашом на обороте второго листа продик-

тованного А. А. Буткевич отрывка (3) «Мой отец».

Первая строка, несомненно, имеет в виду столкновение с К. Т. Солдатенковым в 1855 г., накануне выхода первого сборника стихотворений Некрасова. Желание Некрасова возвратить Солдатенкову полученный аванс и издать сборник самому и затяжка издания вызвали резкое осуждение со стороны московских друзей поэта. Характерно, что почти все предсмертные наброски имеют целью оправдаться по поводу тех или иных обвинений, в разное время предъявлявшихся поэту.

Вторая строка наброска имеет, повидимому, в виду винокуренный завод брата поэта, Ф. А. Некрасова, в Карабихе. Обозначение в скобках имени Тургенева имеет, вероятно,

в виду следующий клеветническии выпад, содержащийся в «Дыме» (гл. V, слова Потугина), до сих пор не замеченный исследователями и не учтенный в литературе:

«Иной, например, сочинитель, что ли, весь свой век и стихами и прозой бранил пьянство, откуп укорял... да вдруг сам взял да два винные завода купил и снял сотню кабаков... и ничего».

А. С. Некрасову (третья строка) посвящены отрывки <2> и <3>; там же в расши-

ренном виде находим и фразу о крепостных.

Автобиографические наброски, связанные с воспоминаниями Тургенева о Белинском (четвертая строка) и содержащие резкие выпады против Некрасова, неизвестны (вероятно, они не были написаны); наброски письма к Салтыкову 1869 г. (8—11), помещаемые в настоящей подборке, касаются именно этого эпизода.

<13>

АНЕКДОТ О ДИРЕКТОРЕ ТЕАТРА САБУРОВЕ

Я с ним много играл в карты. Раз Андрей Иванович приехал ко мне, причем ему подавалась мороженая вода и лед, отозвал меня в сторону и сказал: «у меня до вас просьба — поправьте мне маленькие стихи» и прочел что-то о розе, звезде севера. «Вы мастер». — «Да разве вы, Андрей Иванович, знаете, что я пишу стихи?»— «Прошлый год я ездил набирать труппу в Париж. Я бывал в аристократических домах, там я слышу вдруг разговор, кто теперь лучший поэт в Европе, там сказали Некрасов. Я дал себе слово, как ворочусь в Россию, прочитать».

Я исправил «Розу» и послал Андрею Ивановичу экземпляр своих стихотворений 1.

Впервые, с мелкими неточностями, опубликовано К. И. Чуковским в заметке: «Из записной книжки Некрасова» в «Некрасовском сборнике» под ред. и со вступительными статьями К. И. Чуковского и В. Е. Евгеньева-Максимова, Пг., 1922, 58—59. Сверено с автографом неизвестной руки (диктант?) из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова (запись на одном листе с отрывком <5>) и с копией А. А. Буткевич в ИЛИ (Ф. 203, № 2); в этой копии вместо: «Я исправил...» — «Брат исправил...». Исправляю описку писца или оговорку Некрасова в четвертой строке: «Иван Андреевич» вместо «Андрей Иванович».

¹ Андрей Иванович Сабуров (1797—1866) — знакомый Пушкина, видный сановник, обер-гофмейстер, миллионер, член Английского клуба, в 1857—1863 гг. ди-ректор императорских театров; к этому времени и относится рассказ Некрасова (см. «Столетие С.-Петербургского английского собрания», СПб., 1870, 98; М. Бутурлин, Записки.—«Русский Архив» 1897, I, 432; М. Лонгинов, Управление рус-

скими театрами в Петербурге и Москве.—«Русский Архив» 1870, 1557).

Знакомство Некрасова с Сабуровым—«карточного происхождения»: в небольшом, в несколько строк, некрологе А. И. Сабурова в «Иллюстрированной Газете» особо отмечено, что покойный был замечательно искусный знаток в коммерческих играх. (1866, № 9, от 3 марта, 144. О том же см. у Е. Феоктистова, Воспоминания, Закулисами политики и литературы. 1848—1896, Л., 1929, 23—25). В письме к П. В. Анненкову от 16 ноября 1857 г. Тургенев, иронически сообщая о карточной игре Некрасова, между прочим, писал: «...Некрасов, разговаривающий об литературе только с Бат мановым, Лаптевым, Сабуровым — есть ужасно прозаическая вещь» («Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, М., 1934, 72).

В воспоминаниях Н. И. Куликова («Русская Старина» 1886, № 12, 628—629) рассказывается характерный для А.И.Сабурова эпизод ухаживания его за некоей балери-

ной П. Очевидно, назначение «Розы» было подобного же рода.

<14>

Великая моя благодарность графу Александру Владимировичу Адлербергу 1. Он много проиграл мне денег в карты, но еще более [дал мне денег] сделал для меня, выхлопотав в шестидесятом году позволение на издание моих стихотворений, что запретил Норов в 1856 г.

Это дало мне до 150 т(ысяч).

Желаю, чтоб это было напечатано после моей смерти [человек чудесной души].

Впервые у Скабичевского І, 399. Сверено с автографом неизвестной руки (диктант) из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова и с копией А. А. Буткевич в ИЛИ (Ф. 203, № 2). В публикации Скабичевского вместо полной фамилии Адлерберга — «А. В. А.» и опущены слова: «проиграл мне денег в карты, но еще более...». В диктанте последние слова от «Желаю...» и до конца написаны собственноручно Некрасовым.

¹ Граф Александр Владимирович Адлерберг (1818—1888) — генерал-адъктант, с 1861 г. командующий императорской главной квартирой, член Главного управления цензуры, впоследствии (с 1870 до 1882 г.) министр двора и уделов; личный друг Александра II. О всемогуществе Адлерберга дают понятие следующие слова II. В. Долгорукова: «Адлерберги... ныне составляют какую-то особую династию, которая... составляет в России накое-то особое сословие: царскую дворию» («Петербургские

очерки», М., 1934, 129).

Некрасов ошибался, приписывая хлопотам А. В. Адлерберга разрешение второго издания его стихотворений. Запись в дневнике Никитенко 1 апреля 1861 г. разъясняет издания его стихотворении. Запись в дневнике никитенко 1 апреля 1801 г. разъясняет историю этого издания: «Заседание в Главном управлении цензуры. Министру (Евгр. П. Ковалевскому — С. Р.) сегодня точно хотелось выставить себя перед графом Адлербергом строгим и бдительным стражем литературы. Например, он усиливался опять запретить Некрасова, хотя все, кроме Пржецлавского, готовы были пропустить его, за исключением немногих мест. Наконец, уже и граф Адлерберг заступился за него» (А. Н и к и т е и к о, Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки и дневник (1804—1877), изд. 2-е, СПб., 1905, II, 11). Таким образом, больщина терровительного управления перезуры было за разрешение возрания за авторительного. ство членов Главного управления дензуры было за разрешение издания, а авторитетное выступление влиятельного Адлерберга окончательно решило вопрос, однако никаких особых хлопот он, насколько известно, не проявлял.

<15>

Продолжаю свою юность. Нет, скажу еще об Абазе. Этот симпатичный человек проиграл мне больше миллиона франков, по его счету, а по моему счету так и побольше 1. Одно время я был в выигрыше до 600 томсячу. Самый большой мой проигрыш в один раз был 83 том сячи. Если удосужусь, когда-нибудь, ворочусь еще к своей игре 2. Кстати о великих мира сего. М. Н. Муравьева я видел два раза в жизни 3; с сыном его Леонидом был очень короток, с зятем Сергеем Шереметьевым были мы дружны по охоте 4. В известный год, в известном обстоятельстве я сказал М. Н. Муравьеву двенадцать стихов, за это даже Катков обругал меня в «Московских Ведомостях», а уж о г. Буренине и говорить нечего 5.

Полностью печатается впервые по автографу (диктант) из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Запись на одном листе с отрывком (5). Сверено с записью А. А. Бутке-вич из того же собрания, начинающейся словами: «О Муравьеве брат рассказывал мне так: Я видел М. Н. Муравьева...», далее текст совнадает с диктантом.

¹ А ба за Александр Агтеевич (1821—1895) — видный государственный деятель умеренно либерального направления, сторонник реформ 1861 г. В 60-х годах — гофмейстер при дворе вел. кн. Елены Павловны, к кружку которой был близок, и член совета Министерства финансов; с 1874 г. — председатель департамента экономии Государственного совета; впоследствии (с 1877 г.) государственный контролер; в 80-х годах недолгое время — министр финансов. В «Архиве села Карабихи» (М., 1916) опубликованы 8 пивремя — министр финансов. В «Архиве села Карабихи» (м., 1916) опубликованы в писсем Абазы к Некрасову; все письма касаются денежных расчетов, связанных с карточной игрой. В одном из писем (от 6 января, вероятно, 1861 г.) Абаза, отказываясь от очередного приглашения на игру, писал: «Вечером у вас не буду, потому что кончилась игорная моя карьера: не хочу более брать карт в руку, и надеюсь, что вы по дружбе ко мне будете поддерживать в этих мыслях» (стр. 74). Судя, однако, по следующим письмам, этот обет вскоре же был нарушен. В 1875 г. Некрасов просил у Абазы совета и помощи в деле облегчения участи Н. Г. Чернышевского (Письма..., 561).

Этот план Некрасов не осуществил.

3 О второй встрече Некрасова с М. Н. Муравьевым ничего неизвестно.
4 Леонид Михайлович М уравьев (1821—1881) имел придворный чин герольдмейстера; о знакомстве его с Некрасовым в литературе сведений нет. Сергей Сергеевич Шереметев (1821—1884) — отставной полковник кавалергардского полка, член строительной конторы Министерства двора, впоследствии егермейстер; вторым браком был женат на дочери М. Н. Муравьева Софье Михайловне. В неизданных записях В. М. Лазаревского (г. Горький Обл. архив), есть рассказы о встречах Некласова с С. С. Шезаревского (г. Горький, Обл. архив), есть рассказы о встречах Некрасова с С. С. Щереметевым. 5 апреля 1866 г. Некрасов, после покушения Каракозова, обеспокоенный судьбой «Современника», посетил ряд влиятельных сановников Петербурга, в том числе

¹¹ Литературное Наследство

и С. С. Шереметева (см. К. Чуковский, Поэт и палач, цит. по кн.: «Некрасов.

Статьи и материалы», Л., 1926, 33—34).

⁵ Текст оды Муравьеву неизвестен. О том, что в ней было именно 12 строк, Некрасов приблизительно в это время говорил и А. Н. Пыпину (см. стр. 192). Выпад М. Н. Каткова против Некрасова в связи с одой находится в передовице «Московских Ведомостей» от 20 апреля 1866 г. (№ 83, 1—2). В этой же передовице помещена и информация об обеде в Английском клубе с язвительным изложением выступления Некрасова. Подробно об оде см. в статье: Б. Б у к шта б «О муравьевской оде» — «Каторга и Ссылка» 1933, № 12. Выпад В. П. Буренина по поводу оды Муравьева неизвестен. Может быть, Некрасов имеет в виду пародию на его сатиры в «Общественных и литературных заметках» Выборгского пустынника (т. е. В. П. Буренина) в № 102 «С.-Петербургских Ведомостей» от 17 апреля 1866 г.?

(16)

(АВТОБИОГРАФИЯ Н. А. НЕКРАСОВА, ЗАПИСАННАЯ ДЛЯ М. И. СЕМЕВСКОГО)

(Записано 7 июня 1872 г.)

Я родился в 1822 г. в Ярославской губернии. Мой отец, старый адъютант князя Витгенштейна ¹, был капитан в отставке. Вышел я из 4 класса гимназии. Уверил старшего брата, что мне нужно ехать в Петербург и там продолжать учение. Прокурор Полозов дал рекомендательное письмо жандармскому генералу Полозову об определении в дворянский полк. Прибыл в Петербург в 1838 г. ². В кармане 150 р. ассигнациями. Отказ мой Полозову от дворянского полка. Генерал написал брату, брат пожаловался отцу. Грубое письмо отца. Грубый мой ответ отцу; заключение его. («Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма»).

Со мной была тетрадка стихотворений, на нее возлагал я большие надежды. Перебиваясь изо дня в день, я насилу добыл место гувернера у офицера Бенецкого — содержателя пансиона для поступления в Инженерное училище. За 100 р. ассигнациями в месяц я обучал его десяток

мальчиков с утра до позднего вечера 3.

В начале 1840 года я приступил к изданию привезенных стишков отдельной книжечкой. Имея ее еще в листах, пошел к Жуковскому в Шепелевский двор, близ Зимнего Дворца. Он жил очень высоко. Вышел благообразный старик, весьма чисто одетый, с наклоненной вперед головой. Отдавая листы просил его мнения. Сказано — притти через три дня. Явился. Указано мне два стихотворения из всех, как порядочные, о прочих сказано: «Если хотите печатать, то издавайте без имени, впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи».

Не печатать было нельзя, около сотни экземпляров Бенецким было запродано, и деньги я получил вперед. Книжечка вышла, автор скрылся под буквами Н. Н. Роздал книгу на комиссию; прихожу в магазин через неделю— ни одного экземпляра не продано, через другую— то же, через два месяца— то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах 4.

Н. Полевой издал «Сын Отечества». Он поместил одно стихотворение ⁵. Дал мне работу, я переводил с французского, писал отзывы о театральных пьесах, о книгах — ничего о них не зная. Ходил в Смирдинскую библиотеку-кабинет, брал кое-какие материалы, и заметки составлялись. Так я писал и сам учился.

Желание поступить в университет меня не покидало. Пугала латынь. На Итальянской встретил в увеселительном заведении Успенского — профессора духовной академии. Оба <?> пьяные. Ученый переводчик классиков для академии с откровенностью молодости рассказал о своей судьбе. «Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне».

нади руганов все им не хороша миранов нужна

свыхдотя о Эщентиры пистра вабурова

Aporument

Aumpalula Posy a necesta Augparo abandung

Beinsan was Thorngapuoini Pransy othercandry Buagamipo sury Agreeptiper ous uness repourpaks and genera as krembe no enquisate toda una genera egistata quel mena bankeronomas de Majaminamour ludy noshovenie na Us ganie monta emusom Lopenia Tomo jung mala nopoda dans to 150

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ (13) и (14)

Автограф неизвестной руки (диктант). Слова на полях: «Желаю чтоб это было напечатано после моей смерти...» вписаны Некрасовым Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

Поселился у него на Охте. Подле столовой за перегородкой темный чулан был моей квартирой. Успенский в полосатом халате пил запоем по нескольку недель.

- «Давай, буду тебя учить».

Две, три недели учит очень хорошо, а там опять запьет. Ходил с ним к дьякону Прохорову. Тот был правой рукой митрополита бывшего Серафима, все духовенство валялось у его ног. У отца дьякона вечный картеж.

Тут я выучился играть в преферанс 6.

Начались экзамены в университете. Латинист Фрейтаг был очень строг, но и он с латыни поставил мне 5. Устрялов экзаменовал по русской истории; экзамены шли хорошо, но профессор всеобщей истории Касторский поставил единицу; говорят, любил взятки. Мне нечего было дать. Оставался экзамен по физике, в ней я ничего не знал, приготовиться не у кого, заплатить нечем, рассчитывал получить единицу по этому предмету. При одной единице тогда в университет принимали. Но, уже имея единицу, пошел к ректору Плетневу; он посоветовал отложить физику до декабря и обещал принять при одной единице по всеобщей истории. Успокоенный словом ректора, я загулял. Через две недели прихожу, узнаю, что не принят. Плетнев забыл обо мне заявить конференции. Иду к нему. С горечью выругал его. Мое положение было трагическое. На поступлении в университет я рассчитывал примириться с отцом. Плетнев принял вольнослушателем. Я ходил сюда читать, но учиться и зарабатывать хлеб трудно, и я бросил 7.

Издавал Краевский «Литературную Газету» — прибавление к «Инвалиду». Издатель был Иванов — книгопродавец. Сюда я писал очень много. Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 р. в год. В газете был отдел дагеротип. Весь

он исписывался мною и в стихах, и в прозе 8.

Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов. Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 1844 г. стихотворение «Родина» в написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать.

Сижу дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда. Впервые встречаю Тургенева. Читаю ему «Родину». Он в восторге: «Я много читал стихов, но так написать не могу,— сказал Тургенев,— мне нравятся

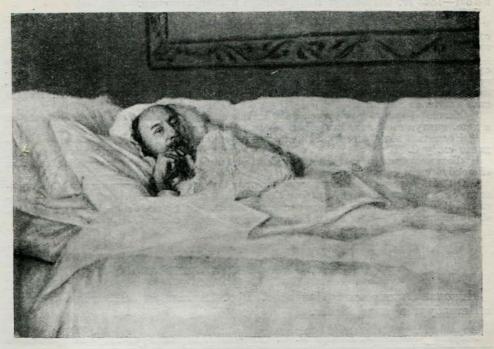
и мысли, и стих» 10 .

В собрании моих стихотворений печатается «Родина» в начале издания. С 1844 г. дела мои шли хорошо. Я без особого затруднения до 700 р. ассигнациями выручал в месяц, в то время как Белинский, связанный по условию с Краевским, работая больше, получал 450 р. в месяц. Я стал подымать его на дыбы, указывая на свой заработок.

В 1845 г. издал я в Петербурге сборник, в нем между прочим было начало романа Федора Достоевского «Бедные Люди» ¹¹. Сборник мне дал чистых 2000 р. Я был тогда молод, деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным. Здоровье Белинского было сильно расстроено.

Летом 1846 г. я гостил в Казанской губернии у приятеля своего, помещика Григория Матвеевича <?> Толстого, он бывал за границей, обладал некоторым либерализмом. Жили мы с ним в бане и, сидя на балконе, часто беседовали о литературе. В соседство приехал Панаев с семьей, у него было там имение. Я возбуждал вопрос об издании журнала. Дело остановилось за деньгами. Панаев заявил, что у него есть 25 000 рублей свобод-

ного капитала, Толстой обещал ссудить также 25 000. Тогда я поспешил в Петербург ¹². Журнал «Сын Отечества» умирал, издатель его Масальский был в это время в Ревеле. Я ездил к нему, но дело ни к чему не привело, тогда я пошел к Плетневу — издателю «Современника», начатого Пушкиным в 1836-м году. Плетнев легко согласился, уступил мне и Панаеву журнал, написал контракт с каждого подписчика давать Плетневу рубль, а если журнал прекратится вследствие явного нарушения цензурных правил, то мы ему платим 30 000 р. неустойки. Первый год, 1847, успех блистательный. Было 2000 подписчиков; вместо прежней платы по рублю мы ввиду успеха журнала обязались платить 3 000 р. Плетневу в год.

БОЛЬНОЙ НЕКРАСОВ Акварель И. Т. Михайлова по фотографии В. А. Каррика, 1876 г. Институт литературы АН СССР

В 1848 г. было более 2 800 подписчиков, но тут начались страшные гонения цензуры. Затем наибольший успех «Современника» в 1861 г. — было 6 800 подписчиков. От Краевского я получил «Отечественные Записки» с 3 000 подписчиков, а ныне до 6 000.

Перепечатывается из «Нового мира» 1925, № 1, 83—86 (публикация С. Шпицера). (Перед тем в вечернем выпуске «Красной газеты» 31 января 1925 г., № 26 (714), 5. Публикация А. Кондратьева). Автограф — неизвестной (женской) рукой в тетради М. И. Семевского в ЛОЦИА — остался мне неизвестным. По мнению С. М. Шпицера, запись сделана под диктовку поэта: это «видно из того, что сплошь и рядом в рукописи встречаются обрывки слов и фраз, а также и торопливый почерк».

¹ Петр Христианович В и т г е н ш т е й н (1768—1842) — видный военный деятель конца XVIII — начала XIX вв.; с 1818 г. — главнокомандующий 2-й армией, расположенной на юге страны.

² Некрасов приехал в Петербург в 1838 г. Штабс-капитан, а с 1843 г. коллежский асессор Николай Петрович Полозов, давший Некрасову рекомендательное письмо, в 1842 г.— товарищ председателя ярославской уголовной палаты («Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 г.», ч. 2, 49. Сведений за 1838—1841 гг. о Полозове в «Месяцесловах...» нет). Возможно, что вноследствии он переехал в Петер-

бург и в 1854 г. в чине статского советника занимал пост младшего директора Государоург и в 1834 г. в чине статского советника занимал пост младшего директора 1 осудар-ственного коммерческого банка (см. «С.-Петербургский путеводитель» 1854, 177). Вероятно, скончавшийся в 1862 г. в Петергофе в чине действ. ст. советника Николай Петрович Полозов — то же лицо («С.-Петербургские Ведомости» 1862, № 132). Его брат Даниил Петрович Полозов (1794—1850) — генерал-лейтенант, начальник 1 округа корпуса жандармов, ранее командующий лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой. О нем см. у П. Потод кого, История гвардейской артиллерии, СПб., 1896, 305 (портрет), 331, 366, 370, 379; «Русская Старина» 1893, № 2, 338 и др.

^в О Г. Ф. Бенецком см. прим. 7 на стр. 152.

 4 Ср. прим. 9-е к наброску ⟨5⟩.
 5 В «Сыне Отечества» 1838 (№№ 5 и 11) Некрасов напечатал не одно, а три стихотворения: «Мысль», «Безнадежность» и «Человек».

О Д. И. Успенском см. на стр. 152 настоящего тома. Серафим (1763—1843)—

1821—1843 гг. митрополит Новгородский и Петербургский.

7 Первая попытка Некрасова поступить в университет относится к 1839 г., вторая — к 1840 г. Обе попытки окончились неудачно. Вольнослушателем университета Некрасов числился с 1839 г. по 1841 г. Поправки к рассказу Некрасова см. в настоящем

томе в статье С. Рейсера, Некрасов в Петербургском университете.
В Статьи Некрасова в «Литературной Газете» частично выявлены и вводятся в состав соответствующих томов Полного собрания сочинений Некрасова (Гослитиздат). Литературное прибавление к «Русскому Инвалиду»—«Литературная Газета» редактировалась и издавалась А. А. Краевским (1840) и Ф. А. Кони в 1841—1843 гг. А. И. Иванов стал издателем лишь с 1844 г. (см. Лисовский, №№ 325 и 435).

• Обычно «Родина» датируется 1846 г. Возможно, что Некрасов случайно ошибся

в дате, диктуя свою автобиографию много лет спустя.

10 Несколько иной рассказ о знакомстве с Белинским и Тургеневым и о чтении «Родины» см. у С. К р и в е н к о в записях рассказов Некрасова (см. ниже, стр. 209).

11 «Бедные люди» Достоевского были напечатаны в 1846 г. в изданном Некрасовым

«Петербургском сборнике».

13 О Г. М. Толстом и его роли в переговорах Некрасова при организации «Совгеменника» см. в настоящем томе, в работе К. Чуковского, Григорий Толстой — знакомый Маркса и Некрасова. Ср. в исследовании В. Евгеньева - Максимова, «Современник» в 40—50-х гг. От Белинского до Чернышевского, Л., 1934.

<17>

(ЗАПИСЬ В АЛЬБОМ М. И. СЕМЕВСКОГО)

Николай Алексеевич Некрасов. Род. 28 ноября 1822 года. Прибыл в Петербург в июле 1838 г.

Впервые: «Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская Старина». Книга автобиографических собственноручных заметок 850 лиц. Воспоминания. Стихотворения. Эпиграммы. Шутки. Подписи. 1867—1888, СПб., 25 марта 1888 г., стр. 51. Сверено с автографом ИЛИ АН. Под записью Некрасова, вероятно рукой М.И.Семевского, поставлена дата: «1873 г.».

ИЗ ДНЕВНИКОВ НЕКРАСОВА (1877 г.)

〈1〉

<После 3 марта 1877 г.> Худо, читатель! Мой дом—постель. Мой мир — две комнаты: пока освежают одну, лежу в другой. Пол рюмки Кипрского меня опьяняет; гран опия делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу, но днями нападает на меня какое-то самомнение. На днях муза моя на прощанье пропела мне такую песнь:

> Пускай чуть слышен голос твой, Не громки темы песнопенья; Но ты воспрянешь за чертой Неотразимого забвенья!

Уступит свету мрак угрюмый, Не бойся песенку твою Над Волгой, над Окой, над Камой Еще народу я спою 1.

Худо, когда нашему брату приходят на память песни: Я памятник себе воздвиг перукотворный ².

Я испугался и перестал звать свою музу— не выдержал толь (ко) раз. Недуг меня одолел, но муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой

> My to rumament . Mon dange no conside Men injeri- Ihr Hamseamhe: nona selongaraft othery - very as spayment. Much рышки Кипренаго мини ств-Rudent; ypares onis do -Nacon's weenes "idiomander - to lunde dabais cometes Commetato glac nucamb see mory, see issue peandrains natured take me communication to Healfs eny Ba mas, sea upaugante upons. на мин такую пасив. . Tyenan regnit continuents navaer melan fle aparen musel morenantaches, He and beauge decemb In regenen Manpasemara Barkenbel, Temperals channy organs upprometers fle tanied moreway morros Hat Bearas, seats ones, read Harren Euge reaperty a court, Lyte words reaccount Thank when elations na nament mune If I name somewes cetts hos. gherrs representapation

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА НЕКРАСОВА Запись после 3 марта 1877 г. Копия рукой А. А. Буткевич Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей: «Мороз, Красный Нос». Я пожалел, что я не выдержал:

Непобедимое страданье, Невыносимая тоска... Влечет, как жертву на закланье, Недуга черная рука. Спаси о муза! пой как прежде! «Нет больше песен, мрак в очах;

Сказать: умри! конец надежде! Я прибрела на костылях!» «Еще вчера людская злоба Тебе обиду нанесла; Теперь конец, не бойся гроба! Не будешь знать ты больше зла. Не бойся клеветы, родимый, Ты заплатил ей дань живой. Не бойся стужи нестерпимой: Я схороню тебя весной» 3.

И с той поры нет моей музы, нет новых песен. День ото дня чувствую себя хуже, слабей. Что же однако делать, надо приниматься за прозу.

Полностью публикуется впервые по копии А. А. Буткевич из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Отрывок с начала до слов: «Неотразимого забвенья...» с несколькими мелкими вариантами, первоначально напечатан в статье: «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. Библиографические заметки».— «Отечественные Записки» 1879, № 1, 65 (2-я пагинация). Автограф неизвестен, но был в свое время в распоряжении автора этой анонимной статьи: в копии Буткевич отсутствует, например, дата «март 1877 г.», которую ввожу в текст (с уточнением) из «Отечественных Записок».

- 1 Первое четверостишие печатается в собраниях сочинений Некрасова в качестве отдельного стихотворения: второе — строки 46—49 стихотворения «Баюшки-баю».
- ² Первая строка «Памятника» Пушкина.
- 3 Строки 1—8 и 34—41 написанного 3 марта 1877 г. стихотворения «Баюшки-баю». В настоящем тексте следующие отличия от текста «Отечественных Записок» (1877, № 3, 267—268, знаки препинания по этому изданию):

2 Неутолимая Строка 5 Где ты, о муза! 7 Сказать: умрем! >> 36 Всему конец, 46 Уступит свету мрак упрямый, 47 Услышишь песенку свою 49 Баю-баю-баю-баю!

Возможно, что пятая строка («Уступит свету мрак угрюмый»), разрушающая рифму и искажающая текст, восходит к ошибке Буткевич; впрочем, Буткевич обычно копировала текст брата точно, — быть может, эта строка отражает и какие-то намерения Некрасова. Автографа или копии, по которой стихи печатались в «Отечественных Записках», не сохранилось.

 $\langle 2 \rangle$

14-го ию ня.—Буду писать, что приходит в голову; надо же убивать время.

> Он не был элобен и коварен, Но был мучительно ревнив, Но был в любви неблагодарен И к дружбе нерадив ¹.

Сибиряки обнаружили особенную симпатию ко мне со времени моей болезни. Много получаю стихов, писем и телеграмм. Было две с двумя десятками подписей. Я хотел сделать на это намек в стихотворении «Баюшки-баю» — и было там четыре стиха:

> И уж несет от дебрей снежных На гроб твой лавры и венец Друзей неведомых и нежных Хранимый богом посланец

— да побоялся, не глупо ли будет. А теперь этого вопроса решить не могу и подавно².

Вообще, из страха и нерешительности и за потерею памяти я, перед операцией, испортил в поэме «Мать» много мест, заменил точками иные строки 3.

Очень тяжело растревоживать мысли—сейчас боли, как и в эту минуту.

15-е июня, за полдень.

16-е июня. — Любимое стихотворение Белинского было «В степи

мирской, широкой и безбрежной» (Пушкин) 4.

Я же когда то очень любил стих (отворение) Лермонтова «Белеет парус одинокий» и т. д. А теперь все повторяю: «Когда для смертного умолкнет шумный день» (Пушкин).

16-го июня, 7-й час.

Хотел было анализировать свое положение и свои ощущения, но слишком это мрачная работа, прибавишь себе муки — а ее много!

Не забыть ответить Ир-ву (поэт юноша грамотный, но дарования не

заметно); пишет, что прибыл в Петербург на занятые деньги 5.

вид бассейной улицы в петербурге в конце 1850-х гг.

В дом Краевского, на углу Бассейной и Литейного проспекта, Некрасов переехал в 1857 г. и жил здесь до конца своих дней

Из альбома акварелей Ф. Баганца, 1858—1860 гг. Музей истории и развития Ленинграда

Всего более страшно, чтобы мое теперешнее положение не затянулось — или хоть немного бы получше, или поскорей бы конец.

Ничего не понимаю, что со мной делается. Очень тяжело. Дождь. (Воскресенье) (19 июня).

Впервые напечатано у Скабичевского, І, 402-403. Автограф неизвестен.

1 Печатается в собраниях сочинений Некрасова в качестве отдельного стихотворения.

² Эти строки в стихотворение «Баюшки-баю» не включены.

3 Эти места остались невосстановленными.

Стихотворение «Три ключа». Первая строка у Некрасова неточна. Должно быть:
 «В степи мирской, печальной и безбрежной».

5 Кто такой Ир-в, неизвестно.

(3)

23 августа. Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма «В. Г. Белинский». Написана в 1854 или 5 году — неценсурна была тогда

и попала по милости одного приятеля в какое-то Герценовское заграничное издание: «Колокол», «Голоса из России», или подобный сборник ¹. Теперь из нее многое могло бы пройти в России в новом издании моих сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнил из нее несколько стихов, по которым ее можно будет отыскать.

В то время пусто и мертво В литературе нашей было: Скончался Пушкин — без него Любовь к ней в публике ост<ыла>; Ничья могучая рука Ее не направляла к цели; Лишь два задорных поляка * На первом плане в ней шумели. Честней чем был один из них, Фанатик ярый Бутурлин, Который не жалея груди, Беснуясь повторял одно: «Закройте университеты И будет зло пресечено». Из конца О муж великий! Не воспеты поэмы Еще никем твои дела, Но твердо помнит их молва! Пусть червь тебя могильный гложет Но сей совет тебе поможет 1848 В потомство перейти верней, год смерти Чем том истории твоей...2 **Белинск⟨ого⟩**

«Свисток». Журнальная работа 3.

Полностью печатается впервые по автографу (карандашом) ИЛИ АН (Ф. 203, № 7); основная часть, с начала до слов: «В то время пусто и мертво...», первоначально в примечаниях К. Чуковского к поэме «Белинский».

¹ Поэма в 1859 г. появилась в «Полярной Звезде» Герцена в Лондоне.

² Некрасов цитирует по памяти и не вполне точно отрывки из середины и конца поэмы. В копии Буткевич знаки препинания почти полностью отсутствуют: они расставлены по изданию под ред. К. И. Чуковского. «...Том истории твоей...» — «Военная история походов Россиян в XVIII столетии...», написана Бутурлиным по-французски; в переводе на русский язык (А. Хатова) она вышла в свет в Петербурге в 1819—1820 гг.

3 Запись для памяти — конспект ненаписанного автобиографического наброска.

 Π

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ А. А. БУТКЕВИЧ (1876—1877 гг.)

<1>

1 декабря (1876 г.) я пришла к брату в 12 часов, он лежал на диване одетый и встретил меня весело: — «А знаешь ли, мне кажется, электричество начинает диствовать, я чувствую себя гораздо лучше, я стал бодрее, сегодня много ходил по комнате, мог даже выпрямиться, чего со мной давно не бывало. Теперь жду хирурга Склифасовского: сегодня для меня роковой день!»

В 2 часа приехал Белоголовый, постоянный доктор брата, а за ним вскоре и Склифасовский ¹. Когда он вошел, брат встал и сделал несколько шагов к нему навстречу. После непродолжительного разговора, доктора заперлись для совещания. Брат лег опять на диван и лежал с закрытыми глазами. Прошло 10 минут; ожидание очевидно начинало томить его, он встал, прошелся по комнате и опять лег. Прошло еще 10 минут —

* Сенковск (ий) и Булг (арин).

^{**} Комитет для разбора лит(ературных) злоупотреблений.

дверь отворилась, и доктора пригласили брата в спальню, где Склифасовский должен был исследовать его. Я вышла в бильярдную и ждала возвращения докторов. Когда они показались, я бросилась к ним навстречу; Белоголовый посмотрел на меня и не сказал ни слова в успокоение. Очевидно было, что предполагаемый им рак прямой кишки был подтвержден Склифасовским. Я хотела говорить с Склифасовским, но Белоголовый) предупредил меня, что им нужно посоветоваться, и они опять

А. А. БУТКЕВИЧ, СЕСТРА ПОЭТА Фотография 1869 г. Собрание К. И. Чуковского, Москва

заперлись. В это время приехало несколько друзей, чтобы узнать о заключении Склифасовского, и (я) слышала, как он говорил Унковскому 2, что нашел в прямой кишке опухоль величиною с небольшое яблоко. Безвыходность положения была очевидна.

(До 23 марта 1877 г.) 3.

Я сидела в бильярдной, вдруг в дверях показался Салтыков в пальто и в шляпе и делал мне какие-то знаки. Я выскочила.

— Остановили 3-й № «Отечест (венных) Записок»!

- За что?
- А чорт их знает! и посыпалась брань.
- Как же теперь сказать брату?
- Не нужно ничего говорить. Я сейчас был у Краевского, он хочет через кого-то хлопотать, и я тоже еду. Зайду на минутку к Ник(олаю) Алексеевичу.

— Да брат только что послал в контору, чтобы ему прислали два экземп-

ляра.

— На что ему два экз (емпляра), что он в двух что ли будет читать? Пошлите к Краевскому, у него верно есть пробная, пусть принесут, а двух ему не надо, зачем ему две! Какой странный человек: во всех комнатах чтобы по книжке лежало.

Салтыков пошел к брату и повернувшись (повертевшись?) с минуту вышел, чтобы отправиться хлопотать. Между тем принесли книгу от Краевского (пробную с опечатками). Пересматривая свои стихи, брат нашел, конечно, те же самые ошибки и велел позвать Чижова и упрекал его за невнимание. Чижов безмолвно выслушивал незаслуженные упреки. Через час вернулся Салт(ыков) и привез с собою Елисеева, кажется затем, чтобы вместе сказать брату, что 3 № заарестован, но передумали и, поговорив о посторонних предметах, ушли. Но у брата явилось подозрение. «Что они меня морочат? — сказал он,— разве я не понимаю. Какое вдруг участие, вместе пришли навестить!! Никогда этого прежде не было. Что, запретили что ли?». Но внимание его было отвлечено другим обстоятельством. Отпечаталась 7-я ч. — «Последние Песни» и должна была до Святой поступить в цензуру, но сверх ожидания прием был прекращен днем раньше, и дело откладывалось до Фоминой недели. Брат был очень расстроен — выход книги отсрочивался на три недели. «Для меня, - говорит он, — это целая вечность, когда каждый день может быть последним. Я хотел бы, по крайней мере, успокоиться насчет судьбы моей книги. Пошли, — сказал он мне, за Скороходовым 4, вели ему съездить к цензору Лебедеву и попросить, нельзя ли принять не в очередь и просмотреть. Но Лебедев сказал, что без разрешения Петрова ⁵ он не может ничего сделать. Брат продиктовал мне письмо к Петрову, где просил его разрешить Лебедеву просмотреть частным образом, но передумал послать письмо: «Не хочу я у них ничего просить. Пусть будет как будет». На столе лежали только что записанные мною стихи «Черный день». Брат взглянул на них: «поправь, пожалуйста, там, напиши: друзей, врагов и цен з о ров» 6 . $2\ 3$ марта. Пришел Ф. М. Достоевский, брата связывали с ним вос-

23 марта. Пришел Ф. М. Достоевский, брата связывали с ним воспоминания юности (они были ровесники), и он любил его. «Я не могу говорить, но скажите ему, чтобы он вошел на минуту, мне приятно его видеть». Достоевский посидел у него недолго. Рассказал ему, что был удивлен сегодня, увидав в тюрьме у арестанток «Физиологию Петербурга».
В этот день Достоевский был особенно бледен и усталый, я спросила
его о здоровии. «Нехорошо,— отвечал он,— припадки падучей все усиливаются, в нынешнем месяце уже пять раз повторились, последний был
пять дней тому назад, а голова все еще не свежа, не удивитесь, что я сегодня все смеюсь; это нервный (смех), у меня всегда бывает после припадка».

Не получая известия согласился ли Леб (едев) просмотреть не в очередь книгу брата, он ужасно сердился на управляющего, что не дает ответа. «Пошли ты за этим олухом и спроси, что он там сделал». Пришел управляющий и объявил, что Лебедев без разрешения Петрова не может рассматривать книги, но что если Петров назначит его, то он с удовольствием займется этим на праздниках. Брат продиктовал мне письмо к Петрову, но потом просил изорвать: «Не хочу я ничего у них просить. Пусть будет как будет», и велел поправить стихи «Черный день» 7.

25 марта. Я решилась, не говоря брату, однако, попытать счастья и попросить лично Петрова. Я приехала к нему около 11 часов, он только что воротился из церкви. Я воспользовалась этим, объяснив ему в чем дело, сказала, что долг всякого христианина успокоить, если ему представляется возможность, [успокоить] умирающего, что все стихи уже были предварительно помещены в «От(еч). З(ап.)». Он начал перелистывать книгу и остановился на последнем стихотворении, над этой «отходной», которую брат написал себе. Я следила за выражением [его] лица цензора, я думала — не может же быть, чтобы у него не дрогнуло сердце, но ни один мускул не шевельнулся на его мясистом лице. Передо мной сидел цензор и пережевывал каждое слово; наконец, причмокнул своей толстой губой: «а что это значит: «Еще вчера мирская злоба», какая это злоба?». Я очень хорошо знала, к чему это относилось, но я это скрыла и объяснила, что такие люди, как Некрасов, имеют много врагов, не раз уже на него клеветали и теперь, может быть, взвели какую-нибудь небылицу. «Да об нем говорят много нехорошего, но неужели же он читает что о нем пиmyr». — «Нет, но может случайно попало что-нибудь», отвечала я наивно. Он обещал, что если книга не представляет ничего эловредного, выпустить ее через несколько дней. Я приехала к брату; так как он был в спокойном состоянии, то ему и сказала, что я была у Петрова, что он обещал исполнить его желание 8.

26 (марта) пришел студент, пожелал видеть брата, ему сказали, что брат спит; «я подожду, у меня времени много», но говорят ему, что, кроме близких и докторов, к нему никого не пускают. «Никакие доктора его не вылечат, а я его вылечу». Дал свою карточку: Будде, студент, с подарком на светлый праздник. Молодой человек размаживал руками, горячился и вообще имел вид странный. Так как он настоятельно требовал, чтобы его допустили к брату, то его впустили в бильярдную, где он стал ожидать. Он спросил стакан воды и, указывая на грудь, все повторял: «здесь болит». Заметив, что он положительно ненормальный, ему сказали, что Некрасов проснулся, но что извиняется и сожалеет, что не может принять его, что он очень слаб и не может разговаривать. «Что это меня гонят отсюда», — сказал он с сердцем, — и продолжал сидеть. Когда приехали доктора, я вышла к ним и предупредила их, что какой-то юноша непременно хочет видеть брата, но что нам кажется, что он помещан, что нельзя ли, чтобы они сказали ему, что как доктора они никаких посетителей к больному не допускают. А через две минуты молодой учеловоек выбежал в прихожую плача навзрыд: «меня выгнали и кто же выгнал», - схватил пальто и выбежал, крича на лестнице — «теперь мне ничего не остается, как утопиться или застрелиться».

2 3 августа (1877 г.). Брат вспомнил ночью, что у него есть поэма «В. Г. Белинский», написанная в 1854 или 5 г. Нецензурная она была тогда и попала, по милости одного приятеля, в какое-то Герценовское издание заграничное: «Колокол» или «Голоса из России» или подобный сборник. Теперь, -говорит брат, - из нее многое могло бы пройти в России в новом издании его сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно Грановскому. Брат вспомнил из нее несколько стихов, по которым

можно будет ее отыскать:

В то время пусто и мертво В литературе нашей было: Скончался Пушкин — без него Любовь к ней в публике остыла;

Ничья могучая рука Ее не направляла к цели; Лишь два задорных поляка * На первом плане в ней шумели.

Сенковский и Булгарин.

Полностью печатается впервые по автографу из собрания В. Е. Евгень ева-Максимова. Отрывок: «Для меня это целая вечность... не в очередь и просмотреть», Максимова. Отрывок: «дли меня это целая вечность... не в очередь в просмотреть», первоначально в статье В. Е. Е в ге н ь е в а - Максимова, В руках у палачей слова. — «Голос Минувшего» 1918, № 4—6, 101; отрывок: «Я сидела в бильярдной... Что, запретили, что-ли?», впервые там же, 102; отрывок: «Пришел Ф. М. Достоевский... после припадка», впервые в статье К. Чуковского, Забытое и новое о Достоевском. — «Речь» 1914, 6 (19) апреля, № 94, 4. Запись от 23 августа — сокращенная копия собственноручной записи Некрасова, переделанная А. А. Буткевич в запись своего дневника («брат вспомнил... говорил брат» и т. д. Ср. стр. 169—170).

1 Николай Андреевич Белоголовый (1834—1895) — известный врач-терапевт, близкий к литературным и радикальным кругам Петербурга, впоследствии редактор «Общего Дела», автор книги: «Воспоминания и другие статьи», изд. 3-е, СПб., 1898. Белоголовый наблюдал за здоровьем Некрасова с 1872 г.; во время предсмертной болезни поэта он вместе с С. П. Боткиным руководил его лечением. После смерти Некрасова Белоголовый напечатал в «Отечественных Записках» (1878, № 10) подробную историю болезни (перепеч. в назв. книге). Полная специальных медицинских подробностей, эта статья оскорбила и возмутила А. А. Буткевич.

Николай Васильевич Склифасовский (1836—1904) — видный хирург, принимавший некоторое участие в лечении Некрасова во время его предсмертной бо-

лезни.

O

² Алексей Михайлович Унковский (1828—1893)— юрист, видный либеральный общественный деятель 60—70-х годов, душеприказчик Некрасова.

- Вапись датируется на основании истории с № 3 «Отечественных Записок», задержанным цензурой и вышедшим в свет 23 марта после изъятия двух статей Д. Л. Мордовцева («Вымирание некультурных рас» и «Оглянемся назад») и реценвии на книгу Н. А. Путяты «Политическая экономия в рассказах» (М., 1876); см. В. Е. Е в геньев-Максимов, Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века М.— Л., 1927, 186—188.
 - 4 Скороходов повидимому, управляющий конторой «Отечественных Запи-

5 Александр Григорьевич Петров (1802—1887) — в это время председатель С.-Петербургского цензурного комитета.

6 Первоначальный вариант неизвестен.

7 Эта запись — вариант предыдущей записи.

8 «Последние песни» вышли в свет 2 апреля 1877 г.; см. объявление в «Голосе» 1877, 3 апреля. Таким образом, ходатайство А. А. Буткевич увенчалось успехом.

3AM ETKA

Почему многие стихи брата не вошли при жизни в «Последние Песни» и почему некоторые из вошедших были сокращены, между прочим, «Уныние», из которого выпущено несколько прелестных, живописных, но мрачных картинок 1 и за что пос $\langle ?$ нрзб \rangle \langle одно слово нрзб $\rangle ?$

В следующем издании их следует восстановить в тексте (теперь они в

примечаниях, это моя вина).

Издавая «Последние Песни» в последний год своей жизни, брат выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему, во время болезни, крайне придирчиво. Он поместил только самые, по его мнению, невинные, боясь, чтобы книга не подверглась аресту — выдержав только что цензурную бурю. Несмотря на все усилия отстоять только что написанную в Крыму новую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир», — усилия не увенчались успехом. — «Пир», напечатанный уже в «От(еч.) За(п.»), был по распоряжению председателя Ценз(урного) Ком(итета) Григорьева — вырезан. Я помню канун этого дня. Когда № «От(еч.) З(ап.») был арестован в типографии за стихотворение Некрасова, брат послал за цензором Петровым и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападков. Он указывал на множество мест в предшествовавших частях той же поэмы, которые, с точки зрения цензоров, скорее могли бы были подвергнуться запрещению; разъяснял ему чуть не каждую строчку

в новой поэме, то подсмеиваясь над ним ядовито, то жестоко пробирая и его и всю клику. Петров выслушивал все упреки терпеливо. Понимал ли он всю скорбь поэта, которому заботливая цензура — в напутствии его в вечность — в последний раз залезала в мозг с своими адскими ножницами, чтобы очистить мысли от «канупера» — или просто томился бесплод-

I acidmeno De d'instalpourais adagra or Paperps municipality decemperates to marchens a on excessions in Inscared secures was Descended of the downers. January. A rayour up Succeours! a Haves sue it emongs enosable pufigueme renters racoparal is con have theto y sepachenon cen's down't reger sopo madle mornant a is more suby. Tou by ma inanyoming we plus Овискотеания. Da Hamis marches terms much tragery the every require one the Ausemmento. - Ha timo every oto and, telo the de day de amo en outen Yum amb li Rawhame us upach. many y new someweent orgalo hours and made of galhers energy thes. Making expounded retained to sends no

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА А. А. БУТКЕВИЧ (Запись до 23 марта 1877 г.

Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

ностью прений, зная наперед, что: «хоть ты сейчас умри, а мы все-таки не пропустим». Петров пыхтел, сопел и отирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: «да успокойтесь, Н. А.» или «вот поправитесь, переделаете — тогда и пройдет» ².

Полностью печатается впервые по автографу А. А. Буткевич из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Отрывки: «Почему многее стихи... это моя вина», «Послал за Петровым... и всю клику» и «пыхтел, сопел...» и до конца, первоначально не вполне точно

в статье В. Е. Евгеньева - Максимова, В руках у палачей слова. — «Голос Минувшего» 1918, № 4—6, 97—99.

¹ Текст «Уныния» восстановлен в пореволюционных изданиях сочинений Не-

красова.
² «Пир на вес мир» был запрещен по представлению цензора Н. Е. Лебедева, который «Отеч. Записок» статей обращает на себя внимание цензуры своею предосудительностью стихотворение Некрасова под заглавием: «Пир на весь мир»... Отрывок... носит тот же характер оплакивания участи меньшей братии, всеми обираемого мужика, которым отличается постоянно муза Некрасова... Рисуемые поэтом картины страданий с одной стороны и произвола с другой превосходят всякую меру терпимости и не могут не воз-будить негодования и ненависти между двумя сословиями («Голос Минувшего» 1918,

Попытки отстоять «Пир», о которых рассказывает А. А. Буткевич, окончились безрезультатно. Ничего не дало и личное обращение Некрасова к начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву в конпе декабря 1876 г. (Письма, 579—580). Н. А. Белоголовый в своей статье о болезни Некрасова приводит следующие слова поэта, сказанные ему около этого времени. «Вот оно, наше ремесло литератора! Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор 37 лет,— и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкивансь с теми же ножницами» («Воспоминания и другие статьи», изд. 3-е, СПб., 1898, 387).

(3)

из воспоминаний

Брат мой всю жизнь любил охоту с ружьем и лягавой собакой (Об охоте у отца*). 10-ти лет он убил утку на Печельском озере; был октябрь, окраины озера уже заволокло льдом, собака не шла в воду. Он поплыл сам за уткой и достал ее. Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило. Отец брал его на свою псовую охоту, но он ее не любил. Приучили его к верховой езде очень оригинально и не особенно нежно. Он сам рассказывал, что однажды 18 раз в день упал с лошади. Дело было зимой-мягко. Зато после всю жизнь он не боялся никакой лошади, смело садился на клячу и на бешеного жеребца. Но ездить любил шагом и хорошо стрелял с лошади.

По мере того, как средства его росли и он делался самостоятельным, он придал охоте своей характер по своему вкусу и своим планам. Охота была для него не одною забавой, но и средством знакомиться с народом. Каждое лето периодически повторялась. Поработав несколько дней, брат начинал собираться. Это значило: подавали к крыльцу простую телегу, которую брали для еды, людей, ружей и собак. Затем вечером или рано утром, на другой день брат отправлялся сам в легком экипаже с любимой собакой, редко с товарищем-товарища в охоте брать не любил. Он пропадал по несколько дней, иногда неделю и более. По рассказам происходило вот что: в разных пунктах охоты у него были уже знакомцы — мужики-охот-

^{*} По поводу охоты, вспоминаю такой случай: в первые годы, проводя лето у отца в деревне, брат иногда ездил с ним на охоту с борзыми и гончими собаками. Брат не любил этой охоты, а отец очень любил и всегда радовался, когда ему удавалось увлечь с собой брата. В одной из таких поездок, кто-то из охотников — подъезжий или доезжачий — сделал большую ошибку, вследствие которой собаки упустили зверя. Отец вышел из себя и в порыве гнева наскакал на виноватого и отдул его арапником. Брат, не говоря ни слова, поворотил логиадь и ускакал домой; вскоре воротился и отец не в духе и сердитый. Объяснений никаких не последовало, но брат стал избегать отца — уходил с ружьем и собакой и пропадал по несколько дней, охотясь за дичью с своим сверстником Кузьмою Орловским и его отцом, отлично знавшим все места и какую птицу где нужно искать. Отец видимо скучал — на охоту не ездил. Однажды, когда брат вернулся, отец послал меня непременно уговорить его, чтобы пришел обедать. Обед прошел довольно натянуто, но затем подано было шампанское, за которым и последовало объяснение. Отец горячился, оправдывался, что без драки с этими «скотами» совсем нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но тем не менее дал слово, что при брате никогда драться не будет, и сдержал его.

ники; он до каждого доезжал и охотился в его местности. Поезд, сперва из двух троек, доходил до пяти, брались почтовые лошади, ибо брат набирал своих провожатых (и) уже не отпускал их до известного пункта.

По окончании утренней охоты, выбиралось удобное место, брат со всей

компанией завтракал, говорил сам мало или дремал.

Затем компания, которая получила н е м а л о водки и сколько угодно мяса, была разговорчива — брат слушал или нет, это его дело.

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА А. А. БУТКЕВИЧ (Запись до 23 марта 1877 г.)

Собрание В. Е. Евгеньева-Максимова, Ленинград

Он говаривал, что самый талантливый процент из русского народа отделяется в охотники: редкий раз не привозил он из своего странствования какого-либо запаса для своих произведений. Так, однажды, при мне он вернулся и засел за «Коробейников», которых потом при мне читал крестьянину Кузьме. В другой раз засел на два дня и явились «Крестьянские дети». В самом деле, разве возможно выдумать форму этой идиллии? Этот сарай с цветами-глазками!

¹² Литературное Наследство

Вчера утомленный ходьбой по болоту, Забрел я в сарай и заснул глубоко. Проснулся: в широкие щели сарая Глядятся веселого солнца лучи. Воркует голубка; над крышей летая, Кричат молодые грачи, Летит и другая какая-то птица — По тени узнал я ворону как раз: Чу! шопот какой-то... а вот вереница Вдоль щели внимательных глаз! Всё серые, карие, синие глазки – Смешались, как в поле цветы. В них столько покоя, свободы и ласки, В них столько святой доброты! Я детского глаза люблю выраженье, Его я узнаю всегда. Я замер: коснулось души умиленье...

«Орина, мать солдатская» сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшить.

Одно стихотворение, о котором сожалел, что не написал, это э п и т аф и и. С одним из своих друзей, охотником, он однажды переходил кладбище. Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию, произнесенную Гаврилой помещику:

Зимой играл в картишки В уездном городишке, А летом жил на воле, Травил зайчишек груды И умер пьяный в поле От водки и простуды 1.

На зимней охоте с ним однажды был казус. Он набрал до 80 человек и ехал на медведя. Мужики шли впереди. Увидал брат зарево пожара и всю свою команду повернул от медведя туда. Деревню спасли, но охота на тот день пропала. Мужики не жалели медведя и убить его брату не пришлось, а деньги отдай. Надували его мужики много, но часто поступали с ним честно.

Круг его летней охоты — луга смежных губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской. Он их хорошо знал, и большая часть его типов принадлежит средней России. Память у него была удивительная, он записывал о д н и м с л о в е ч к о м целый рассказ и помнил его всю жизнь по одному записанному слову. При работе тетради эти с непонятными никому отметками были перед его глазами.

У него был еще другой род писанья, это так называемые рецепты. Написав что-нибудь нецензурное, он обрезывал листок, оставляя только среднюю узкую полоску, всегда по ней мог прочесть, но никто более ². Он находил, что в России должно пускать в публику лишь то, что можно при удобных обстоятельствах напечатать. Куда делись эти рецепты? Сколько могу судить, брат переделал их в удобные стихотворения или просто выжидал время, чтобы напечатать.

Брат мой в деревне и в городе (был другим) человеком. Он не был зол, но печать гнева и печали легла на нем рано. В мелочах слишком колеблющийся, он был решителен в трудном положении.

Характер его вообще был сосредоточенный, молчаливый и скрытный. Напускная любезность (в городе) была нам ясна. Ненавидел фразеров и, заслышав фальшиво-либеральный тон, начинал говорить пошлости. Многие так и уходили, думая, что он говорил искренно, и составляли о нем свои замечания. Врагов у него, вследствие разных причин, было много. Любили его только те, которые его хорошо знали.

Полностью печатается впервые по автографу из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова. Большой отрывок с начала (без сноски) и кончая словами: «...были перед его глазами», первоначально (с некоторыми отличиями) у С к а б и ч е в с к о г о I, 400—401. Место сноски (рукопись на отдельном листе) определено по знаку над словом «отца» в основном тексте. После слов: «Этот сарай с цветами-глазками», Буткевич отмечено: «выписать» — объем дитаты определен предположительно. Слова «был другой» (на стр. 178) вписаны в рукопись карандашом неизвестной рукой; исправляю их на «был другим» для согласования с дальнейшим текстом.

1 Этот отрывок печатается обычно в собраниях сочинений Некрасова в составе

«Записной книжки» как отдельное стихотворение.

² Рассказ о «рецептах» кратко изложен в анонимной статье: «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова. Библиографические заметки».— «Отечественные Записки» 1879, № 1, 66 (2-я пагинация). Сходный рассказ, относящийся будто бы к стихотворению «На смерть Шевченко», см. в статье В. В е д е н е е в а (псевд. В. Е. Якушкина), Т. Г. Шевченко.— «Русские Ведомости» 1901, № 68, от 10 марта, З. Впрочем, ни одного подобного «рецепта» среди бумаг Некрасова не сохранилось.

(4)

С 1844 г. по 1863, пока брат не купил себе имения Карабиху, он почти каждое лето проводил в деревне у отца в сельце Грешневе в 20 верстах от Ярославля. Если брат извещал о дне приезда, отец высылал в Ярославль тарантас, чаще же брат нанимал вольных лошадей или просто телегу в одну лошадь.

Задолго до приезда брата в доме поднималась суматоха. Домоправительница Аграфена Федоровна с утра звенела ключами, вытаскивала из сундуков разные ненужные вещи — «может понадобится», чистила мелом серебро, перестанавливала мебель, вообще выказывала большое усердие. Охотничьи собаки получали свободный доступ в комнаты, забирались под шумок на запрещенный диван и только вскидывали глазами, когда домоправительница торопливо проходила мимо них.

Отец принимал самое деятельное участие в снаряжении разных охотничьих принадлежностей; несколько дворовых мальчишек сносили в столовую ружья, пороховницы, патронташи и проч. Все это раскидывалось на большом обеденном столе; выдвигался ящик с отвертками всех величин, и начиналась разборка ружей по частям. Отец был весел, шутил с мальчиками и только изредка направлял их действия легким трясением за волосы.

При таких охотничьих приготовлениях к приезду брата присутствовал обыкновенно немолодой уже мужик, известный в окрестности охотник Ефим Орловский (из деревни Орлово), за которым посылался нарочный с наказом явиться немедленно: «Н (иколай) А (лексеевич) ждет».

Как теперь вижу всю эту картину: отец в красной фланелевой куртке (обыкновенный его костюм в деревне, даже летом) сидит за столом, вокруг него мальчики усердно чистят и смазывают прованским маслом разные части ружей. На конце стола графинчик водки и кусок черного хлеба. В дверях из прихожей в столовую стоит охотник Ефим Орловский с сыном Кузяхой, подростком, тоже охотником, который уже успел отстрелить себе палец.

Время от времени отец, обращаясь к одному из мальчиков, говорит коротко: «Поднеси». Мальчик наливает рюмку водки и подносит Ефиму.

Разговор, между прочим, идет в таком роде:

— Ну, так как же,— говорит отец,— в какие места полагаешь двинуться с Ник(олаем) Алек(сеевичем?).

— А поначалу, Алексей Сергеевич, Ярмольцыно обкружим, а потом, известно, к нам на озеро: уток теперь у нас, так даже пестрит на воде!

— A сам много бил?

— Зачем бить, как можно: мы для Ник(олая) Ал(ексеевича)

бережем. Да у меня и ружьишко то не стреляет, совсем расстроилось. Вот хочу попросить у Николая Алоексеевича.
Отец улыбается.— Попросить можно. Ну, а Тихменева водил на озеро?

(Тихменев помещик-сосед, тоже охотник).

Ефим переминаясь:

— Раз как-то приезжал, да ведь какой он охотник — садит зря, да в пустое место, ему бы только стрелять: не лучше моего Кузяхи.

Печатается впервые по автографу из собрания В. Е. Евгеньева-Максимова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. А. БУТКЕВИЧ. НАБРОСКИ БИОГРАФИИ НЕКРАСОВА

<1>

Брат мой родился в 1821 году, 22 ноября в Подольской губернии в Винницком уезде, в каком-то жидовском местечке, где отец наш стоял тогда с своим полком. Большую часть своей службы отец состоял в адъютантских должностях, то при полку, то при каком-нибудь генерале. По обязанностям службы он почти постоянно находился в разъездах — бывал в Киеве на контрактах, в Одессе и особенно часто в Варшаве.

В Варшаве случайно познакомился в доме Закревских и влюбился в старшую дочь, но о согласии родителей нечего было и думать. Армейский офицер, едва грамотный — и дочь богача, красавица и образованная! Отец, не долго думая, увез ее прямо с бала и обвенчался по дороге в свой полк. Разгневанный дед не выдал дочери капитала, назначенного ей в приданое, и жизнь нашей матери, изнеженной, привыкшей к роскоши, с первых же дней потянулась среди всевозможных лишений и печали.

Дослужившись до чина капитана, отец вышел в отставку майором и поселился с семейством в родовом своем имении Ярославской губернии и уезда, в с. Грешневе. Брату тогда было три года. Замечательно, что спустя много лет он рассказывал со всеми подробностями о нашем вступлении в наследственный отцовский приют и спрашивал мать, так ли это было. «Я помню,— говорил мальчик,— как мы подъехали к дому, как меня взяли на руки — кто-то светил, идя впереди — и внесли в комнату, в которой был наполовину сият пол и виднелись земля и поперечины. В следующей комнате я увидел двух старушек, сидевших перед нагоревшей свечой, друг против друга, за небольшим столом; они вязали чулки и обе были в очках. Мать утвердила, что все было точь (в точь) так, и удивлялась его памяти. Хорошая память всю жизнь составляла одно из главных его качеств. Он приноминал еще что-то про пастуха.— «Это было дорогой, -- сказала мать, -- дорогой на одной станции, я держала тебя на руках и разговаривала с маленьким пастухом, которому дала несколько грошей. Не помнишь ли еще, что было в руках у пастуха?

- -- Нет, не помню.
- У пастуха был кнут втрое больше его самого».

Старушки, вязавшие чулки, были бабушка и тетка нашего отца.

Сельцо Грешнево стоит на низовой Ярославско-Костромской дороге. Тракт назывался Владимиркой и Сибиркой. Барский дом выходил на самую дорогу, и все, что по ней ехало и было видно, начиная с почтовых троек и кончая а рестантами, закованными в цепи в сопровождении конвойных, -- было постоянной пищей нашего детского любопытства. Во всем остальном, Грешневская усадьба ничем не отличалась от обыкновенного типа тогдашних помещичьих усадеб. Местность ровная, плоская; извилистая речка (Самарка) — перед ней пастбища, луга, нивы, а позади бесконечные дремучие леса, сливающиеся с горизонтом. Невдалеке Волга.

В самой усадьбе более всего замечателен старый, обширный сад, обнесенный решетчатым забором, остатки которого сохранились доныне. Ничего остального нет и следа. Где стоял общирный дом, недавно сгоревший, там теперь скромное здание с надписью: «Распивочно и на вынос».

СКЛЕП ПРИ ЦЕРКВИ СЕЛА АБА-КУМЦЕВО, В КОТОРОМ ПОХО-РОНЕН А. С. НЕКРАСОВ, ОТЕЦ ПОЭТА

Фотография А. В. Попова, 1935 г

И ничего больше!

Самый тракт по случаю сильных весенних разливов давно упразднен: почтовая гоньба идет теперь по другому высокому берегу Волги. К этому тракту, в старое время, прибегали только весною по случаю бездорожиц.

Куда как глухо там теперь стало. Не верится, что в 20 верстах Ярославль, а в 40 Кострома.

Сельцо Грешнево, начинавшееся и оканчивавшееся столбами с надписью - «столько-то душ принадлежащих гг. Некрасовым», составляло только ничтожную часть родовых наших поместий, находившихся, кроме Ярославской, еще в Рязанской, Орловской и Симбирской губ. В одно время, довольно отдаленное, все имение представляло в целом несколько тысяч душ. Из них прадед наш (воевода) проиграл половину; дед наш, штык-юнкер в отставке, проиград вторую. Отцу нашему проигрывать было нечего, а в карты играть он тоже любил. К выходу его в отставку по случаю раздела имения с братьями, на всех, т. е. трех братьев и двух сестер, оставались 400 душ. На часть отца досталось сельцо Грешнево с господским домом, где мы и поселились и где брат провед свое детство. За нашим садом непосредственно начинались крестьянские избы. Я помню что это соседство было постоянным огорчением для нашей матери: толпа ребятишек, нарочно избиравшая для своих игр место по ту сторону садового решетчатого забора, как магнит притягивала туда брата — никакие преследования не помогали. Впоследствии он проделал лазейку и при каждом удобном случае вылезал к ним в деревню, принимал участие в их играх, которые нередко оканчивались общей дракой. Иногда высмотрев, когда отец уходил в мастерскую, где доморощенный столяр Баталин изготовлял незатейливую мебель, брат зазывал к себе своих приятелей. Беловолосые головы одна за друго(й) пролезали в сад, рассыпались по аллеям и начинали безразличное опустошение: от цветов до зеленой смородины и проч. Заслыша гам, старуха-нянька, нриноровившаяся разом выживать «постредов», трусила с другого конца сада, крича: «Барин, барин идет!», и спугнутые ребята бросались опрометью к своей лазейке. Впоследствии, когда брат уже был в гимназии и приезжал в деревню на каникулы,сношения с приятелями возобновлялись — он пропадал по целым дням, бродил с

ними по лесам или отправлялся на реку удить рыбу. Еще позднее, когда приезжал уже из Петербурга (с 1844 года), те же приятели возили его в своих незатейливых экипажах на охоту.

Стихи брат начал писать лет с семи, у матери нашей хранились первые:

Любезна маменька примите Сей слабый труд И рассмотрите Годится ли куда-нибудь.

К тому же времени относится и сатира на старшего брата Андрея, любившего пофрантить:

Намазал брови салом И сделавшись чудаком, Набелил лицо крахмалом, Чистит зубы табаком.

В гимназии учился хорошо только по некоторым предметам; древние языки ему не давались. Читал много, без всякого разбора. Писал сатиры на учителей и на товарищей. Один из них, Златоустовский, сильно отдул его за следующую:

Хоть все кричи ты луку, луку Таскай корзину и кряхти, Продажи нет и тольку руку Так жмет, что силы нет нести.

Брат говорил, что в ранней молодости, он что прочитает, тому и подражает. Таким образом, к 15 годам составилась у него уже целая тетрадь, с которой он и уехал в Петербург в 1838 году.

<2>

По приезде в Петербург, брат вскоре стал готовиться в университет, голодал, приготовлял в военно-учебные заведения 9 мальчиков по всем русским предметам. Это место доставил ему Григорий Францович Бенецкий. Он тогда был наставником и наблюдателем в Пажеском корпусе и чем-то в Дворянском полку. Это был отличный человек, брат всегда вспоминал о нем с любовью и уважением.

Однажды Бенецкий предложил брату напечатать его стихи: «Я вам продам по билетам рублей на 500». Брат напечатал книгу «Мечты и Звуки». Тут его взяло раздумие, он хотел ее изорвать, но Бенецкий уже продал до сотни билетов кадетам, деньги были прожиты. Как тут быть? К тому же Полевой напечатал несколько его пьес в «Биб. для Чтения». В раздумии брат пошел к Жуковскому. Принял его седенький, согнутый старичок, взял книгу и велел притти через несколько дней. Когда брат пришел, он похвалил какую-то его пьесу, но сказал: «Вы потом пожалеете, если выдадите эту книгу». Брат сказал ему, что теперь уже поздно, и объявил почему он не может не выдать.

Жуковский дал ему совет: «Снимите с книги ваше имя».

«Мечты и Звуки» вышли под двумя буквами Н. Н.

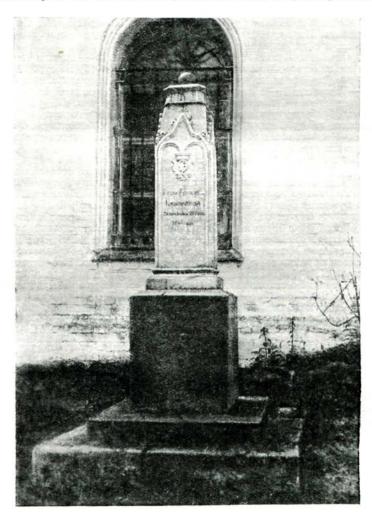
Его обругали в какой-то газете, он написал ответ и впоследствии вспоминал, что это был единственный случай, что он заступился за себя и свое произведение. Ответ, говорил брат, был глупый — глупей самой книги. Все это происходило в 40-м году. Белинский тоже обругал его книгу.

Брат раздал на комиссию экземпляры — ни одного не продалось. Это был лучший урок. Он перестал писать сериозные стихи и стал писать эгоистические.

<3>

С Полевым познакомил брата профессор университета, фамилию забыла, у него он печатал стихи и что-то маленькое перевел с большим усилием. Это были самые тяжелые для него годы. Впоследствии я не раз от него слышала: «Господи! сколько я работал, я исполнил, без преувеличения, до 200 печатных листов журнальной работы, принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург». Брат работал в то время в

Инвалиде, в Литературных прибавлениях Инвалида, в Литературной газете, в Пантеоне и т. д. Был поставщиком у тогдашнего Полякова, писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавии сказки «Баба Яга, костяная нога» он прибавил Жо⟨п⟩а Жиленая, брат замарал в корректуре. Увидав его, Поляков изъявил удивление и просил выставить первые буквы Ж... Ж.... Неизвестно, пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать, по какому-то неведомому праву, выпустил эту книгу Г. Печаткин. Ж... Ж... там не было, но зато было имя брата, чего не было в Поляковских изданиях. До брата стали доходить слухи, что Белинский обращает внимание на некоторые его статейки.

МОГИЛА МАТЕРИ НЕКРАСОВА ЕЛЕНЫ АНДРЕЕВНЫ В ОГРАДЕ ЦЕРКВИ СЕЛА АБАКУМЦЕВО Фотография А В. Попова, 1935 г.

Раз случилось так: обругал брат Загоскина в «Еженедельной Газете», потом читает в «Ежемесячном Журнале» о том же. Позднее Белинский сказал ему: «Вы верно смотрите, <но> зачем вы похвалили Ольгу?»

Нельзя, говорят, ругать все силошь, — отвечал брат.

«Надо ругать все, что не хорошо, Некрасов,— нужна одна правда!»

Феоклист Онуфриевич Боб — первый его псевдоним, Перепельский — второй для прозы и водевилей.

С этим псевдонимом случилось вот что. Приятель его, офицер Н. Ф. Фермор помогал

ему в работе. Уезжая в Севастополь, он оставил ему кипу своих бумаг — брат пользовался ими для своих повестей, но там был списан отрывок из печатного. Думая, что это собственные записки Фермора, он вклеил эти страницы в одну свою повесть.

«Жаль,— говорил брат,— что никто из моих доброжелателей не доискался до этого факта — вот бы случай обозвать меня литературным вором».

Полностью печатается впервые по автографам из собрания В.Е. Евгеньева-Максимова. Почти весь текст представляет собою несколько отредактированную, сокращенную и смягченную в отдельных деталях переработку собственноручных записей и диктанта Некрасова. Повидимому, А. А. Буткевич готовила биографию Некрасова и для этой работы использовала имевшиеся у нее предсмертные наброски поэта. При этом всюду, где записи сделаны Некрасовым в первом лице, они последовательно заменены ею формой третьего лица с добавлением: «брат».

Для метода работы Буткевич характерно одно место — начало наброска <3>; в продиктованных Некрасовым воспоминаниях (набросок <5> на стр. 147) есть слова: «С Полевым познакомил меня профессор духовной» аккадемии», при этом фамилия профессора — Успенский — в записи отсутствует; фамилии этой Буткевич не знала, а сокращенное написание «д. а.» не поняла или неверно прочла, как «ун». Соответствующее место в ее обработке звучит так: «С Полевым познакомил брата профессор университета, фамилию забыла». Ряд других мест — например, собственную, очень неразборчивую запись Некрасова в наброске <1> (на стр. 139) — Буткевич прочесть не смогла и просто опустила (ср. стр. 139 и 180).

Не восходит ни к диктантам, ни к записям самого Некрасова лишь один отрывок в наброске (1) от слов: «За нашим садом...», кончая: «в своих незатейливых экипажах на охоту». Возможно, что он также является переработкой не дошедшей до нас рукопи-

си, однако не исключено, что отрывок — воспоминания самой Буткевич.

Обработка Буткевич была использована первоначально А. М. Скабичевским в 1878 г. для его работы над биографией Некрасова. Тексты, цитируемые Скабичевским, в нескольких случаях ближе к редакции Буткевич, чем к первоначальным записям Некрасова. Свою работу Скабичевский начал вскоре же после смерти Некрасова. Уже 29 января 1878 г. он писал Буткевич: «Милостивая государыня Анна Алексеевна. Проститеменя, что л снова обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. Те отрывки о жизни Николая Алексеевча, к-рые Вы мне дали, очень любопытны и представляют драгоценный материал для сведений о его жизни. Вы говорили, что у Вас еще есть несколько подобных же отрывков. Вы были бы очень обязательны, если бы отыскали их и переслали мне. Я не смею утруждать Вас личным посещением, но Вы были бы очень добры, если бы переслали мне, что можно, и если что есть на мое имя в редакцию или же через Салтыкова. Будьте уверены, что все будет тщательно сохранено и возвращено Вам по миновании надобности. Ваш покорнейший слуга А. Скабичевский». (Не издано. ИЛИ АН, фонд 203, № 108).

Н. В. ГЕРБЕЛЬ. Н. А. НЕКРАСОВ

Николай Алексевич Некрасов, известнейший из современных русских поэтов, родился в 1822 г., в Ярославле, в дворянской семье. Отец его в молодости служил в военной службе и во все продолжение войны 1812—1814 годов состоял адъютантом при графе Витгенштейне принимая деятельное участие во всех сражениях корпуса русских войск, прикрывавшего Петербург, а двое дядей пали в сражении под Бородиным. Первоначальное воспитание Некрасов получил дома, а с тринадцатилетнего возраста стал посещать Ярославскую гимназию, начиная с четвертого класса. Пробыв в названном заведении два года, Некрасов, согласно желанию отца, оставил гимназию и, снабженный его письмом на имя начальника петербургского округа корпуса жандармов, генерала Полозова, отправился в Петербург. Отдавая письмо Полозову, Некрасов объявил ему прямо, что содержание его ему хорошо известно, но что он не хочет поступать в Дворянский полк, как того желает отец, а намерен готовиться к поступлению в университет, так как чувствует сильную склонность к литературным занятиям, весьма мало совместным с военной службой. Полозов нашел решимость шестнадцати. летнего юноши как нельзя более благоразумной и советовал ему поскорее приступить к делу. Тогда Некрасов ревностно принялся за книги и стал готовиться с лихорадочной поспешностью к грозному экзамену, долженствовавшему быть ровно через год. Но вскоре всякого рода препятствия стали тормозить успешно начатое дело. Первым и гдавным препятствием к осуществлению благих намерений юнопи был недостаток в деньгах, без которых трудно было сделать что-нибудь, так как без учителей изучать

математику и латинский язык не было никакой возможности. Впрочем, пля математики и физики Некрасов вскоре добыл себе дешевого наставника, что же касается латыни. то этот предмет подвигался туго, несмотря на усилия знакомого ему студента Медикохирургической Академии. Наконец, случай свел его в одном из трактиров Выборгской стороны с профессором Духовной Академии Успенским, который, узнав о затруднениях Некрасова касательно латыни, не только любезно предложил давать ему уроки даром, но даже пригласил его переселиться на некоторое время в его квартиру. Некрасов принял предложение — и долбление латыни началось. Благодаря основательному знанию как латинских классиков, так равно и латинской грамматики и просодии. Успенский в какие-нибудь полгода так хорошо ознакомил своего нового ученика со всеми таинствами языка Цицерона, что уже в самом начале 1840 года Некрасов был совершенно готов к университетскому экзамену, бывающему, как известно, в августе месяце-Начались экзамены. Большая часть предметов, в том числе и латынь с профессором Фрейтагом, отличавшимся крайней строгостью, сошли благополучно; но математика и физика испортили все дело, и Некрасов волей-неволей должен был отказаться от чести поступить в число студентов университета, довольствуясь званием вольного слушателя.

Посещая усердно университетские лекции в течение 1840—1841 годов, Некрасов тогда же начал помещать свои стихотворения и небольшие повести и рецензии в некоторых тогдашних газегах и журналах. Первым поэтическим опытом Некрасова было стихотворение «Мысль», напечатанное в «Сыне Отечества» на 1838 год, а вторым — «Жизнь», помещенное в № 7-м «Библиотеки для Чтения» на 1839 год. Стихотворения эти — плод досуга 16-ти летнего поэта — были замечены. Это обстоятельство решило дело: он решился избрать поэтическую деятельность своей карьерой. В 1840 же году вышел первый сборник стихотворений Некрасова, под заглавием «Мечты и Звуки». Жуковский, прочтя эту небольшую книжку, отозвался о ней с похвалою; что же касается Полевого, поместившего у себя в «Сыне Отечества» первое стихотворение Некрасова, то он принял самое живое участие в начинающем поэте. Один Белинский встретил книжку не дружелюбно, как это можно видеть из следующих заключительных строк его рецензии, помещенной в 3-м № «Отечественных Записок» на 1840 год: «Прочесть целую книгу стихов, встречать в них все знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки — и много-много — если наткнуться иногда на стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек — воля ваша, это чтение, или лучше сказать, работа для рецензентов, а не для публики, для которой довольно прочесть о них в журналах известие вроде: «выехал в Ростов». Посредственность в стихах нестерпима. Вот мысли, на которые навели нас «Мечты и Звуки» г. Н. Н.». Впрочем, этот суровый приговор не помещал поэту и критику вскоре после того познакомиться и сблизиться. Знакомство это имело большое и благодетельное влияние на развитие таланта Некрасова, требовавшего в то время поддержки и указания. Начиная с 4-йкнижки «Отечеств. Записок» на 1845 год, где было напечатано первое из стихотворений Некрасова, вошедших потом во все издания его стихотворений, — «Современная ода», произведения молодого поэта стали все чаще и чаще являться на страницах этого, в то время лучшего, русского журнала. Мы говорим о стихотворных произведениях Некрасова; что же касается прозы, то-есть небольших повестей и рассказов, то они, начиная с повести «Опытная женщина», напечатанной в 10-м № журнала на 1841 год, печатались в нем гораздо раньше. Затем, в «Петербургском сборнике», изданном Некрасовым в 1846 году, и в 4-й княжке «Отечеств. Записок» того же года были напечатаны последующие три его пьесы: «В дороге», «Огородник» и «Когда из мрака заблужденья», которыми начинаются все издания стихотворений Некрасова. В том же 1846 году Николай Алексеевич издал свой комический иллюстрированный альманах «Первое Апреля», похваленный Белинским, а с 1847 года стал издавать, вместе с покойным И. И. Панаевым, журнал «Современник», выходивший потом без малого целых двадцать лет и во все продолжение этого времени стоявший постоянно во главе русской журналистики.

Еще за год до появления в свет 1-й книжки «Современника», читающей и мыслящей публике, благодаря целой туче публикаций, было хорошо известно: кто такие будут

сотрудниками нового журнала и чего можно будет ожидать от него. Почти все писатели — цвет русской науки и литературы того времени — были объявлены его исключительными сотрудниками, причем были названы многие из их произведений, долженствовавших украсить страницы нового журнала, в том числе оба приложения: «Кто виноват?» роман Искандера (Герцена) и «Лукреция Флориани», роман Жорж-Занд, в переводе Кронеберга, известного переводчика «Гамлета» и «Макбета» Шекспира. Поэтому, нет ничего удивительного, если мы скажем, что появление 1-й книжки «Современника» все мыслившие русские люди того времени ожидали с величайшим нетерпением.

Наконец, 1 января 1847 года книжка вышла, вместе с двумя обещанными приложениями, и — можно сказать — превзошла даже смелые ожидания читающей публики. И не мудрено. В ней помещены были: повесть Тургенева, роман Герцена, начало романа Панаева, стихотворения Некрасова, Тургенева и Огарева статьи Белинского, Кавелина, Соловьева, графа Уварова, Никитенко и Кронеберга; наконец, самая «Смесь» была составлена из таких произведений, как «Хорь и Калиныч» Тургенева, «Роман в десяти письмах» Достоевского, «Письма из Парижа» Анненкова, и других; даже статья о модах была написана совершенно в новом роде, именно — в виде живого фельетонного рассказа. Последовавшие за январской остальные одиннадцать книжек «Современника» 1847 года оказались если не лучше, то, во всяком случае, не хуже первой, так как в них были помещены: стихотворения Некрасова, Майкова и Огарева, «Обыкновенная История» — первый роман Гончарова, повесть «Жид» и первые семь рассказов из «Записок Охотника» Тургенева, «Записки доктора Крупова» и четыре письма из «Avenue Marigny» Герцена, «Антон Горемыка» и «Полинька Сакс» — первые и лучшие повести Григоровича и Дружинина, «Письма об Испании» Боткина, «Письма из Парижа» Анненкова, статьи Белинского, Савича, Буняковского, Рулье, Афанасьева, Милютина и других. «Современник» 1848 года, несмотря на совершенное отсутствие стихов, был не менее предыдущего богат прекрасными повестями и учеными и критическими статьями, подписанными именами Тургенева, Гончарова, Герцена, Даля, Григоровича, Дружинина, Гребенки, Грановского, Соловьева, Кавелина, Ковалевского, Перевощикова и других. Эти первые два лучших года существования «Современника» под новою редакцией, ознаменованные совокупными трудами лучших представителей русской науки и русской литературы, помимо благотворного влияния на развитие вкуса в публике и охоты к чтению, замечательны особенно тем, что выдвинули вперед и сделали известными имена лучших наших писателей сороковых годов: И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина и В. Н. (П.) Боткина и упрочили едва начинавшуюся известность И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова.

Начало «Современника» совпало как раз с началом гонения на] стихи, поднятого «Отечественными Записками» и продолженного другими журналами между прочим и «Современником», хотя во главе его и стоял поэт. Начиная с 1848 года, в который редакция «Современника» не нашла во всей русской литературе ни одного стихотворения, годного занять место на ее страницах, и продолжая это гонение в течение всего следующего года, она только во 2-й книжке 1850 года нашла возможным поместить у себя «Странную ночь», комедию в стихах г. Жемчужникова. Стихотворения же Некрасова стали появляться только с июльской книжки того же года. Таким образом, целые три года Некрасов не печатал у себя пи чужих, ни своих стихотворений, ограничивая свою литературную деятельность составлением мелких статей для смеси и небольших рецензий для отдела критики, да сочинением не прав до по до бы их расска зо в, вроде «Новоизобретенной привиллегированной краски Дирлинга и К°», напечатанной в 4-й книжке журнала на 1850 год и [прошедшей никем не замеченной.

Первыми стихотворениями Некрасова, появившимися после трехлетнего молчания на страницах «Современника» (1850, № 9), были две коротенькие пьесы любовного содержания: «Буря» и «Ты всегда хороша несравненно», не представляющие ничего замечательного; но начиная с 3-й книжки журнала на 1853 год, где было помещено известное его стихотворение «Блажен незлобивый поэт», стали появляться те лучшие из его поэтических произведений, которые впоследствии прославили его имя и сделали его дорогим для каждого русского. Стихотворения эти были «Муза», «В деревне», «Не-

ЭКЗЕМПЛЯР «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ: «МИЛОМУ И ЕДИН-СТВЕННОМУ ДРУГУ МОЕМУ ЗИНЕ. Н. НЕКРАСОВ. 12 ФЕВР.

Собрание В. В. Иванова, Москва

Spory mesery Sand frances of 12 of et 1894.

CTHROTECPEHIA

H. HEKPACOBA

сжатая полоса», «Забытая деревня», «Маша», «Влас», «Внимая ужасам войны», «Замолкии, муза мести и печали», «Застенчивость» и некоторые другие. Затем в течение 1857 — 1860 годов Некрасов не написал ничего замечательного, и только начиная с 1861 года, в котором был напечатан в «Современнике» его рассказ «Коробейники», стали снова ноявляться в печати как мелкие его пьесы, так и целые поэмы, исполненные высокого достоинства. Из больших его произведений, напечатанных в этот последний период существования «Современника», особенно выдаются: рассказ «Мороз, Красный нос» и первая глава поэмы «Кому на Руси жить хорошо». С прекращением «Современника» на 4-й книжке 1866 года, Некрасов перенес свою литературную деятельность в «Отечественные Записки», перешедшие, в начале 1868 года, под другую редакцию, где и напечатал целый ряд мелких стихотворений, рассказов и поэм, в том числе две главы из поэмы «Русские Женщины»—«Княгиня Т***» и «Княгиня Вол-ская» (1872, № 4 и 1873, № 1) и четыре главы из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1869, №№ 1 и 2; 1870, № 2 и 1873, № 2).

«Стихотворения» Н. А. Некрасова выдержали, в течение семнаднати лет, шесть изданий: 1-е было напечатано в 1856 году в Москве, в одном томе; 2-е — в 1858 году в Петербурге, в одном томе; 3-е — в 1864, там же; 4-е — в 1864, в трех частях 5-е — в 1869, в четырех частях, и 6-е — в 1869 — 1873, в пяти частях 1.

Перепечатывается из издания: «Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. Составил Ник. Вас. Гербель», СПб., 1873, 536—538. Частично (до слов: «Стихотворения же Некрасова стали появляться только с июльской книжки того же года» вкл.) сверено с автографом, находищимся в собрании В. Е. Евгеньева-Максимова. Ранее этот автограф находился в собрании А. Ф. Кони; эта часть его собрания составлена из бумаг А. А. Буткевич, перешедших к нему, как к душеприказчику сестры поэта. Бумаги же А. А. Буткевич, в свою очередь, включили в себя материалы, находившиеся к моменту смерти в квартире Некрасова. Таким образом, история сохранившейся

части автографа свидетельствует, по крайней мере, о просмотре биографии самим Некрасовым — тем самым она приобретает значение авторизованного источника: трудно предположить, чтобы, читая свою биографию, Некрасов не исправил вкравшихся опинбок или неточностей. Н. В. Гербель в предисловии к «Хрестоматии» писал о том, что «все 123 биографии составлены мною частью по новейшим печатным источникам, частью — по собранным лично мною материалам» (изд. 1-е, стр. VIII); фактов, изложенных в биографическом очерке Гербеля, в печати в это время не было; они могли быть получены только от самого Некрасова, которому Гербель, очевидно, и дал для просмотра начало составленного им, на основании рассказа поэта, очерка *.

Любопытно, что биография в первом издании «Хрестоматии» Гербеля написана в довольно сдержанных и скромных тонах; между тем во втором издании книги (1880, 588—593) текст биографии расширен и сделан более помпезным, например, первые строки звучат так: «Николай Алексеевич Некрасов, один из любимейших русских поэтов, занимающий третье место после Пушкина и Лермонтова...» и т. д. Ясно, что не связанный с автором Гербель дал текст, который едва ли был бы одобрен Некрасовым в 1873 г.; это может служить еще одним косвенным подтверждением авторитетности

перепечатываемой биографии как источника.

¹ Неверно. Изд. 2-е вышло в 1861 г., в 2-х частях; изд. 3-е — в 1864 г., в 2-х частях; изд. 5-е — в 1869 г., в 5 частях (часть пятая — в 1873 г.).

М. М. СТАСЮЛЕВИЧ. Н. А. НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов родился 22 ноября 1821 года, в Каменец-Подольской губернии, в одном из местечек, где тогда квартировал полк, в котором служил его отец Алексей Сергеевич, женатый на Александре Андреевне Закревской, варшавской уроженке. С ее семьей отец Некрасова познакомился в Херсонской губернии, где Закревский приобрел общирные поместья на известных в то время правах посессионера. Оставив службу с чином майора, отец Некрасова поселился окончательно в своем имении, в деревне Грешнево, Ярославской губернии, на почтовом тракте между Ярославлем и Костромой. Многочисленное семейство (всего было 13 братьев и сестер, из которых теперь в живых два брата Н. А. Некрасова, Константин и Федор Алексеевичи, и одна сестра, Анна Алексеевна), процессы по имению — все это ставило нередко главу семейства в затруднительное положение.

Николай в 1832 году был отдан в Ярославскую гимназию, где и оставался до пятого класса. Проведя все свое детство в деревне, он и во время обучения возвращался туда же при каждом удобном случае: весною — на пасху, летом — на каникулы, зимою — на святки. Одно время его отец был исправником, он любил часто скуки ради брать сына Николая в разъезды по делам службы; таким образом, мальчик 12—13 лет присутствовал при различных сценах народной жизни, при следствиях, при вскрытии трупов, а иногда и при расправах во вкусе прежнего времени. Все это производило глубокое впечатление на ребенка и рано, в живых картинах, знакомило его с тогдашними часто слишком тяжелыми условиями народной жизни.

Отец Некрасова всегда желал, чтобы его сын наследовал его звание и поступил в военную службу. Вследствие того, молодой Некрасов должен был рано оставить гимназию, и в 1839 г. отправился в Петербург для определения в тогдашний Дворянский полк, на Петербургской Стороне. Приятель отца, ярославский прокурор Полозов, дал письмо к своему брату, начальнику III-го округа корпуса жандармов, генералу Полозову, который, в свою очередь, отрекомендовал молодого человека Я. И. Ростовцеву — и дело было почти решено. Но Некрасов встретил в Петербурге своего ярославского товарища Глушицкого, университетского студента, и случайно познакомился с профессором Духовной семинарии Дм. Ив. Успенским; они возбудили в нем такую охоту учиться, что он откровенно признался жене генерала Полозова: вместо Дворянского полка, ему было бы желательно поступить в университет. Полозовы одобрили его намерение и вместе с тем сообщили о том в Ярославль своему родственнику. Через

^{*} Совпадение опечаток (В. Н. Боткин и др.) свидетельствует о том, что текст издания 1873 г. печатался именно по этому автографу. В подборе текстов для хрестоматии Некрасов, однако, участия не принимал.

него узнал обо всем и отец Некрасова. Гнев отца не остановил молодого человека, который вследствие того увидел себя предоставленным своей собственной судьбе.

Между тем друзья, Глушицкий и Успенский взяли на себя приготовление Некрасова к вступительному экзамену в университет, и Успенский занимался с ним с таким успехом, что известный тогда профессор римской словесности Фрейтаг, очень требовательный латинист, поставил ему на приемном экзамене из латинского языка 5 «с плисом», но в физических науках сам почтенный филолог Успенский был слаб, и это отразилось роковым образом на его ученике: Некрасов чувствовал, что из физики он не может получить отметки выше единицы. Это бы еще ничего, так как одна единица в то время не была препятствием к поступлению в јуниверситет, но беда заключалась в том, что льготная единица была уже приобретена на экзамене из географии у проф. Касторского.

В виду такого печального обстоятельства Некрасов решился явиться к ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положение: он против воли отда поступает в университет — и теперь если его не примут в число студентов, его положение будет отчаянное. Плетнев справился о прочих отметках, отлично рекомендовавших юношу, желавшего притом поступить на философский факультет (ныне — историко-филологический), и обнадежил Некрасова обещанием ходатайствовать за него в совете. На основании этого обещания Некрасов совсем не явился на экзамен из физики, а вследствие того в совете о нем вовсе не было и речи. Потому же и Плетнев не вспомнил о нем, но после, при свиданьи, убеждал его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателем. Некрасов сначала не решался. Несколько дней спустя. на старом Исаакиевском мосту он видит, что кто-то его догоняет и идет с ним рядом, всматривансь в него. Это был Плетнев. Он снова стал убеждать его, и Некрасов подал прошение. Так началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся в течение 1839-1841 годов. Некрасов поселился на Малой Охте; средства к жизни приходилось добывать уроками, корректурой и литературными попытками; еще до поступления в университет он писал стихи, и первое его стихотворение «Мысль» было напечатано в 1838 г. в «Сыне Отечества». Но деньги, добываемые подобными трудами, были очень скудны; нередко приходилось Некрасову вместе с товарищем Глушицким и их единственным слугою довольствоваться пятиалтынным в день.

В те времена преимущественно в университете сосредоточивалась молодежь из знати, и университетские товарищеские кружки смешивали в себе все состояния и звания. Бедный молодой человек с бюджетом чуть не нескольких копеск в день легко сближался с юношами высших и богатых классов, - и не только сближался, но, благодаря своим личным талантам, способностям и веселому характеру, мог даже первенствовать между ними: на студенческих собраниях и пирушках, устраиваемых в то время на подобие немецких кнейнов и коммершей, предводительствовал не тот, кто знатнее всех, но кто лучше драдся на эспадронах и рапире, кто был мужественнее и физически ловче. В таких-то веселых и разгульных товарищеских кружках внезапно очутился провинциальный юноша, взросший в деревне, и тут-то он ознакомился впервые с обыденною жизнью и нравами других общественных классов, которые без университетской жизни остались бы ему известными только по слухам. Эта новая обстановка, как и прежняя, деревенская, не остались без влияния в будущем на поэзию Некрасова и на самый его характер, а также и на условия дальнейшей жизни: завязанные тогда им связи сохранились и впоследствии; недостатки и слабые стороны жизни высших общественных слоев стали ему знакомы из первых рук и хорошо знакомы. Новые впечатления столкнулись в Некрасове с первыми воспоминаниями из деревенской жизни совсем иного рода, и этот контраст окончательно определил будущий характер его поэзии. К этому присоединилась другая противоположность, лично испытанная им: при близости с молодежью более чем достаточною, беззаботною и наслаждающееся, он сам терпел на каждом шагу много тяжелых лишений и с трудом добывал кусок насущного хлеба. Нечего было и думать серьезно об университетской науке и правильном окончании курса при такой обстановке, требовавшей почти всего времени на добывание самых первобытных средств к существованию.

Между тем литературные способности и наклонности дозволяли молодому человеку выступить на арену общественной жизни немедленно, без всяких экзаменов, каких потребовала бы научная дорога, да и притом литературные труды окупались на месте в виле хотя бы и скудного гонорара, в то время как научный труд требовал на себя затраты уже готовых денег. Еще в 1839 г. Некрасов посылал свои первые опыты в «Литературную Газету», издаваемую тогда А. А. Краевским, и в «Отечественные Записки». а в 1840 году он решидся выпустить в свет собрание дервых своих медких стихотворений под названием «Мечты и Звуки», но с одною подписью начальных букв имени и фамилии: дело шло не о славе, а о куске насущного хлеба. Будущий его приятель, Белинский, строго отозвался об этом сборнике; но к юному поэту отнеслись снисходительно Жуковский и Полевой, в «Библиотеке для Чтения». В 1841 году Некрасов решился совсем оставить университетские лекции, и с того времени для него открылась в тогдашних петербургских литературных кружках новая школа, продолжавщаяся пять лет (1841—1846) и заключившаяся в 1847 году решительным выступлением его на журнальное поприще: вместе с Панаевым он приобрел у П. А. Плетнева издательское право на «Современник», основанный в 1836 году Пушкиным.

Этот период литературной школы можно считать определяющим в жизни Некрасова и вместе самым тяжелым в материальном отношении. Под гнетом ежедневной нужды он пробовал свои силы всячески — даже писал водевили для Александринского театра; под псевдонимом Перепельского тредпринимал различные издания: так, в 1845 году вышла его «Физиология Петербурга»; в 1846 году им издан был замечательный «Петербургский Сборник», как раз уже накануне журнального поприща. В этом периоде завязались у Некрасова те литературные связи, которыми определилась его дальнейшая журнальная деятельность и ее характер. При этом существенное место принадлежало влиянию Белинского.

С 1847 г. начинается период журнальной деятельности Некрасова, которая, за небольшим перерывом (1866—67 гг.), продолжалась до настоящего времени, в течение тридцати лет: с 1847 по 1866 год — в «Современнике», и с 1868 г.— в «Отечественных Записках». В этом периоде жизнь его тесно связана с историею упомянутых журналов, которые он редактировал или один, или вместе с другими своими сотрудниками, и где он помещал все свои произведения этой эпохи.

Последнее полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова вышло в 1873—74 годах и составило шесть частей в трех томах; в нынешнем году к этому собранию присоединилась, в виде дополнения, особая книга под заглавием: «Последние песни Н. Некрасова 1874—77 годов».

Перепечатывается из издания: «Николай Алексеевич Некрасов», СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1877, стр. III—XII («Русская Библиотека», вып. VII). Биография Некрасова в этом издании заканчивалась следующим примечанием: «Начало настоящего очерка, до оставления Н. А. Некрасовым университета, написано с его слов и было прочтено ему для фактической проверки; серьезная болезнь его уничтожила возможность воснользоваться его указаниями для последующих периодов...» (стр. XII). Через год, перепечатывая очерк в «Вестнике Европы», Стасюлевич сопроводил его более подробным комментарием: «Год тому назад, в феврале, еще до операции, выслушивая у больного его различные воспоминания из различных эпох его жизни, мы просили у него позволения делать заметки, с тем, чтобы, изложив их после, по его словам, в следующий раз, как говорится, мы читали протоколы предыдущего нашего заседания, а потом он будет рассказывать дальше — или дополнит и исправит предыдущее. К сожалению, эта мысль пришла нам в голову слишком поздно: болезнь не ждала исполнения всей программы, и дело остановилось на первом периоде, до оставления Некрасовым здешнего университета...» («Вестник Европы» 1878, № 2, 910). Таким образом, авторизованной, строго говоря, является лишь часть биографии до абзаца: «Между тем литературные способности...». Характерно, что продиктованная Некрасовым часть (до конца 30-х годов) заняла цять страниц, а вся следующая (тридцать с лишним лет), написанная Стасюлевичем, уместилась меньше чем на двух страницах.

^{* «}Шила в мешке не утаишь», оригин. водев. 1841 г.; Ф. О. Боб, оригин. водев. 1841 г.; «Актер», оригин. водев. 1841 г.; «Вот что значит влюбиться в актрису», перев. водев. 1841 г. «Дедушкины попугаи», перев. водев. («Хроника Петербургских театров 1826—1855 гг.» А. И. Вольфа, СПб., 1877).

Ш

из записной книжки А. Н. Пыпина

1877, 15 января¹.

У Некрасова. Он лежал в постели, бледный и изнеможенный. Когда я пришел, он начал говорить и мало-помалу оживился. Пришел потом не-

надолго Лихачев 2, но затем мы оставались одни.

Он рассказывал, что делается с его стихотворением «Пир на весь мир». Его вынули из дек(абрьской) книжки. Между тем Достоевский был раз у Григорьева, и тот в большой компании сказал ему — и для передачи Некрасову — что это стихотворение кажется совершенно возможным.

КАРАБИХА. ФАСАД ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ Фотография 1890-х гг. Институт литературы АН СССР, Ленинград

Нодня три тому назадбыл у Некрасова и сам Петров и упрашивал не помещать стихотворения: Некрасову он прямо говорил, что он должен принять в соображение их обстоятельства и не лишать их «куска хлеба»; они — люди семейные, и что ему напрасно «водрузить свое стихотворение на развалинах их существования, а напротив, следут завершить свое поприще

«добрым делом» — отложивши печатание» 3.

Некрасов говорит, что он увидел, что это личный страх Петрова: перед тем произошла история с Собеседником 4.— Лихачев прибавил, что на этих днях Тимашев — когда Веселаго и Лазаревский пришли благодарить его за ордена — любезно, но настойчиво требовал, что надо «подтянуть» литературу, которая «распущена»; — происходило потом бурное заседание в Главном управлении, было остановлено «Р<усское» Обозрение», и т. д. 5.

Некрасов, на основании своего соображения, хотел, чтобы его стихотворение было пущено в январскую книгу «О(теч.) З(ап.»), предполагая, что Григ (орьев) не отступит от своих слов. Салтыков боялся этого. Вместе с тем Некрасов намерен сделать другую вещь: теперь же выпустить книжку своих стихов, поместить туда «Пир» и новые стихотворения и представить в цензуру, которой нечего будет сказать против этого издания ⁶.

Он говорил о романе Тургенева. Первая часть понравилась — выводимые лица нарисованы хорошо; но 2-я часть плоха. Тургенев не достиг своей цели. Если он хотел показать нам, что направление юнош неудовлетворительно — он не доказал; если хотел примирить с ними других — не успел; если хотел нарисовать объективную картину — она не удалась. Все-таки люди были крупнее (первые), да и хождение в народ — недосказано, оно бывало не так глупо. «Вообще скажу, — не говорите только приятелям Тургенева, я их не хочу огорчать — скверный роман — хоть я до сих пор люблю Тургенева» 7.

Он начал потом говорить о своих стихах: «Делать теперь нечего, я и нишу стихи, благо приходят в голову — каждый почти день что-нибудь пишу». Он прочел мне несколько стихотворений — конечно, наизусть. Сказка «в роде пушкинских» — «я думаю пропустят» в ней есть царь, да ведь в сказках без царей нельзя: царь, воевода и крестьянин в «Сеятель», «Молебен», «Друзьям», «Последние стихи» — так он называет этот род; в начале всех предисловие — прощанье с жизнью. Говорил потом о своей поэзии. «Жизнь меня испортила — но только на поверхности — мои стихи шли из души...» В первых он повторял тех, кого читал, но потом, с 1846, пошел его собственный род, не взятый ни у кого. Он ставит их цену в том, что ни у кого из наших писателей не говорилось так прямо о «деле» — не было рутинных пустяков.

Вспоминал об «ошибках» — стихотворении к Муравьеву. Его подбивали (Строганов) написать стихотворение, что этому человеку надоела катковская газета, но что стихотвор(ения) от Некрасова могли бы на него подействовать и укротить. «Я тогда проводил много дней не лучше, чем теперь... и посмотрите в стихотворениях — в тот же день, когда я написал эти 12 стихов, я написал стихотворение «Ликует враг» 9.

У Некрасова. Пятница, 25 февраля. Ему, видимо, хочется рассказать разные факты своей жизни и объяснить. Говорил между прочим, что когда вышла книжка Антоновича, он стал писать ответ, в котором спокойно, без всякой брани, объяснял свои действия — «прятался ли он за других» — оказывается, конечно, что нет, и что, например, сам же Антонович советовал выбрать двух редакторов на тот случай, чтоб хоть один мог остаться, если другого запретят, и т. п. 10

Пятница, 4 марта. Я застал там Белоголового и Богдановского¹¹. Некрасов был очень слаб; но все-таки (при мне и Богд(ановском)) прочел новое стихотворение, записанное его сестрой 3 марта — «Колыбельная песня». Он стоял на постели на коленях в одной рубашке, и его манера чтения делала впечатление пьесы еще сильнее и тяжелее. Затем он встал с постели, опираясь на нас, и еще стал рассказывать... Он чувствует себя тяжело от опиума — «боюсь, что глупею»; просил, что нельзя ли как-нибудь избавить его от какой-то подробности лечения, которая была ему тяжела — говорил, какие мысли бродят в туманной голове, явятся и исчезнут, чтобы потом явиться снова, и кончаются стихами. Он стал рассказывать сюжет, который именно теперь бродил: снежная пустыня, Сибирь, на снегу отпечатались лапки птиц и зверьков; бродит беглый, непомнящий родства; много раз он попадался, начальство бывало строгое: «кто ты?» — «житель» — начальство бесится; «кто ты?» — «сочинитель» начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания. Он жил в селе, и была у него невеста — чиновник отбил, и он ушел сам в Сибирь и бродил «непомнящим родства».— Теперь — время ужасное: дни все дольше, а

1. H. hommsey Here Ja Jea ba loga IIN 0.3. novey nunomy me dubnical

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІРЪ 1.

(Посаящается Сергею Петровнуу Боткину).

Въ концъ села, похъ нвою, Свидътельницей скроиною Всей жизни вахлаковъ, Гав праздении справляются, Гав сходин собираются, Гав днемъ свиутъ, а вечеромъ Палуются, милуются — Всю ночь огин и шумъ. На бревна, тутъ лежавшія, На срубъ избы застроенной Усвлись мужнан; Туть теже наши странники Сидели рядомъ съ Власушкой; Власъ водку наливаль, «Пей, вахлачии, погуливай!» Клинъ весело кричалъ. Какъ только пить налумали, Власъ сыну-малольточку Вспричаль: «быти за Трифономъ!» Съ дьячкомъ приходскимъ Трифономъ, Гулявой, кумомъ старосты, Пришли его сывы,

* Изъ второй части «Кому на Руси жить хоромо». Настоящая глава сивдуеть за главою «Посліджить», пом'ященною въ «Отечественных» Запискахъв 1873 г., № 2 и въ отдільномъ, 6-мъ вздамія Стихотвореній Некрасова: часть 6 Стр. 9—70.

«ПИР НА ВЕСЬ МИР»

Страница из отпечатанных листов ноябрьской книжки «От. Зап.» за 1877 г. Сверху надпись рукой Некрасова: «А. Н. Пыпину. Некрасов. (До выхода 11 № О.З. прошу никому не давать)»

•Пир на весь мир• был вырезан цензурой из журнала

25 ноября 1876 г. Щедрин писал П. В. Анненкову: «Месяц тому назад возвратился сюда Некрасов из Крыма. Не просто больной, а безнадежно... И вот этот человек, повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом ее. Среди почти невыносимых болей, написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го номера. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению, и хлопотать почти бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться. А поэма замечательная: в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы»

Институт литературы АН СССР, Ленинград

снегу все больше. Попадается ему маленький зверек, замерзший: он взял его на руки, тот задрыгал лапкой, еще жив. Он спрятал зверька, горностая, в шапку, и все бродил; через несколько времени снял шапку посмотреть — зверек ожил и стремглав ринулся в лес. Другая встреча: набрел на кибитку, там тот самый чиновник с его бывшей невестой и ребенком: они сбились с пути, грозит мятель, ямщик ушел искать дорогу. Они просят спасти их; бродяга отводит их в избу, какие строят в пустых местах для всякого случая. Он отводит их туда, — и хочет потешиться мщением; он любит смотреть на огонь и собирается сжечь их; он обложил избу дровами, выбрал место, откуда станет смотреть, — но захотелось ему взглянуть еще раз на эту женщину; он взглянул в волоковое окно и увидел, что она молится и ребенка крестит. Зрелище поразило его, он бросился бежать и без оглядки тридцать верст пробежал.

Он объясния, что так ему представляется народный характер — при всей беде, порче, необузданности с мягкими, человеческими чувствами в основании...

Он рассказывал все это — ходя и переступая с палкой по ковру — худой, бледный, нервно говорящий то стихами, то рассказами, и утомился окончательно 12 .

Среда, 9 марта. К удивлению я встретил его (около трех часов) гораздо свежее. Он ходил по комнате, никого у него не было. Он стал говорить — «только вы никому не говорите», — что он сделал распоряжение о своих сочинениях — он отдал их сестре с тем, чтобы она из денег употребила известную часть для Н. Г. (Чернышевского, его) жены и детей. «Она честная, добрая, совестливая женщина и сделает все, как я распорядился» ¹³. Денег у него теперь немного: «у меня на лечение выходит в месяц до пяти тысяч» (?), «сколько же я истратил в десять месяцев болезни?»

О книжке Русской Бублиотеки он опасается, чтоб цензура не задержала: выбор сделан такой, да и всё «народ» 14. Из слов Стасюлевича он видит, что «он не понимает этого»; ему кажется, что Тургенев — самый либеральный писатель; от этого о своей биографии: «останутся стихи, да наберутся послания, письма, и довольно». Разница с Тургеневым: «я с барами хотел быть барин, хотя не был по природе барин; но я же мог подраться с кем попало в ресторане Лерхе, — Тургенев бы повесился от этого; он к Белуинскому поедет в белых перчатках, его тянуло к какой-нибудь аристократической барыне, а я бы не пошел туда, разве если б можно было выиграть тысяч пять шутя». — Старая поэзия: Пушкин — великий поэт; но это «птица, сидящая на дереве», — содержания в литературе не было; Н. Г. (Чернышевский) сумел это сказать по поводу просто Авдеева, — он указал, что старая литература дрянь, и это уж было много 15.

Перепечатывается из «Современника» 1913, № 1, 229—233. Автограф неизвестен.

¹ В «Современнике» опечатка: 1876.

⁸ См. стр. 174—175.

³ Владимир Иванович Лихачев (1837—1906) — приятель Некрасова, юрист, член и товарищ председателя петербургского окружного суда, видный либеральный общественный деятель и городской голова Петербурга в 1885—1892 гг., с 1896 г.— сенатор. Его жене — Елене Осиповне (1836—1904) — писательнице, сотруднице «Отечественных Записок» и деятелю женского освободительного движения, Некрасов в 1874 г. посвятил экспромт «Уезжая в страну равноправную», а в 1877 г. посвятил ей поэму «Мать».

⁴ Речь идет о ежедневной политической и литературной газете «Собеседник», начавшей выходить в Петербурге в 1877 г. под редакцией В. П. Клюшникова (№№ 1—6) и Ю. М. Богушевича (№№ 7—38). Газета была прекращена по «высочайшему повелению» за напечатание статьи Ю. Клячко «Два канцлера» (о Бисмарке и Горчакове). 8 января 1877 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Запрещена новая газета "Современник"... по доносу Мезенцова, начальника третьего отделения... Редактору... велено подать в отставку». («Записки и дневник», изд. 2-е, СПб. 1905, II, 581. Ср. Р. Семент

ковский. Среди отошедших. Из моих воспоминаний.—«Исторический Вестник» 1917, № 7—8, 103—106).

5 Александр Егорович Тимашев (1818—1893) — в это время министр внутренних дел. Феодосий Федорович Веселаго (1817—1895) — историк русского флота, цензор, член совета Главного управления по делам печати. Василий Матвеевич Лазаревский (1817—1890) — член совета Министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати. О нем см. ниже, в работе С. Макашина и Б. Папковского, Некрасов и литературная политика самодержавия.

> Виль вримарумовий Коммариком.
>
> ПОСЛЕДНІЯ ПЪСНИ от зименти за ленсандръ Гаврило BORMAPCKIA СТИХОТВОРЕНІЯ H. HEKPACOBA Зашетом размийо имен на оправиную д САНКТПЕТЕРБУРГЪ Въ типографии А. А. Краквонаро (Васейная, М 2)

«последние песни»

Титульный лист книги, посланной А. Н. Пыпиным Черны-шевскому в Вилюйск. Позже Чернышевский подарил книгу, сделав на ней дарственную надпись, О. Ф. Кокшарской

Музей революции СССР, Москва

6 В «Последние песни» «Пир на весь мир» не вошел.

В «Последние песни» «пир на весь мир» не вошел.

7 Речь идет о «Нови» Тургенева, печатавшейся в это время в «Вестнике Европы».

8 Сказка «в роде пушкинских» неизвестна, хотя К. И. Чуковскому и удалось напасть на ее след (см. прим. к Полн. собр. стих. Некрасова, изд. 9-е, Л., 1935, 604), а В. Е. Евгеньев-Максимов обнаружил даже проект программы вечера Литературного фонда (в память Некрасова), на котором должна была читаться «Сказка о царе, воеводе и мужике». Чтение сказки было запрещено цензурой (см. статью В. Евгеньева. Максимова, Некрасов и Пушкин.—«Литературный Современник» 1938, № 3, 205). «Сеятелем», «Друзьям», «Молебен» и «Последние песни» вошли в сборник «Послед-

⁹ Ср. прим. 5-е к наброску (15).

10 Ответ Некрасова Антоновичу и Жуковскому на их брошюру: «Материалы для характеристики современной русской литературы. І. Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым — М. А. Антоновича. II. Post-scriptum. Содержание и программа «Отечественных Записок» за прошлый год — Ю. Г. Жуковского», СПб., 1869 — неизвестен.

11 О Н. А. Белоголовом см. на стр. 174. Евстафий Иванович Богда новский

(1833—1888) — один из хирургов, лечивших Некрасова во время его предсмертной

19 Тот же рассказ см. в воспоминаниях А. С. Суворина (стр. 206). Небольшой отрывок (28 строк) этой неосуществленной поэмы «Без роду, без племени» (или «Бродяга»)

вок (28 строк) этои неосуществленной поэмы «Без роду, без племени» (или «Бродяга») был по автографу Некрасова напечатан Сувориным в «Новом Времени» (1878, № 662).

¹³ В составленном 13 января 1877 г. завещании авторские права на свои сочинения Некрасов завещал А. А. Буткевич; имя Чернышевского в завещании, конечно, не названо; см. «Новый Мир» 1931, № 4, 191—192.

¹⁴ Стихотворения Некрасова в серии «Русской Библиотеки» (вып. VII) не встретили цензурных затруднений и вышли в свет в апреле 1877 г.; см. Н. А ш у к и н. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, 1935, 505—506.

15 Имеется в виду рецензия на «Романы и повести» М. В. Авдеева (СПб., 1853, 2 тома) в № 2 «Современника» за 1854 г. В этой рецензии Чернышевский отрицательно характеризовал Авдеева как писателя несамостоятельного и подражательного. Этому было противопоставлено требование от писателя «мысли» и социального содержания, ибо, писал Чернышевский, «наш идеал не в прошедшем, а в будущем».

В. А. ПАНАЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ

(1)

Когда мне понадобился рисунок к моему экзамену ¹, я и отправился к Даненбергу². Перед этим, за недостатком времени, я не был у него несколько месяцев. Он жил на Васильевском острове в 4 линии, занимая одну комнату во втором этаже, окнами на улицу. Тотчас по моем приходе, Даненберг взял большой лист рябой бумаги и начал рисовать голову толстейшим, мягким карандашом. В комнате стояли ширмы, и я слышал, что за ширмами есть живое существо.

Менее чем в час рисунок подходил к концу, и я беспрерывно просил, чтобы Даненберг делал его похуже, дабы могло быть вероятие, что я сам исполнил рисунок; но, несмотря на это, он вышел замечательно хорош, так что когда я подал его потом профессору рисования, то он расхохотался и сказал: этот рисунок сделан не вами, а каким-нибудь «художником». Я, конечно, смолчал, но формальность представления рисунка была исполнена.

Во время рисования Даненберга вышел из-за ширмы человек в татарском засаленном халате, волоча ноги и хлопая туфлями, подошел медленно к окошку, и, уткнув палец в притолку окна, сказал — «три часа, пора поесть».

Когда этот незнакомец скрылся опять за ширмами, я тихонько спросил Даненберга о том, что значило указание пальцем на притолку окна? Даненберг засмеялся и сказал: «Это наши часы; на притолке отмечены чертами тени от переплета окна для солнечных часов».

Не окончив еще рисунка, Даневберг вышел в сени, и вслед затем принесены были щи; они оказались счень хороши, и мы с аппетитом поели их втроем. — «Извините» — сказая Даненберг — «у нас второго блюда нет».

Поевши щей, незнакомец сказал Цаненбергу, что ему надо сходить со двора. Даненберг тотчас же ушел за ширму, и я заметил, что он вышел оттуда в туфлях. Затем вышел незнакомец, уже одетый, и спросил Даненберга: «что, сегодня свежо?» «Да, свежо» — ответил Даненберг. «Так незнакомец. — «Пожалуйста» — ответил я надену плащик» — сказал Даненберг.

На все это я обратил внимание, и когда, по уходе незнакомца, мы остались вдвоем с Даненбергом, то на мои вопросы он рассказал мне, что несколько месяцев тому назад он, случайно, познакомился с этим молодым

человеком по фамилии Некрасов, находившимся в крайнем положении, и пригласил его к себе.

Рассказывая вкратце... свою историю, Некрасов, между прочим, передал

нам следующий эпизод 3.

— Когда, — говорил он, — я истратил все деньги, и профессор, у ко-

169

Всему конецъ, не бойся гроба! Не будещь знать ты больше зла! Не бойся клеветы, родимый, Ты заплатиль ей дань живой, Не бойся стужи нестерпимой: Я схороню тебя весной.

• Не бойся горькаго забвенья У Ужь я держу въ рукѣ моей Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья, Даръ кроткой родины твоей... Уступитъ свѣту мракъ упрямый, Услышишь пѣсенку свою Недъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой, Баю-баю-баю-баю

Tumah unt jun

«БАЮШКИ-БАЮ»

Страница из книги «Последние песни», посланной А. Н. Пыпиным Чернышевскому в Вилюйск. Пометка рукой Пыпина:
«Читал мне сам «Некрасов» 4-го марта (1877»

Музей революции СССР, Москва

торого я жил и готовился в университет, пригласил меня удалиться от него, я попал в критическое положение и стал пописывать забавные стишки для гостиннодворцев. Некоторое время я кое как перебивался, но, наконец, пришлось продать все скудное мое имущество, даже кровать, тюфяк и шинель, и остались у меня только две вещи: коврик и кожаная подушка. Жил я тогда на Васильевском острову, в полуподвальной ком-

нате, с окном на улицу. Писал я лежа на полу; проходящие по тротуару часто останавливались перед окном и глядели на меня. Это меня сердило, и я стал притворять внутренние ставни, так однако, чтобы оставался свет для писания 4. Однажды прошло уже три дня, как я питался одним черным хлебом. Хозяйка объявила мне, что потерпит еще два дня, а затем выгонит вон. Лежу я на полу, в приятном расположении духа после приговора хозяйки, и пописываю. Вдруг появляется на пороге человек, большого роста, очень видный, в светло-сером плаще и спросил меня: — Здесь ли живет г. N. Я ответил ему раздраженным тоном, что никакого N тут нет, отвернулся и продолжал писать. Вижу, однако, что господин в плаще не уходит. Подождав немного, я ему сказал:

Что вам нужно? — небось любуетесь на мою обстановку.

— Признаюсь, — ответил он, — ваша обстановка хотя я тоже не в завидном положении, но у меня есть в кармане 20 рублей и довольно хорошая квартира; не пожелаете ли поселиться у меня? пожалуйте хоть сейчас, я живу очень близко отсюда.

— Мне нужно заплатить хозяйке 5 руб., — сказал я.

— Вот вам 5 руб., заплатите и идемте со мною.

Я тотчас же расстался с хозяйкой, взял подмышку коврик и подушку, и мы отправились вместе с господином в плаще. Фамилия этого человека была Даненберг; мы прожили с ним не малое время; выходили мы со двора поочередно, так как сапоги мои были негодны, и у меня не было шинели. а у него был плащ. (Этот плащ, довольно оригинальный, я видал на Даненберге еще в Казани) ⁵.

Тогда я вспомнил нашу встречу с Некрасовым у Даненберга, вспомнили мы с ним и оригинальные солнечные часы, и вкусные щи, и после того, много, много Некрасов рассказывал еще доброго о Даненберге.

Перепечатывается из «Русской Старины» 1893, № 9, 498—499 и 500—501. Автограф

В. А. Панаев в конце апреля 1840 г. держал экзамены для поступления в Институт путей сообщения, к этому времени и относится его рассказ о встрече с Некрасовым.

⁸ Клавдий Андреевич Даненберг — уроженец Казани, сын военного (командира полка?), по желанию отца поступил на медицинский факультет Казанского универси-

тета, но вскоре бросил его и против воли родителей, лишенный их поддержки, уехал в Петербург, где и поступил в Академию художеств (см. Н. У с п е и с к и й, Из прошлого, М., 1889, 228—231). По словам В. А. Панаева, «Даненберга все любили, и это был веселый, добрый и задушевный человек» (стр. 498). Вскоре Даненберг «покинул Петер-

бург навсегда» (стр. 499), и дальнейшие сведения о нем отсутствуют.

В Этот рассказ относится, по словам В. А. Панаева, к концу 1847 г.

Сходный рассказ см. у Н. Успенского, Воспоминание о Н. А. Некрасове. Письмо в редакцию.—«Иллюстрированная Газета» 1878, № 6, от 5 февраля, 47. Успенский рассказывает еще о том, что домовладелец был крайне недоволен тем, что Некрасов закрывал ставни. Этим эпизодом Некрасов начал свой рассказ «Без вести пропавший пиита» в «Пантеоне русского и всех европейских театров» 1840 (№ 9); его же он

ввел и в «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» (М. ... Л., 1931, 82).

6 Н. В. Успенский, по обыкновению путая, передает весь этот эпизод так, будто бы Даненберг переехал в комнату к Некрасову, налепившему на окно своей комнаты за-писку: «Отдается квартира» («Из прошлого»; 228). Рассказ В. А. Панаева более правдоподобен. Рассказ об одной одежде на двоих с мелкими вариантами содержится и в вос-поминаниях Н. В. Успенского (230—231) и, очевидно, соответствует действительности. Любопытно, что рассказ Успенского о том, как Некрасов соскоблил со своих сапогов ваксу и написал ею очерк, «спасший его от голодной смерти» («Из прошлого». 4—5), содержится в «Без вести процавшем пиите» и, может быть, к нему и восходит.

(2)

Я расскажу то, что передавал мне сам Некрасов о себе, до 1847 года, когда он явился уже соиздателем «Современника». Отец Некрасова был ярославский помещик средней руки, т. е. не богатый и не бедный. Он был человек мало образованный и грубоватый, подобный всем средним помещикам того времени, с достоинствами и недостатками, которые были присущи этой среде. Отец Некрасова, кроме сельского хозяйства, занимался содержанием почтовой гоньбы и потому имел в Ярославле контору 1.

Когда подошло время обучать детей, отец Некрасова отдал их в Ярославскую гимназию и поместил их жить в своей конторе под надзором

какого-то крепостного дядьки.

— Мы учением, — говорил Некрасов, — не занимались, а занимались больше кутежом, и я сильно приударял в картеж и в прочие забавы 2.

Прикащику в конторе приказано было денег барченкам не давать, но удовлетворять их требования. Когда отец наезжал в Ярославль и поверял счета прикащика, то стал замечать, что расходы на хереса и проч. для барчат все росли и росли; затем Некрасов стал брать и деньги у прикащика на картеж. Последний не осмелился отказывать будущему своему барину. Отец стращал то тем, то другим, но, наконец, вышел из терпения и чуть не побил сына.

- Тогда, рассказывал Некрасов, я объявил отцу, что не хочу учиться в гимназии, а хочу поступить в университет. Отец согласился отправить меня в Петербург, а не в Москву, потому что в Петербурге жила родственница, старуха Маркова. Дал мне 500 руб. ассигнационных и письмо к Марковой, чтобы она оказала покровительство его сыну и пристроила его для приготовления в университет. Надо тебе сказать, повествовал Некрасов, что хотя в гимназии я плохо учился, но страстишка к писанию была у меня сильная, так, что я писал сочинения почти для всех товарищей. Прибыв в Петербург, я отправился к старухе Марковой; жила она в своем деревянном доме, на Литейной, против Симеоновского переулка. Прихожу, вижу древнюю старуху, сидящую у окна и вяжущую чулок; подал я ей письмо от отца, она позвала приживалку прочесть.
 - А, так ты из Ярославля? спросила она.
 - Из Ярославля, бабушка.
 - Сюда в Петербург приехал?
 - Сюда, бабушка.
 - Учиться?
 - Учиться, бабушка.
 - Хорошо, учись, учись.

Сижу и жду — что будет дальше.

- Так отец твой жив? спросила она опять.
- Жив, бабушка.
- Ведь ты из Ярославля?
- Из Ярославля, бабушка.

И затем пошли одни и те же вопросы несколько раз. Вижу, что толку нет никакого, и ушел. Разочек еще сходил и опять то же. — Ты из Ярославля — и т. д. Плюнул и больше туда ни ногой.

Надо заметить, что я знал старуху Маркову и несколько раз бывал у нее в доме. Ее сын был товарищем моего отца по Лейб-Уланскому полку, делал с ним поход 1812-го года, и они были очень дружны, почему я и посещал этот дом, приблизительно в то время, когда Некрасов являлся к старухе. Очень ясно помню ее, постоянно сидящую у окна с чулком. Сын ее был в то время полковым командиром лейб-гвардии Уланского его высочества полка, который стоял в Новгородских поселениях и потому бывал редко в Петербурге, поэтому Некрасов и не встретил его у старухи; иначе Марков, как человек задушевный, вероятно, не бросил бы Некрасова на произвол судьбы ³.

— Так я и стал проживать, — говорил Некрасов, — в какой-то грязной гостинице, шлифовал тротуары, да денежки спускал. Наконец, я пристроился у одного профессора, который взялся приготовить меня в университет. Денег у меня почти уже не было, надо было писать отцу, а

кто его знает — прислал ли бы он или нет? Между тем, у профессора была женка смазливенькая, и я стал за нею приволакиваться. Заметил это профессор, да и вытолкал меня вон. Куда голову преклонить — не знаю? Оставалось еще несколько рублишек, я нанял себе угол за два рубля в месяц. Пить, есть надо, я и задумал стишонки забавные писать. Напечатал их на листочках и стал гостиннодворским молодцам продавать. Разошлись. Маленько оперился и комнатку на Васильевском острове нанял. Вот после этого ты и встретил меня у Даненберга. Ну потом, я стал уже маленькие стихотворные книжки издавать, мало-по-малу поправляться и достиг я знакомства с Белинским. Белинский стал мне работу давать, и я тогда совсем уже оправился. А потом познакомился с Ив. Ив. Панаевым и на твоих глазах издал «Петербургский Сборник», а теперь, как ты видишь, издаем с Ив. Ив. «Современник» ⁴.

Перепечатывается из «Русской Старины» 1901, № 9, 492—494. Автограф неизвестен.

1 Неизданные данные о деятельности А. С. Некрасова в качестве содержателя почты

находятся в Ярославском обл. архиве.

² Подтверждение этих строк воспоминаний Панаева находим в неизвестном до сих пор в литературе письме Некрасова к Б. И. Ордынскому, затерянном в составе статьи Е. А. Боброва о нем в «Варшавских Университетских Известиях» (1903, № 8, 3). Ордынский напомнил Некрасову о том, что они одновременно учились в Ярославской гимна-зии. Отвечая ему, Некрасов писал: «Весьма вероятно, что обучались мы в Ярославской гимназии вместе. Впрочем, я собственно более предпочитал проводить классное время в попутном Цареградском трактире, в игре на биллиарде: поэтому и не помню моих товарищей тогдашних».

 Версия о Марковой известна только по воспоминаниям В. А. Панаева; обычная версия — рекомендательное письмо Н. П. Полозова генералу Д. П. Полозову (см. выше). Кем Маркова приходилась А. С. Некрасову, неизвестно. Упоминаемый В. А. Панаевым ее сын — с 1831 до 1853 (?) г. полковой командир лейб-гвардии уланского его императорского высочества Михаила Павловича полка, генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант) Иван Васильевич Марков (ум. 1853; о нем см. В. Матвеев. Лейб-гвардии уланский его величества полк. 1817—1859, СПб., 1860).

• О жизни у Д. И. Успенского и дальнейшей жизни в Петербурге см. ниже в статье С. Рейсера «Некрасов в Петербургском университете».

А. С. СУВОРИН. НЕДЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ

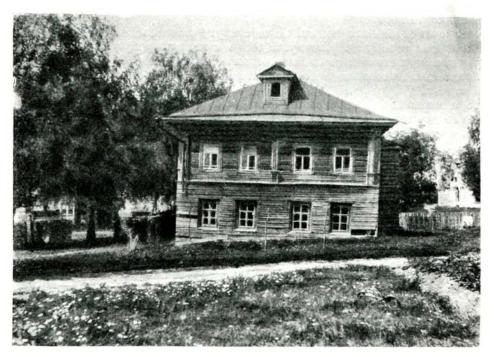
<1>

... Он приехал в Петербург, когда ему не было еще 16 лет; приехал он с письмом своего отца к жандармскому генералу Полозову, соседу по имению. В письме была просьба определить сына в Дворянский полк (теперь Константиновское училище); Полозов отправил его к Я. И. Ростовцеву, который принял его и сказал, что определить можно. Но Некрасову вдруг не захотелось в Корпус и, не долго думая, он пришел к Полозову и стал просить его, чтоб он не беспокоился на его счет: «Я хочу в университет поступить». — «Тем лучше», сказал Полозов. Г-жа Полозова накормила его картофелем с маслом, расспросила о родных и отпустила с миром.

Молодой человек остался на полной своей волюшке с 150 р. асс. в кармане, с феской, шитой его сестрой золотом, и с архалуком с бархатными полосками. Он, конечно, считал себя вполне обеспеченным и немедленноподписался на чтение в библиотеке и взял «Современник». Читая его, он писал подражания всему, что читал, и, разумеется, сходился с молодежью. Из его знакомых всех ближе к нему был один студент Медико-хирургической академии, столь бедный, что бегал с Петербургской стороны на Разъезжую к Некрасову, «чтоб затянуться».

Скоро и Некрасову пришлось очутиться в таком же положении, так как отец не любил шутить с непослушным сыном и не стал присылать ему денег. Это было самое горькое время. Приходилось голодать буквально, но какой аппетит тогда был — ужас! — говорил Некрасов. — Раз мы играли в карты на булки. Я выиграл 45 коп., послали за булками; не помню, сколько съели два моп товарища, но я съел все остальное. Но такие случаи были нечасты.

Задолжал я солдату на Разъезжей 45 рублей. Стоял я у него в деревянном флигельке. Голод, холод, а тут еще горячка. Жильцы посылали меня ко всем чертям. Однако я выздоровел, но жить было нечем, а солдат пристает с деньгами. Я кое как отделываюсь, говорю, что пришлют. Раз он приходит ко мне и начинает ласково: «Напишите, что вы мне должны 45 руб., а в залог оставляйте свои вещи». Я был рад и сейчас же удовлетворил его просьбу. Ну, думаю себе, гора с плеч долой. Отправляюсь к приятелю на Петербургскую сторону и сижу до позднего вечера. Возвращаюсь домой

ШКОЛА В СЕЛЕ АБАКУМЦЕВО, ПОСТРОЕННАЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ И НА СРЕДСТВА НЕКРАСОВА

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

вдоволь наговорившись и совершенно уверенный в том, что солдат меня не скоро теперь потревожит. Дворник пропустил меня с какой-то улыбочкой: извольте мол, попробуйте итти. Подошел я к флигельку и стучусь. «Кто вы?» — спрашивает солдат. — «Постоялец ваш, Некрасов», — отвечаю. — «Наши постояльцы все дома», — говорит. «Как, говорю, все дома: я только что пришел!» — «Напрасно, говорит, беспокоились: вы ведь от квартиры отказались, а вещи в залог оставили...».

Что было делать? Пробовал бедняга браниться, кричать — ничто не помогло. Солдат остался непреклонен. Была осень, скверная, холодная осень, пронизывающая до костей. Некрасов пошел по улицам, ходилходил, устал страшно и присел на лесенке одного магазина; на нем была дрянная шинелишка и саржевые панталоны. Горе так проняло его, что он закрыл лицо руками и плакал. Вдруг слышит шаги. Смотрит — нищий с мальчиком. «Подайте, Христа ради», — протянул мальчик, обращаясь к Некрасову и останавливаясь. Он не собрался еще с мыслями, что сказать, как старик толкнул мальчика:

— Что ты? не видишь, разве, он сам к утру окоченеет. Эх, голова! Чего ты здесь? — продолжал старик.

- Ничего, - отвечал Некрасов.

— Ничего, ишь гордый! Приюту нет, видно. Пойдем с нами.

— Не пойду. Оставьте меня.

- Ну, не ломайся. Окоченеешь, говорю. Пойдем, не бойсь, не обидим. Делать нечего. Некрасов пошел. Пришли они в 17 линию Васильевского острова. Теперь этого места не узнаешь, все застроено. А тогда был один деревянный домишко с забором и кругом пустырь. Вошли они в большую комнату, полную нищими, бабами и детьми. В одном углу играли в три листа. Старик подвел его к играющим.
- Вот грамотный, сказал он, а приютиться некуда. Дайте ему водки, иззяб весь.

Некрасов выпил полрюмки. Одна старуха постлала ему постель, подложила под голову подушечку. Крепко и хорошо уснул он. Когда проснулся, в комнате никого не было, кроме старухи. Она обратилась к нему: «Напиши мне аттестат, а то без него плохо!» Он написал и получил 15 копеек.

«С ними пошел разживаться», сказал Некрасов. Этот рассказ я слышал от него два года тому назад, и он так врезался в моей памяти, что я точно слышу его теперь. Это было после обеда. Покуривая сигару, здоровый, довольный, он с видимым удовольствием вспоминал эти горькие годы, когда нужда закаляла его характер, учила уму-разуму и говорила: крепись, не падай никогда, не сдавайся без бою.

Перепечатывается из «Нового Времени» 1877, № 380, от 3 марта. Автограф неизвестен.

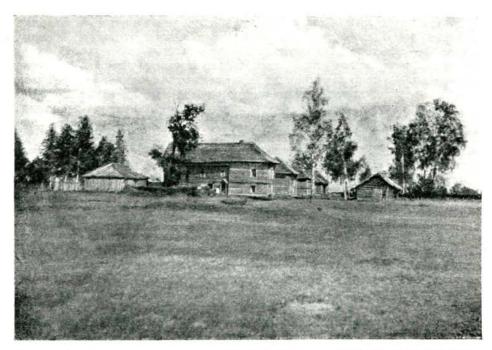
<2>

... Не зная ни одного иностранного языка, почти ни одного иностранного слова, получив отрывочное, кое-какое образование, не кончив нигде курса, даже в гимназии, он быстро все схватывал и не только не терялся среди образованных, научно развитых, молодых людей сороковых годов, но стал между ними, как нечто очень оригинальное, самобытное, крепкое, поражавшее знанием людей и жизни вообще. Действительно он знал ее ближе и лучше, чем Белинский, Тургенев и многие другие, с которыми судьба его сталкивала. Не даром он прожил на лоне крепостного права, не даром голодал и холодал, сходился со всяким людом, брался за всякое писанье. Он смело шел к жизни. Попал в круг артистов — и начал писать пьесы для театра, то переделывая, то сочиняя. Сочинил он «Похождения Столбикова» в 5 действиях, с прологом и эпилогом, «но, — говорил он, — пролог и эпилог не спасли пьесы». Зато огромный успех имела «Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь».

— Первый акт только сочинил я,— говорил он мне, — а второй выкрал почти целиком из Нарежного, и этот акт и имел особенный успех...

... Однажды, рассказывая мне разные анекдоты из своей жизни, рисуя ту бедность, которую он видел, то нахальство непомерное, с каким эксплоатировался всякий труд и литературный в особенности, потому что тут так же эксплоатировался и талант; рисуя умственную ничтожность тех людей которые являлись наилучшими пиявками, он сказал:

— Я дал себе слово не умереть на чердаке. Нет, думал я, будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробысь во что бы то ни стало. Лучше по владимирке пойти, чем околевать беспомощным, забитым и забытым всеми. И днем и ночью эта мысль меня преследовала, от нервного волнения я подпрыгивал на своей кровати, и голова горела, как в горячке. Я мучился той внутренней борьбою, которая во мне происходила: душа говорила

ДЕРЕВНЯ ГОГУЛИНО, БЫВШАЯ ВОТЧИНА ОТЦА НЕКРАСОВА, УПОМЯНУТАЯ В «КОРОБЕЙНИКАХ»

Фотография А. В. Попова 1935 г.

одно, а жизнь совсем другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который вразрез шел с жизнью, и я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо них проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплоатировали. Я редко говорил в их обществе, но когда напивался вместе с ними — на это все мастера были, я начинал говорить против этого идеализма с страшным цинизмом, с таким цинизмом, который просто пугал их. Я все отрицал, все самые благородные стремления, и проповедывал жесткий эгоизм и древнее правило — око за око, зуб за зуб. Пускай их! Когда, на другой день, проспавшись, я

Я ручаюсь за подлинность этих слов, которые, вероятно, не мне одному случалось слышать из уст Некрасова... ¹

вспоминал свои речи, то сам удивлялся своей смелости и пропасти

... Один я между идеалистами был практик,— говорил Некрасов, продолжая ту речь, начало которой я привел выше.— И когда мы заводили журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы

миссию создать журнал.

цинизма...

И он создал этот журнал, несмотря на все препятствия, на отсутствие сотрудников, денег и возможности писать что-нибудь такое, что живо затрагивало бы общество. Мы вообразить себе не можем того времени — так мы далеко ушли от той мелкой, но трагической борьбы, потому что она иссушала мозг. Только натура необычайно сильная могла ее выдержать. Некрасов тогда работал по целым суткам. Он рассказывал мне, как писались, например, романы «Три страны света» и «Мертвое озеро»:

У меня в кабинете было несколько конторок. Бывало зайдет Григорович, Дружинин и др. Я сейчас к ним: становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева (Станиц-

кий). Но все, бывало, нехватало материала для книжки. Побежишь в Публичную библиотеку, просмотришь новые книги, напишещь несколько рецензий — все мало. Надо роману подпустить. И подпустишь. Я, бывало, запрусь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыху более суток. Времени не замечаешь, никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить об этом, а тогда было жутко, и не раз мне приходили на память слова Белинского, которые он сказал мне за неделю до смерти: «Я все думаю о том, — говорил он, лежа грустный, бледный, — что года через два и вы будете лежать так же беспомощно, как я. Берегите себя, Некрасов». Но разве можно было себя беречь?.. А как на нас смотрели тогда, — я не говорю о властных особах, — например, такие знаменитости, как Гоголь. Раз он изъявил желание нас видеть. Я, Белинский, Панаев и Гончаров надели фраки и поехали представляться, как к начальству. Гоголь и принял нас, как начальник принимает чиновников; у каждого что-нибудь спросил и каждому что-нибудь сказал. Я читал ему стихи «К родине». Выслушал и спросил: «Что же вы дальше будете писать?» — «Что бог на душу положит». — «Гм», — и больше ничего. Гончаров, помню, обиделся его отзывом об «Обыкновенной истории»...

Рассказывал он обыкновенно много и живо. Это была живая и умная летопись литературы и жизни, и притом такой жизни, которая для большинства нас — terra incognita. Любил читать свои стихотворения, но не иначе, как в интимном кружке.

— В сороковых годах, — говорил он, — писатели думали, что необходимо составлять себе репутацию прежде всего в большом свете, а потому некоторые из нас из фрака не выходили. Я никогда этого не делал. Я бывал у графини Разумовской и других, но в карты там играл: я был равный с равными, а не заискивал, не представлял своих стихов на суд этих господ и госпож. Я всегда думал, что надо репутацию у публики завоевать, а большой свет — какая это публика?

Говаривал он, в особенности в последние годы, и о своем значении в литературе, и всегда чрезвычайно скромно...

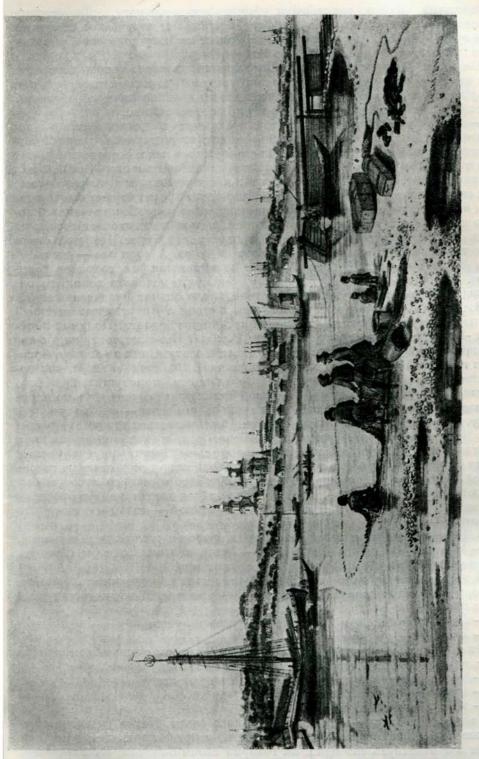
... Большие надежды возлагал он на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, «если бы еще года три — четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плох стал».

Он, действительно, становился плох, а как он страдал от своей болезни, что выносил — представить трудно. «В январе будет ровно три года, — говорил он незадолго до смерти, — как я заболел», но страдал он особенно сильно года полтора... Весной 1877 г. страдания усилились необычайно; несчастный рвал на себе белье, схватывал себя за горло. Предположено было сделать ему операцию. За несколько дней до нее я зашел к нему и, против обыкновения, застал его в хорошем состоянии.

Комната была страшно натоплена; больной лежал на кровати, в углу. покрытый простыней — он не мог выдерживать на себе даже одеяла, которое казалось слишком тяжело — так чутки были его нервы.

— Я вас с год не видал таким хорошим, — сказал я.

— Да, сегодня просвет такой нашел, — начал он тихим голосом.— Знаете, как в лесу, в темной чаще. Идешь, идешь и вдруг просвет увидишь. Так и у меня. Несколько дней было ужасно тяжело; я думал, что уж конец. Лежишь в полусознании под влиянием морфия и этих адских мук. Слышишь и видишь даже, что кто-то ходит тут такой унылый, и

вид города ярославля Литография с рисунка Андре Дюрана, 1840-е гг. Исторический музей, Москва

так жалко мне его, так хочется утешить его, а не могу... Да, сегодня просвет у меня, но он сейчас кончится, боюсь. Вот что, чтобы не терять времени: я виноват перед вами — все никак не могу переслать, а стихи вам готовы.

Он быстро поднялся с кровати и при помощи человека подошел к столу. На нем была одна рубашка. Тут только увидел я, до чего он исхудал и как сгорбилась спина его. На столе лежали листы, исписанные карандашом.

Он взял их и снова улегся. Все делал крайне торопливо.

— Видите что. У меня что-то странное выходит. Лежишь дни и ночи с закрытыми глазами, и все картины проходят: люди, деревья, сцены. Отбою нет; приглядываещься, всматриваешься — и так все ясно. В последнее время все мне представляются степи. Без конца лежит степь и степь, сибирская, беспредельная. Вот вижу, снег идет, так и валит хлопьями, и степь белеет, и я смотрю на нее долго-долго. Этот образ степи просто не дает мне покоя. И я задумал целую поэму, которую назову: «Без роду, без племени». Разные подробности у меня уже сложились, несколько стихов набросано на этих листах, а другие в голове. Понимаете, что будет. По этой степи кодит человек. Он вырвался из острога на волю. А воля эта — степь. И зимой и легом он там. Он бежит, бежит до истощения сил, голодает, голодает. Нигде нет приюта. Тут я опишу, как мучит человека холод, голод. жажда. Это ужасные муки. Я знаю теперь, что значит физическая мука. И вот он идет, и ничего нет, кроме снега и степи... Вдруг видит он что-то черное. Он туда, смотрит — горностайка. Замерз бедняга. Подумал-подумал — бросить горностайку или взять с собой? Все-таки товарищ, божье созданье, все будто не один в этой проклятой степи. Снял он шапку, положил горностайку, надел ее опять и снова идет. Все степь и снега, сил нехватает итти. И вот слышит звон. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что там его ждет? Этот звон только раздражает, только напоминает, что есть близко люди, да нельзя к ним итти — он бродяга, без роду, без племени. А звон продолжается. Перекреститься или нет? —думает он. Чему радоваться? И озлобление берет его, и вспоминает он, как жил он между людьми, как этот звон колокольный вызывал в нем чувство. Снял он шапку — глядь, а горностайка шевелится: он согрел его на голове своей. Глядит он на него, по шерстке гладит. Ну, хочешь со мной, или на волю? Присел, спустил горностайку — прижался зверек и вдруг бросился на волю... Это начало. Вот вам несколько стихов — делайте с ними что хотите...².

... Некрасов подошел к столу и стал есть, разрезая куски еще на меньшие.
— Я много говорил, — сказал он. — Этого нельзя. Если бы Николай

Андреевич (Белоголовый) узнал, задал бы он мне.

И этот человек, у которого голова была полна поэтическими образами, который так много мог бы еще сделать, — умирает. Я посидел минуту и стал прощаться.

— Дай бог, чтобы вам становилось лучше и лучше.

— Нег, этого не будет.

Он пожал мне руку и повернулся к столу, потом опять обернулся ко мне, сделал два-три шага вперед и сказал шопотом:

- Через несколько дней отправляюсь на тот свет.

— Полноте, Николай Алексеевич.

— Нет, это так. Да оно и лучше.

Голос его дрогнул — в нем послышались слезы. Несмотря на невыносимые страдания, он все-таки хотел жить, и когда проходили припадки и он мог вздохнуть свободно, он говорил своим близким: «А все-таки я рад, что я здесь еще, а не там».

... В последний раз я видел его 7 декабря. Накануне я поздравил его запиской со днем ангела и пожелал здоровья. Он написал мне в тот же ден

карандашом на листе почтовой бумаги, где было переписано его стихотворение «Букинист и библиограф», между прочим, следующее: «Я не могу похвалиться здоровьем. Эта жизнь мне в тягость и сокрушение. Но лучше об этом не начинать» ³. Я вошел тотчас же, как доктор от него вышел, и присел около кровати. Он стал говорить, но шопотом; говорил минут пять; иногда вдруг вырывалась из горла резкая нота, точно невольно, и шопот становился еще тише. Он попросил папироску и стал курить. Руки были худы страшно, и он жаловался, что рука устает держать папироску. Он весь истаял, но все мысли его вертелись на литературе, ее идеале, ее задачах. «Сколько я передумал за это время, — шептал он, —Боже мой, сколько передумал! Времени много. Закрыты глаза. Полагают, что я сплю, а я думаю, думаю, пока боли не напомнят о себе. И о том думаю, что без меня будет... Вот глаза закрываются... Устал. Заходите».

Через несколько дней был у него Боткин. Некрасов уже почти не го-

ворил. Боткин вышел от него в слезах.

И вчера так многие плакали, провожая его в могилу...

Перепечатывается из «Нового Времени» 1878, № 662 от 1 января, 3—4. Автограф неизвестен.

- ¹ Здесь и дальше Суворин очень точно передает слова Некрасова о его различии с людьми 40-х годов, с идеалистами и диалектиками, оторванными абстрактным философствованием в гегельянском роде от практической жизни. Ср., например, отрывок (9) его автобиографии (стр. 155), опубликованный Скабичевским, I (385—387), но неизвестный еще Суворину в то время, когда он публиковал эти строки.

 ² Ср. прим. 12-е к записям А. Н. Пыпина.
- ² Стихотворение «Букинист и библиограф» было опубликовано Сувориным в составе этого же очерка. Полный текст письма Некрасова к Суворину см. во втором некрасовском томе настоящего издания.

C. H. KP N B E H K O. N3 PACCKA3OB HEKPACOBA

Некрасов рассказывал: «Приехал я в Петербург в 1837 г. (в год смерти Пушкина). Отказавшись поступить в Дворянский полк, как того хотел отец, и начав готовиться в университет, я был лишен отцом денежных средств... Да я и сам никогда не обращался к нему за деньгами, порешив раз навсегда полагаться только на себя. Во время приготовлений в университет приходилось перебиваться кое-какою работою: уроками, первыми литературными попытками в прозе» и т. п.

Жил сначала Некрасов с Глушицким*, а затем у профессора Успенского, который, хотя и запивал на неделю, на две, но был человек очень хороший, добрый и занимался с Некрасовым хорошо. После неудачи с экзаменом положение Некрасова стало еще более неопределенным и затруднительным. Приходилось разыскивать уроки, которые с трудом находились, приходилось писать для тогдашних издателей, «по заказу», повести, рассказы, сцены, держать корректуру и проч. Некрасовской прозы «наберется» «до 300 листов». Жить литературным трудом тогда было «гораздо труднее, чем теперь: издатели платили самые пустяки». Все это время Некрасов сильно нуждался. Так, напр.: проживая с Глушицким, они довольно долгое время втроем (третьим был крепостной мальчик Глушицкого; тогда дворянских детей отпускали в Петербург для поступления в Дворянский полк и в университет с крепостными людьми) питались одним обедом, стоившим 15 к., который они брали в кухмистерской.

^{*} С Глушицким знакомство произошло случайно вскоре же по приезде в Петербург. Произошло это знакомство, насколько помнится мне, таким образом: Глушицкий тоже только что приехал в Петербург с целью поступления в университет и, отыскивая кого-то из своих знакомых (?), попал в квартиру, где жил Некрасов. Разговорившись, Глушицкий предложил Некрасову поместиться вместе, в комнате последнего. Некрасов сказал Глушицкому, что у него нет никаких средств, на что тот ответил, что и у него тоже очень мало средств, «но будем как-нибудь жить», добавил он. Так и порешили 1.

«Ровно три года, — говорил Некрасов, — я чувствовал постоянно, каждый день голодным. ходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан в Морской, где дозволялось читать газеты, хотя бы ничего и не спросил себе. Возьмешь бывало для виду газету, а сам пододвинешь к себе тарелку с хлебом и ещь...». Силы Некрасова постоянно надрывались, наконец, он сильно заболел. Доктора объяснили причину болезни продолжительным голоданьем, и **Некрасов, во время** последней своей болезни, чувствуя большое сходство в болезненных ощущениях, видел связь между нею и первою болезнью. Он был убежден в том, что начало его болезни положено было именно тогда. Некрасов чуть не умер. Большинство тогдашних докторов, видевших его, приговорили его уже к смерти, и остался он жив, вопреки всяким ожиданиям, благодаря молодости и крепкому организму. Лечиться и жить во время болезни было не на что. Приходилось пользоваться милостью квартирных хозяев, какого-то отставного унтер-офицера и его жены, у которых он нанимал комнату на Разъезжей улице. Задолжал им Некрасов до 40 р. «Хозяин, — говорил он, — еще ничего, но хозяйка постоянно беспокоилась, что я умру и деньги пропадут. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконец, в один прекрасный день ко мне явился хозяин, объяснил свои опасения с откровенностью и просил меня — написать ему расписку в том, что я оставлю ему за долг свой чемодан, книги и остальные вещички. Я написал. Думаючего доброго, не станут и кормить, да и люди они были, действительно, бедные. Через несколько времени мне стало, однако, лучше, и я вскоре настолько уже оправился, что решился пойти с Разъезжей на Выборгскую сторону, к одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-как до него, я там засиделся до позднего вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозяб, так как на мне было холодное пальтишко, а дело было осенью - в октябре или ноябре. Прихожу к дверям, звонюсь раз, другой... Не пускают. Говорят, что в моей комнате поместился уже другой жилец... Что же касается до моего долга, то хозяева считают себя вполне удовлетворенными моим имуществом, которое я имотдал за долг, вчем и выдал расписку. Скверно стало мне. Я остался один на улице, остался без ничего и больной. Пошел я, хорошенько не сознавая, куда иду, на Невский проспект и сел там (кажется, около Доминика) на скамеечку, которые выставлялись на улицу для посетителей. Озяб. Чувствовал сильную усталость и упадок сил. Наконец, заснул. Разбудил меня какой-то старик, оказавшийся нищим, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласил меня с собою куда-то ночевать. Я пошел. Пришли на Васильевский остров в 15 линию. Там, в самом конце улицы, стоял небольшой деревянный, полуразвалившийся домик, в который мы и вошли. В доме оказалось много народу. Все это были нищие, которые собирались здесь ночевать. Не помню уже я всех разговоров, которые велись в тот вечер, помню только, что написал кому-то прошение и получил за это 15 коп.»².

Ходил ли Некрасов еще ночевать к своим новым знакомым или приютился у кого-либо другого, он не говорил. Через несколько времени встретился он с одним полковником (фамилии не помню, что-то вроде Квитницкого), у которого был пансион и который предложил ему занять место наблюдателя и репетировать учеников по русскому языку и арифметике. С этого времени Некрасов стал оправляться. Скопив деньжонок, он задумал издать свои стихотворения, которые писал между работою и которые были изданы особою книжкой под заглавием «Мечты и звуки». Приготовив стихотворения к печати, Некрасов отправился показать их и посоветоваться с В. А. Жуковским. Жуковский нашел стихи плохими, но заметил в Некрасове талант и посоветовал ему снять с издания свою фамилию. «У вас есть талант, из вас будет толк,—говорил ему Жуковский,—и вам будет после неловко...». Некрасов послушался, и «Мечты и звуки» вышли без его фамилии.

Некрасов сходился со многими либеральными кружками того времени, студенческими и литературными— и присутствовал на их собраниях. Тяжелое,— говорил он,— производили они на меня впечатление: преобладала часто фраза, диалектика, говорились общие места, говорили

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ НЕКРАСОВА НА КЛАДБИЩЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В ЛЕНИНГРАДЕ Фотография 1921 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

больше о Западной Европе, видно было незнание русской жизни и русского народа... Я сознавал, что все это было не то, что нам нужно, но в то же время спорить с ними не мог, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что нам нужно нечто иное, я начал работать, учиться...» 3. Настоящая деятельность Некрасова началась только со знакомства его с Тургеневым и Белинским. Кажется, познакомился он раньше с Тургеневым, который и показал его стихотворение «На родине» Белинскому. Белинский был в восторге, расхвалил Некрасова и говорил, «вот такие-то произведения и нужны нам». Тургенев, с своей стороны, расхваливал Некрасова, убеждая его писать еще в том же направлении. «То,—говорил он,—что у вас выражено в одной

¹⁴ Литературное Наследство

строке, нам нужно несколько страниц, чтобы выразить, прозой». Сначала Некрасов написал только первую половину стихотворений, конец был сочинен некоторое время спустя на улице, по пути к Белинскому, причем у Некрасова сохранились в памяти даже самые мелкие обстоятельства. «Как сейчас - говорил он - помню: купил я у разнощика фунт винных ягод, иду-ем их и сочиняю...». Из личных отношений к Тургеневу Некрасов рассказал только небольшую часть, обещая рассказать потом, когда дойдет очередь. «Тургенев, - говорил он, - выразился печатно, что ялюблю деньгу. Натура у меня была скорее широкая, чем склонная к скряжничеству, котя Тургенев и мог подумать, что я человек скупой. Проголодав несколько лет и чуть не отправившись к праотцам, я почувствовал какую-то не то боязнь, не то уважение к деньгам. Я берег каждый грош. Я с отвращением зашивал деньги в галстук и постоянно носил их там. Тургенев же был богатый помещик. Получая значительный и определенный доход, он мог разбрасывать и разбрасывал деньги направо и налево. Нередко случалось, что, получив деньги из деревни, он их спустит в два-три дня и приходит ко мне просить денег на обед. Для обеда я никогда не отказывал, а больше не давал... Мне все равно теперь говорить о своих слабостях, которые, разумеется, были и у меня. Так, напр.: я любил играть в карты, я был картежник. Может быть, даже я унаследовал эту слабость в крови. Дед мой был картежник, он проиграл 10 т (ысяч) (душ или десятин — не помню) в карты; отец также был картежник. Но денег я никогда не любил...».

Полностью печатается впервые по автографу ИЛИ (Ф. 134, оп. 1, № 37). Значительные отрывки этих записей, с рядом негочностей и пропусков, в качестве рассказа Некрасова, впервые у Скабичевского I (111—113 и 367), но без ссылок на Кривенко как на источник его сообщения. Автограф обнаружен А. Я. Максимовичем среди бумаг А. Ф. Кони, восходящих, повидимому, к архиву А. А. Буткевич. Автограф — без подписи и других признаков авторства: оно установлено мною сличением рукописи с другими автографами Кривенко в собраниях ИЛИ, а также следующими словами в наброске его восноминаний о Некрасове: «Кое-что я, впрочем, после его смерти записал по памяти, по просьбе Скабичевского, когда он биографию составлял, и отдал ему в материалы. А не запиши я, как он ужасно нуждался в первые годы по приезде в Петербург, так это и осталось бы незаписанным. (С. Кривенко, Собрание сочинений, СПб., 1911, I, стр. XV, XVI). Вероятно, именно записью по памяти, спустя некоторое время, и объясняются отдельные ощибки Кривенко: «Квитницкий» вместо «Бенецкий», «На родине» вместо «Родина» и т. д.

Сравнительно с публикацией Скабичевского новыми являются рассказы о знакомстве Некрасова с Тургеневым и Белинским и данные о стихотворении «Родина».

Повидимому, рукопись Кривенко дошла до нас не полностью: к утраченной части восходят, вероятно, следующие строки текста Скабичевского, переданные им в формепрямой речи, как рассказ Некрасова: «Разбирать приходилось всякие книги, какие-только попадались под руки, не одни художественные, но подчас и самые ученые. Соб-ственных-то благоприобретенных знаний на это, конечно, нехватало: зато выручала Публичная библиотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну, и ничего, сходило с рук».

Брат Андрея Ивановича Глушицкого, Николай, в письме в редакцию «Петербургского Листка» опровергал сообщение о том, что Некрасов некоторое время жил с А. И. Глуппицким, ссылаясь на то, что Глуппицкий был в числе «казеннокопптных» студентов и, следовательно, жил при университете (1878, № 107, 1 июня, 2—3).

2 Любопытно, что этот эпизод голодных дней своей юности Некрасов ввел в биогра-

фическую в значительной мере повесть «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»:

см. изд. 1931 г., 315 и до 336; ср. также 248—249.

3 Скабичевский, вероятно справедливо, толкует это место, как относящееся к спорам «с людьми, принадлежавшими к кружку Белинского». Это прежде всего Герцен, живший в 1840—1841 гг. в Петербурге. Абстрактное философствование гегельянцев было чуждо и внутренне неприемлемо для практической натуры Некрасова. Характерна в этом смысле его позднейшая приписка на стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...», написанном в 1845 г. в Соколове у Герцена: «Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петер-бургском, т. е. Москва шла более реально, чем Петербург...» (Н. Некрасов, Полн. собр. стихотворений, изд. 9-е, Л., 1935, 472. Ср. те же мысли в стихотворении начала 40-х годов «Труженик», опубликованном мною в «Звезде» 1938, № 1, 167).